

ПИОНЕР 1

ЯНВАРЬ ● 1979 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1979 ГОД —
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ГОД
РЕБЕНКА

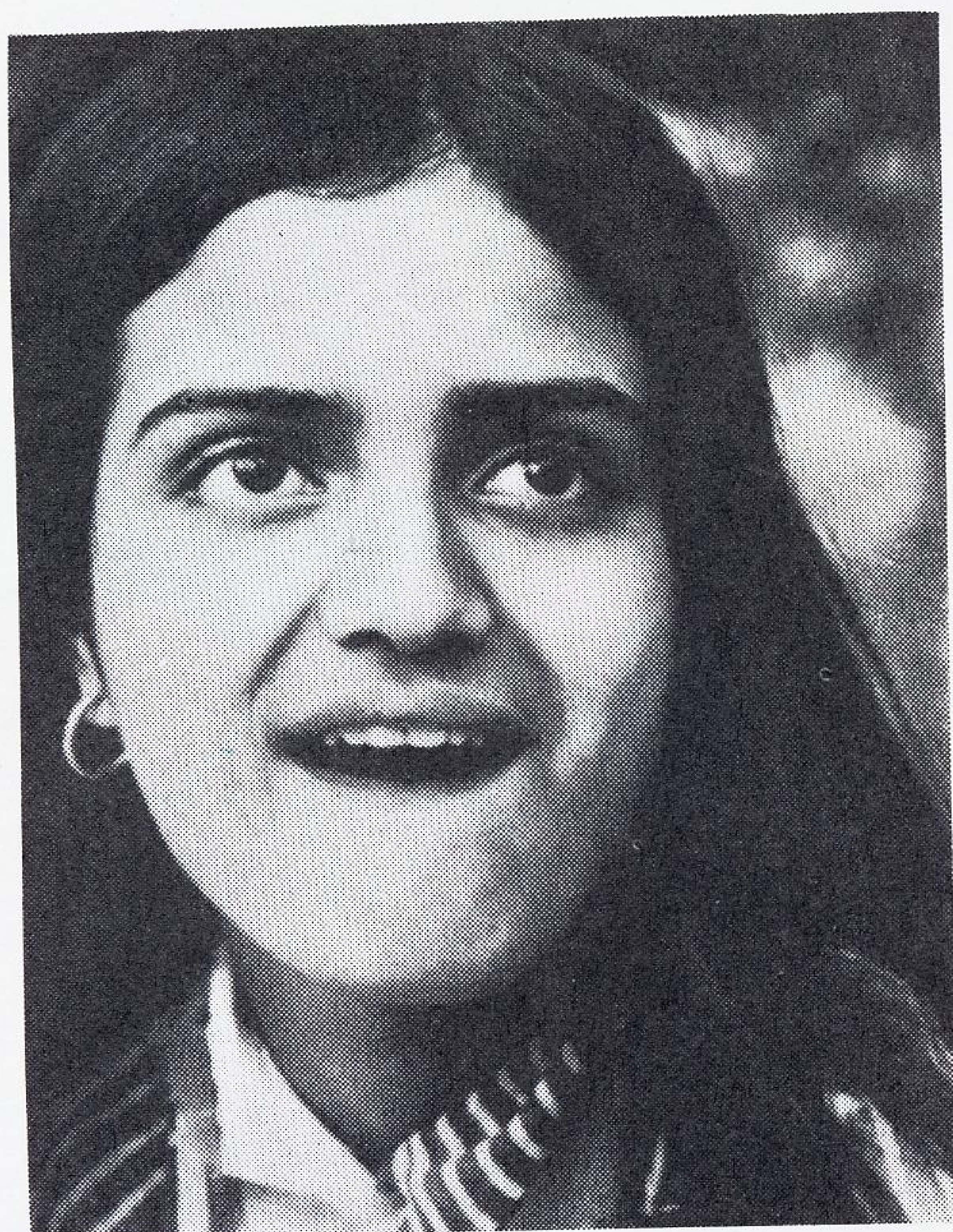

Африка.

ТАК РАССУДИЛА САМА ИСТОРИЯ

С. ФУРИН

Азия.

Америка.

Рождено революцией

Заседание Совета Народных Комиссаров 23 сентября 1919 года было радостным и бурным. Впервые после вынужденного отсутствия из-за ранения его вел сам Ильич. И все были взволнованы. Ровно в 20 часов он, как и прежде, вошел в зал заседаний и сразу же приступил к делу. А дел накопилось уйма — и самых серьезных, архиважных, как любил говорить Владимир Ильич, от которых зависели судьбы революции, судьбы миллионов людей, и самых обычных, повседневных, которые требовали своего решения. На этом заседании, где отчитывались народные комиссары, В. И. Ленин выступал **восемь** (!) раз. И хотя врачи предупреждали его, что болезнь может о себе дать знать в любую минуту, Ленин был весь в работе, в действии. Всем своим видом, горячей заинтересованностью Ленин подчеркивал главное: революция в опасности, и надо действовать решительно.

Владимир Ильич прочитал первый абзац нового декрета и остался доволен. Еще два месяца назад он подписывал декрет о выдаче продовольственного пайка семьям солдат и об увеличении детского пайка до размера взрослого. Новым декретом выделялись деньги для питания детей, и это очень радовало председателя Совнаркома. «Всем советам на местах организовать «Фонд детского питания». А тем, кто не

сможет срочно это сделать, государство выделило 50 миллионов рублей.

Ленин еще раз вернулся к чтению документа о фонде детского питания, вверху неожиданно увидел слова «Проект декрета», зачеркнул их и размашисто написал «Декрет».

23 сентября 1919 года, когда на заседании СНК В. И. Ленин подписывал Декрет о фонде детского питания, его раненая рука еще болела...

История ничего не забывает. И ты вместе с друзьями должен помнить историю. Еще раз вернемся к событиям тех грозных лет, к фактам, показывающим, как наше государство заботилось о самых юных гражданах молодой республики Советов.

Итак, 4 февраля 1919 года.

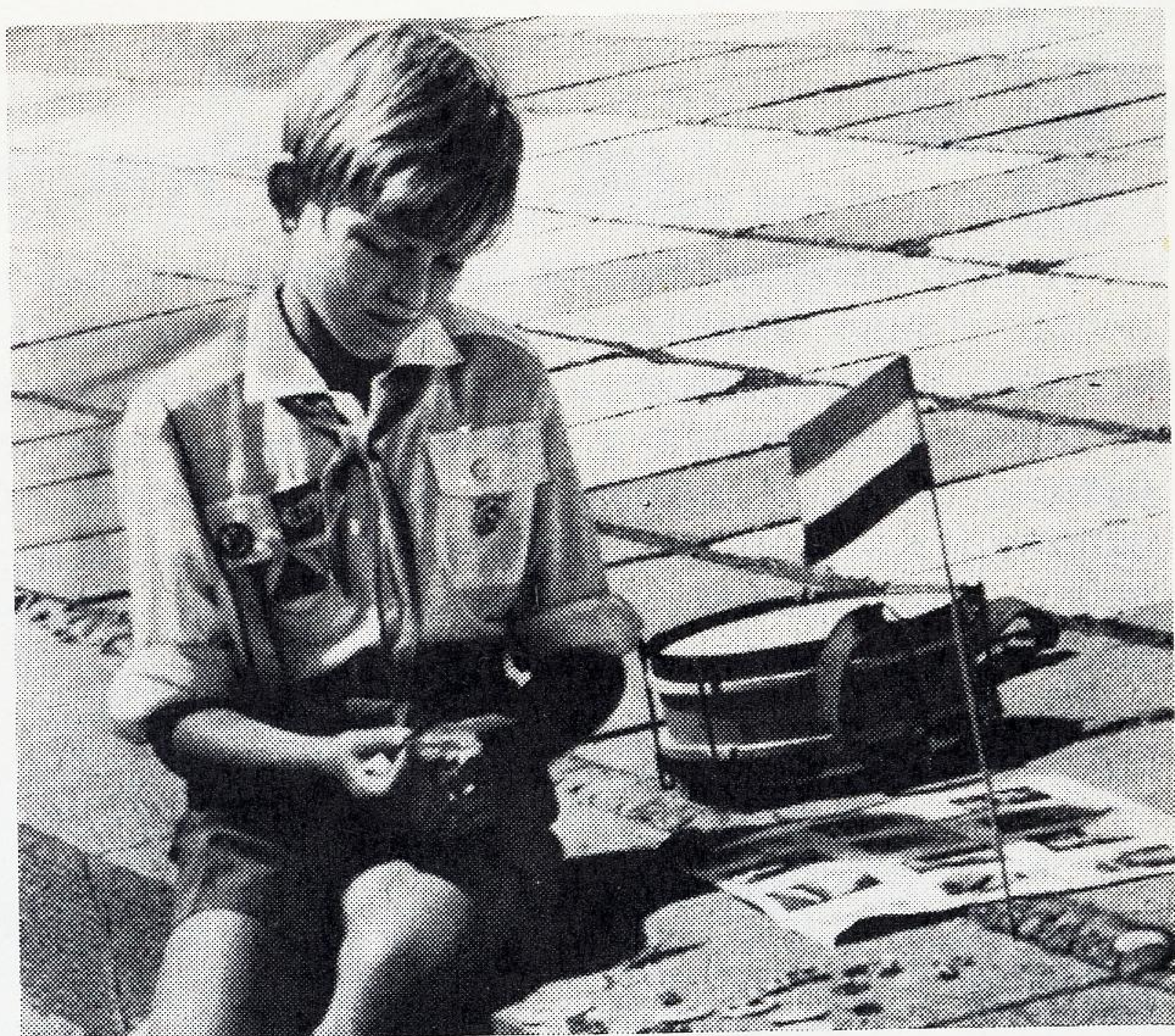
Многие грозные битвы гражданской войны, раскрытые заговоры контрреволюции были позади. А сколько еще не менее жестоких схваток предстояло выдержать твоей стране... Но, думая о военных событиях, Владимир Ильич весь был устремлен в будущее мирное время, когда снова задымят остывшие домны и заводы, когда все ребята будут ходить в школу, когда будут восстановлены взорванные мосты и станут строиться новые города. И рядом с проектами документов о развитии хозяйства страны на столе Председателя Совнаркома появляется проект еще одного **исторического** документа. В его заголовке слова — «Декрет об учреждении Совета обороны детей». Владимир Ильич читает пункт за пунктом новый декрет, делает пометки. А потом стремительно зачеркивает слово «обороны» и пишет другое — «защиты». И в этом глубокий смысл! Не **оборонять** надо детей от голода, нищеты, беспризорности, разрухи, безграмотности, невежества, решает Ильич, а настойчиво, последовательно и, главное, решительно защищать. Он видел в детях будущее страны и никогда не жалел ни сил, ни времени для того, чтобы облегчить их положение. Документ, подписанный Лениным, обращен не только в день минувший, но в день завтрашний, а значит, и к тебе, наследнику революции. Вот первый пункт этого декрета: «Принимая во внимание тяжелые условия жизни в стране и лежащую на революционной власти обязанность сберечь в опасное, переходное время подрастающее поколение, Совет Народных Комиссаров настоящим декретом учреждает особый Совет защиты детей».

Декрет Советской власти об учреждении Совета защиты детей был принят в Москве, в Кремле, в 1919 году.

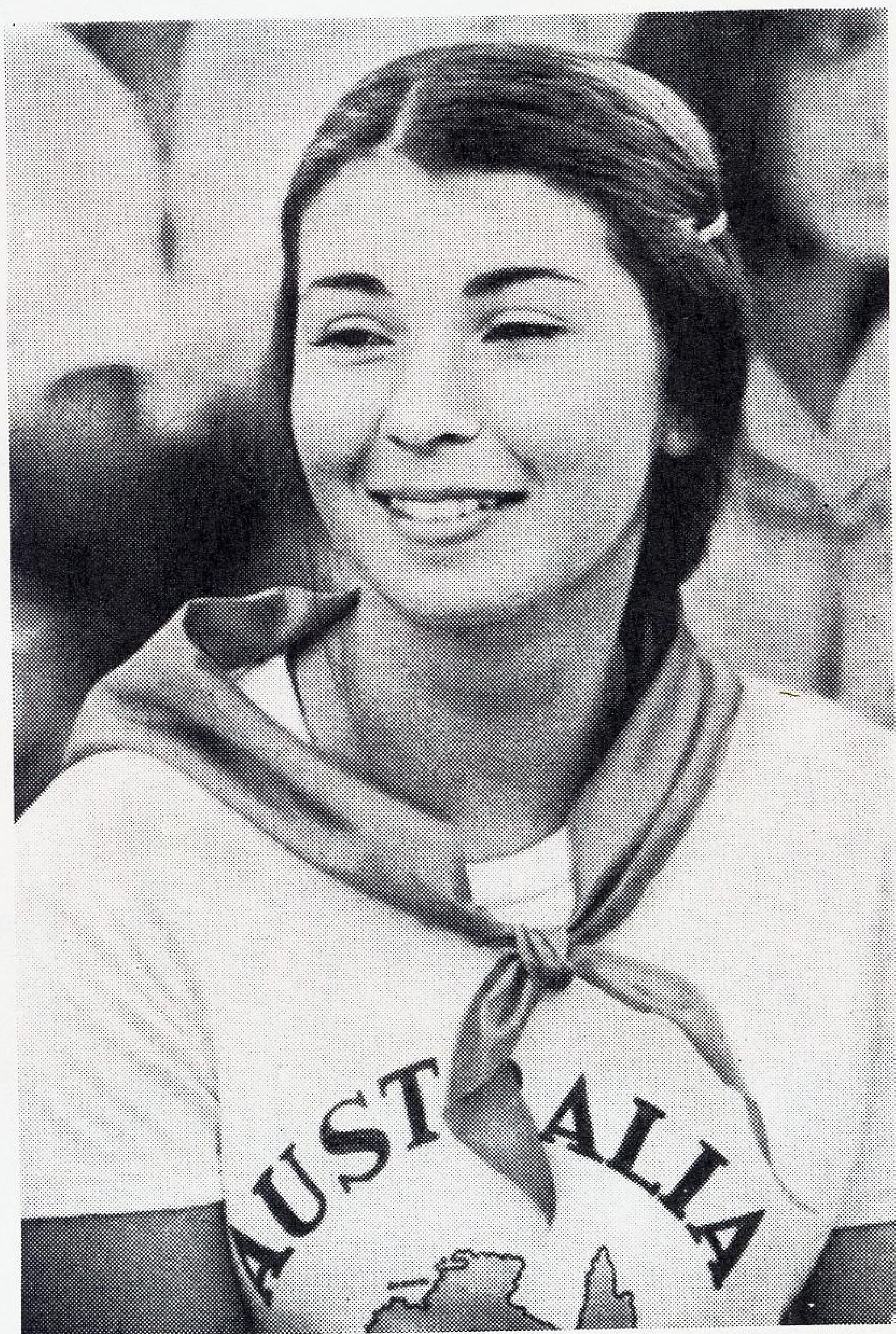
Декларация прав ребенка была принята ООН в 1959 году.

Сорок лет разделяют эти два документа.

60 лет назад на весь мир прозвучал набатный голос революции: «Все лучшее — детям!» Это были новые идеи нового общества, рожденного Октябрем. И символично, что ровно через 60 лет после принятия ленинского декрета о создании Совета защиты детей мир отмечает Международный год ребенка. Так рассудила сама история.

Европа.

Австралия.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ЯНВАРЬ 1

Москва 1979 г.

Издательство «Правда»

Флаги на Ист-Ривер

Стояло хмурое зимнее утро. Было зябко и неприветливо. Рваные серые тучи, низко повисшие над небоскребами, заволокли все небо. Наш автобус остановился у 39-этажного здания из бетона, стали и алюминия. Издали небоскреб напоминал огромную удлиненную спичечную коробку, поставленную «на-попá». Это штаб-квартира Организации Объединенных Наций.

Здесь 20 лет назад советская делегация поддержала самую гуманную Декларацию на Земле — Декларацию прав ребенка. Слово «декларировать» означает провозглашать. Каждое государство призвано следовать букве и духу принятого документа. А документ ООН — Декларация прав ребенка — очень важный международный документ, который касается тебя, твоего друга, всего подрастающего поколения. Ученые точно подсчитали: потребовался по крайней мере один миллион лет, чтобы население Земли достигло одного миллиарда человек. В начале семидесятых годов было примерно четыре миллиарда людей, а к 1980 году, как предполагают ученые-демографы, их будет 4,5 миллиарда. Сколько же жителей планеты будет к 2000 году? И на этот вопрос ответили ученые — 6,5 миллиарда человек. Сегодня каждые полминуты на Земле рождается около ста детей. Попробуй и сам подсчитать, сколько ребят появится на свет, скажем, за час. Твои сверстники рождаются в разных странах, с разным цветом кожи и на разных языках говорят очень похожее слово «мама». Каждый из них рождается для счастья. Ведь для того, чтобы разведать внеземные цивилизации, тайны и секреты океана, излечить такую страшную болезнь, как рак, выращивать два колоса, где сегодня растет один, создавать умнейшие приборы, машины, аппараты, автоматические линии, каждое вновь появившееся поколение, которое приходит на смену предыдущему, должно быть и образованнее, и культурнее, и физически совершеннее, и, конечно, мудрее. Именно в этом движение человечества вперед, к лучшей жизни.

Теперь тебе, видимо, понятно, почему ООН двадцать лет назад приняла такой важный документ — Декларацию прав ребенка. Каждый дипломат, голосуя за эту Хартию детства, думал не только о своих детях, но и обо всех тех, кто живет и будет жить на Земле.

Этот важный документ принят взрослыми ради всех детей. Поэтому в нем много очень мудреных и непонятных слов и выражений. Если бы его составляли сами ребята, то они написали бы все гораздо проще, и десять основных принципов Декларации изложили бы примерно так:

— пусть все дети растут в мире счастливыми и радостными;

— пусть все дети ходят в школу, изучают основы наук и растут знающими и умелыми;

— пусть все дети — белые, желтые, черные — будут равны между собой и никто не смеет оскорбить кого-либо за то, что у него другой цвет кожи;

— пусть все дети, просыпаясь утром, не думают о куске хлеба и никогда не испытывают голода и у каждого будет свое любимое лакомство — кокосовый орех, мороженое, банан, шоколад или парное молоко;

— пусть у каждого ребенка, где бы он ни жил: на суровом севере или жарком юге, в пустыне Сахара или в джунглях Вьетнама, в маленькой деревне или огромном городе с небоскребами — всегда будет крыша над головой, свой любимый уголок для игрушек, одежда и обувь;

— пусть к каждому ребенку, если у него заболит зуб или поднимется температура, вовремя придет детский врач, успокоит, скажет ласковое слово и выпишет нужное лекарство, которое родители купят в аптеке;

— пусть у каждого ребенка будет свое любимое занятие, но нельзя допускать, чтобы дети работали, начиная с пяти лет, таскали кирпичи на стройке, гнули спину на табачных плантациях, продавали газеты, таскали тачки с мусором;

— пусть мальчики и девочки всегда и во всем будут равны и в детстве и когда вырастут, пусть они крепко дружат и никогда не ссорятся;

— пусть все ребята Земли весело отдыхают в самых прекрасных уголках планеты — в зеленых дубравах, у прохладных рек, красивых озер, в вечнозеленых оазисах, на берегу ласковых морей;

— пусть всегда над головами ребят сверкает яркое солнце в голубом и мирном небе и никогда на Земле не будет маленьких инвалидов, получивших ожоги от напалмовых бомб, раны от осколков снарядов и шальных пуль.

Вот, наверное, так написали бы сами ребята историческую Декларацию прав ребенка. Но у вас возникает вопрос: почему же такие прекрасные слова записаны в Декларации, а до сих пор на Земле сотни тысяч детей в колониальных, развивающихся, капиталистических странах умирают от голода и болезней, не видят букваря, не имеют возможности учиться? Почему в США в южных штатах разгораются настоящие бои в начале учебного года, когда негритянские дети под конвоем полиции идут в школу? Почему в Италии безжалостно эксплуатируют детский труд и почему в ФРГ школьники, получив документ об окончании учебы, нигде не могут найти работу и поступить учиться дальше? И еще много разных «почему».

Декларация прав ребенка — это лишь доброе пожелание для различных государств. И только в Стране Советов, в наших братских странах социалистического содружества **все** основные положения Декларации закреплены и обеспечены Основными Законами государств.

...Когда мы уходили из здания ООН, которая провозгласила 1979 год Годом Ребенка, заметили на первом этаже небольшую и очень неприметную дверь, около которой стоял полицейский с солидной кобурой из желтой кожи на боку. Нам разрешили зайти в продолговатую комнату с черными стенами и черным потолком. В центре комнаты, которую здесь называют комнатой сосредоточения, стоял гроб абстрактной формы. Абсолютная тишина: ни один звук не проникает сюда. Оказывается, перед очередным голосованием или выступлением представитель любой делегации в ООН может зайти сюда и подумать, не приведут ли его решения к тому, что символизирует абстрактный гроб — к новым жертвам, к несправедливости, к новой войне. Почаще бы сюда заглядывали те, кто сегодня закрывает глаза на производство ужасного оружия — нейтронной бомбы. Почаще бы размышляли здесь те, кто не хочет, чтобы все люди были равны, жили в мире и дружбе, растили детей — будущих Королевых, Эйнштейнов, Пушкиных, будущих рабочих, космонавтов, хлеборобов.

Мы вышли на Ист-Ривер. Неожиданно выглянуло солнце. На флагштоках трепетали разноцветные флаги наций. И среди них мы увидели наш красный советский флаг — флаг свободы и счастья, мира и дружбы, флаг страны Октября, где все лучшее принадлежит детям.

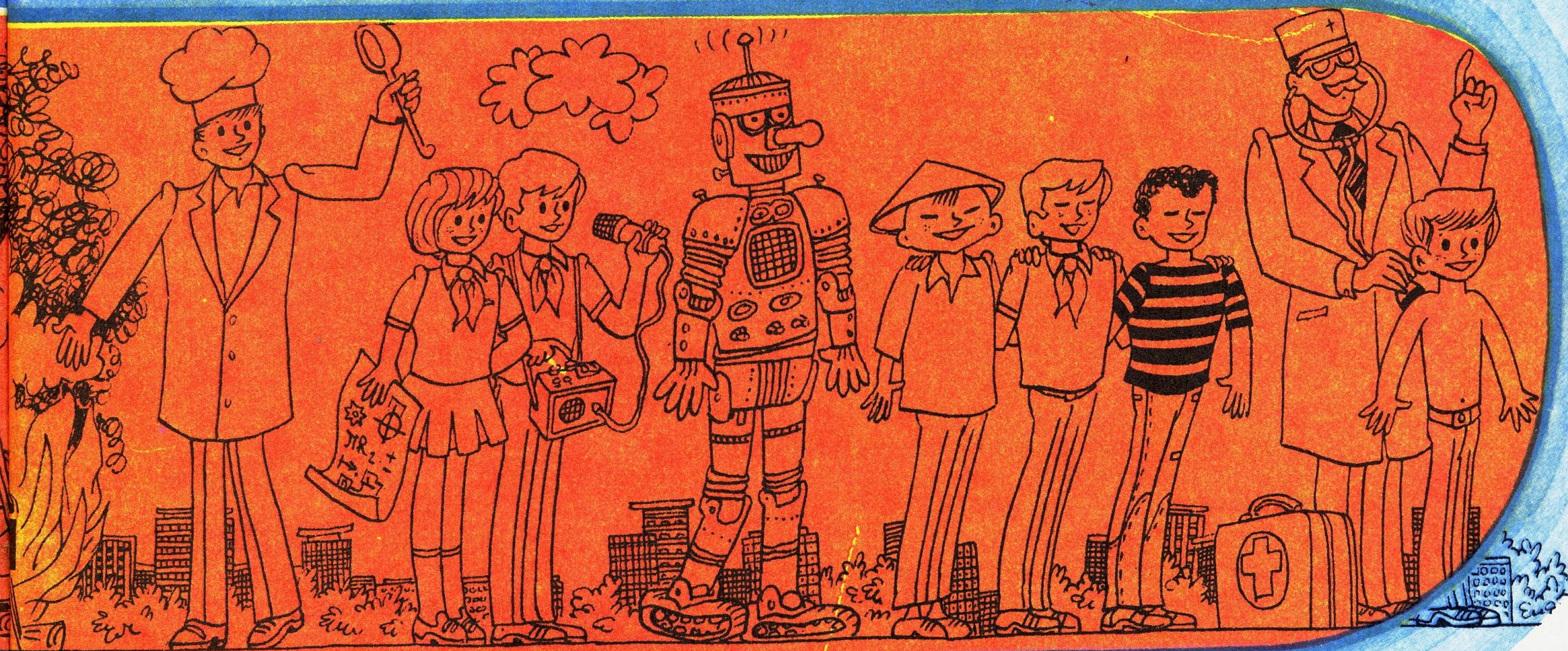

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

Ташпулат ХАМИД

Дальний путь

Ну какой же он старик —
Добрый дедушка Халик?!
И хотя ему, по слухам,
Девяносто девять лет
И пятидесяти внукам
Дед Халик — законный дед,
Но глаза блестят искрою,
И осанка — хоть куда!
И под белой бородою
На груди Звезда Героя,
Высшей доблести звезда!
Ну какой же он старик —
Славный дедушка Халик?!
А сегодня — вот так новость! —
Удивляется народ:
Дед торопится на поезд,
Двух внучат с собой берет.
Он сегодня им сказал:
— Собирайтесь на вокзал!
В доме смех и тарарам —
Наряжается Марьям.
Надевают ей платочек,
Платье новое в цветочек,
Пляшет сумочка в руке,
Пляшет бант на башмаке.
Десять мальчиков из класса
Проводить пришли Аваза.
И счастливцу старший брат
Сунул фотоаппарат.
Дед хурджин * взвалил на плечи —
Даже сгорбился чуть-чуть.
Отправляются под вечер
Путешественники в путь.
— До свиданья, до свиданья! —
Ненадолго расставанье.

* * *

Мчится скорый состав
По степям и горам,
Смотрят с дедушкой в окна
Аваз и Марьям,
И сосед по купе,
Белозубый майор,
Улыбаясь, глядит
В бесконечный простор.

Лишь забрезжил за стеклами
Ранний рассвет:
— Эй, внучата, вставайте!—
Торопит их дед.
Да смотрите — ведь это же
Волга-река! —
В даль рассветную тянется деда рука.
Встал майор, отдал честь.
В тот торжественный час
Встала рядом Марьям,
И поднялся Аваз,
И текла,
Словно в завтрашний день,
Сквозь века
Под гремучим мостом
Русской славы река!

* * *

Двое суток пути
Пролетели, как миг.
— Скоро будет Москва! —
Размечтался Халик.
— Хоть в Москве побывал я
Полвека назад,
Помню я, как сейчас
Кремль, Манеж и Арбат...
Дед в окошко кричит:
— Я приехал! Салам!
И со мною внучата —
Аваз и Марьям!
И Героя Труда
Встретил город-герой,
Самый лучший на свете
И самый родной.

Из дневника Аваза

Решил дневник вести Аваз —
И это очень кстати!
И мы прочтем его рассказ,
Записанный в тетради.
Вот запись пятого числа:
«Мы были в Мавзолее.
Как речка, очередь текла
Тенистою аллеей.
И там у Вечного огня
В честь павшего солдата
Стояли, головы склоня,
Со взрослыми ребята.

* Хурджин — мешок, сума.

Там люди не скрывают слез.
И мы с Марьям к могиле
Букет бухарских алых роз
На камень положили.
Но вот мы входим в Мавзолей.
И стали вдруг шаги слышней,
И вот он — Ленин. Рядом.
И очень захотелось мне,
Чтоб он расслышал в тишине
Все, что сказал я взглядом:
Как я учусь, как я живу,
Как мы приехали в Москву...

* * *

В Горках Ленинских
Дом двухэтажный стоит.
А за домом, на взгорке,
Рябина горит.
А подальше — овраг,
А в овраге — ручей,
Свист малиновки.
Черные гнезда грачей.
Дед узнал этот лес.
Дед узнал этот дом.
И внучатам своим
Улыбнулся с трудом.
Быстро слезы смахнул:
— Это так, ничего...
Ленин жил в этом доме.
Я был у него.
Дед Халик вспоминал.
Дед Халик молодел.
Дед Халик
Сквозь минувшие годы глядел.
Видел он, как, покинув
Родные дворы,
Вышли к Ленину в путь
Старики Бухары.
И отправился с ними
В столицу Халик—
Комсомолец,
Безусый боец-большевик.
Много дней и ночей
Кочевали они,
На разбитых путях
Ночевали они.
Шли и шли,
Не снимая хурджины с плеча,
Чтоб увидеть,
Услышать,
Обнять Ильича.

...На столе в кабинете —
Раскрытый блокнот.
Лампа. Книги. Газета.
Вот-вот он войдет!
Он войдет, улыбнется
И руки пожмет,
Он и радость и горе
Душою поймет.
Тишина.
Чуть скрипит
Навощенный паркет.
Но никто,
Но никто не вошел
В кабинет.

* * *

Как давно это было
И вдруг ожило:
Добрый взгляд Ильича
И улыбки тепло,
И сияющий мрамор
Крутого чела —
Как давно это было,
А словно вчера!
Каждый миг вспоминает
Седой аксакал,
Что и хлопок растил
И с врагом воевал,
Думу думает здесь
Хлопкороб и солдат
И с любовью,
С надеждой
Глядит на внучат:
«Кем ты будешь, Марьям?
Кем ты станешь, Аваз?
У станков и в полях
Вы замените нас.
Вам планету беречь
От беды и огня.
Перед Лениным
Не подведите меня!»

Перевел с узбекского Ю. КУШАК.

Рисунок В. КОСТИЦЫНА

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК, ПОСВЯЩЕННЫЙ 20-ЛЕТИЮ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ РЕБЕНКА

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

В мае 1945 года капитуляцией фашистской Германии закончилась самая страшная в истории человечества война. В ней погибло свыше 50 миллионов человек. 13 миллионов из них — дети.

Вот почему Устав Организации Объединенных Наций, подписанный представителями пятидесяти государств сразу после войны, начинается такими словами: «Мысли о войне возникают в умах людей, поэтому в сознании людей следует укоренять идею защиты мира». Во имя грядущих поколений. Во имя детства.

Но уже 6 августа того же года в воздух поднялся американский бомбардировщик Б-29 «Энола Гэй» с атомной бомбой на борту. Он взял курс на японский город Хиросима... И к жертвам только что отгремевшей войны прибавилось более 230 тысяч убитых.

Через десять лет от лучевой болезни умерла двенадцатилетняя японская девочка Садако Сасаки. Чтобы поддержать в ней веру в выздоровление, ей сказали, что болезнь отступит, если сделать тысячу бумажных журавликов. Садако успела сделать 643, когда смерть настигла ее.

И после второй мировой войны нередко рвались бомбы и снаряды. В разных странах мира погибали дети — от рук агрессоров, от непосильного труда, голода и болезней.

Честные люди во всем мире обвиняют империализм в неслыханной жестокости к детям. Все чаще и сами ребята говорят о преступлениях империалистов. Вот что рассказали участники Международного детского лагеря в Алжире нашему корреспонденту.

Хузама ИСМАД, палестинка, 14 лет

Я родилась в Палестине, но почти не помню родину. Израильские солдаты захватили нашу землю. С бесконечной колонной беженцев моя семья покинула город Газу.

Сейчас я живу в лагере палестинских беженцев в Ливане. Я привыкла жить в палатке, стоять в долгих молчаливых очередях за теплой, солоноватой водой, за продуктами и медикаментами. Но и на ливанской территории нет мира. Сионисты все чаще нападают на южные районы страны, они обстреливают наш лагерь из пушек и пулеметов. Смерть у нас частая гостья, она не щадит и маленьких детей.

Сионисты уверены, что могут грабить и убивать нас безнаказанно, потому что им помогают Соединенные Штаты. Среди арабских руководителей, к несчастью, тоже нашлись предатели. Президент Египта Садат за спиной у арабских народов идет на сговор с Израилем.

Но наш народ не прекратит борьбы, не откажется от своей родины. Недавно и мой брат вступил в вооруженные силы Организации освобождения Палестины.

ОТ РЕДАКЦИИ. На долю США приходится больше половины мировой торговли оружием. Только в прошлом году американские военные монополии продали за границу оружия на 13,6 миллиарда долларов. США продают оружие в основном реакционным правительствам для подавления национально-освободительного движения, борьбы с прогрессивными и демократическими силами.

В этой школе на юге Ливана учились дети палестинских беженцев...

Хауа ТУРЕ, Республика Сан-Томе и Принсипи, 12 лет

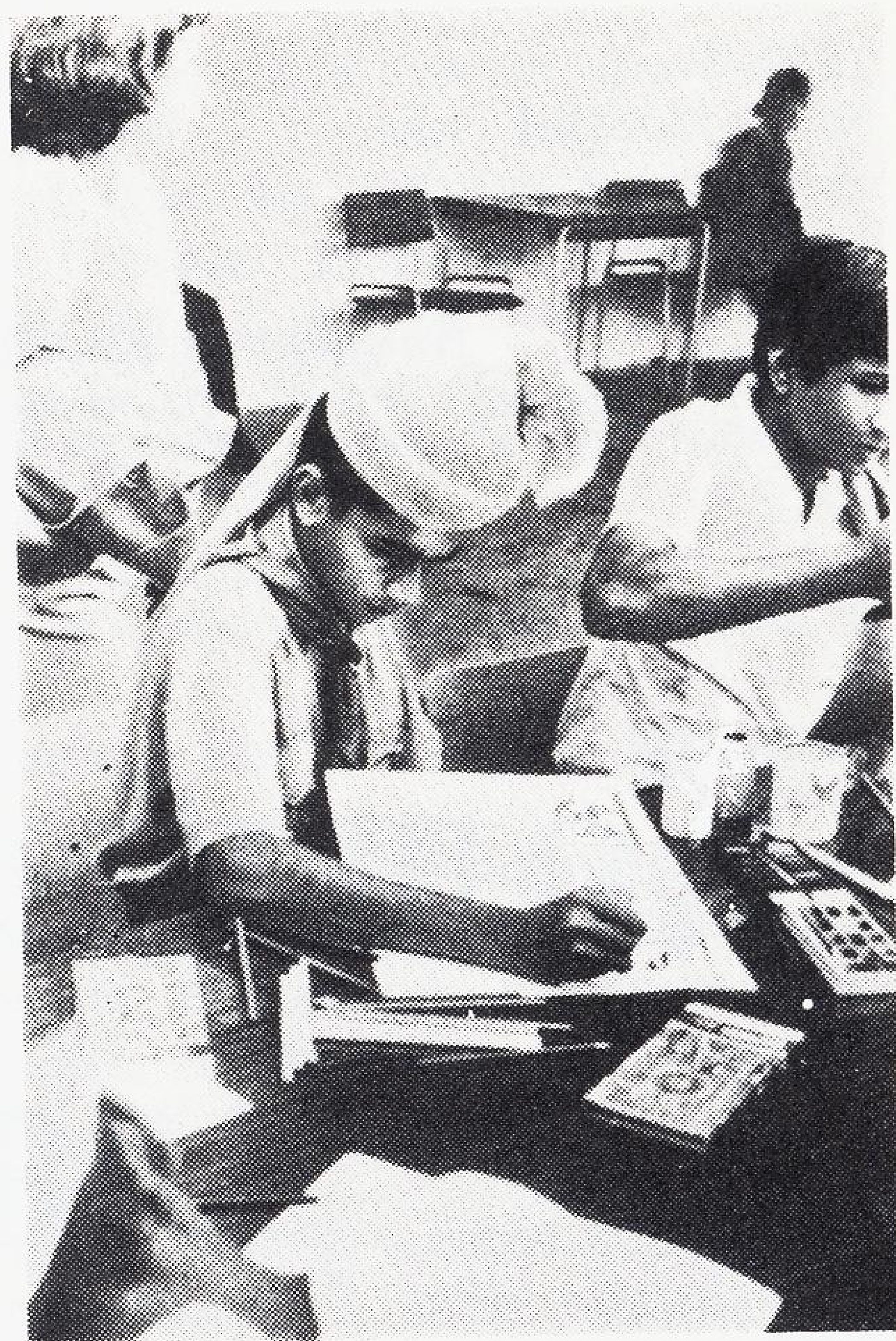
Всего три года назад наша родина — два острова у западных берегов Африки — добилась независимости. Я первый из нашей семьи, кто пошел в школу, научился читать и писать. Колонизаторам салазаровской Португалии ни к чему были грамотные рабы. Вот почему у нас теперь так не хватает учителей.

Мой отец всю жизнь работал на плантациях белого хозяина за ломоть хлеба, гроздь бананов и несколько грошей. В последние годы от долгой работы под палящим солнцем у него началась болезнь мозга, он стал инвалидом. Только после изгнания колонизаторов он смог впервые обратиться к врачу, стал получать пенсию. Но больницы в деревнях пока еще большая редкость.

Три года мы живем без заморских господ, но как часто еще слышатся

проклятия африканцев колонизаторам, которые веками брали несметные богатства нашей земли, а взамен оставили бедность, голод, неграмотность и болезни.

ОТ РЕДАКЦИИ. В сорока странах Африки, Азии и Океании до сих пор нет закона об обязательном образовании. Из-за нехватки школ в странах Латинской Америки 14 миллионов детей не могут получить даже начального образования. Каждую минуту в этих странах один ребенок умирает от недоедания.

Ему повезло: он умеет читать, писать, считать. В развивающихся и колониальных странах особенно много неграмотных.

Алина КОЛОМБЬЕ, Франция, 13 лет

Каждый учебный год мне кажется целой жизнью. Среди моих одноклассников такая же конкуренция, как среди бизнесменов: только бы выжить, удержаться в школе. Учителя сразу отчисляют неуспевающих учеников. А куда пойдешь, недоучившись? Безработных и без нас хватает. Хотя аттестат зрелости не гарантирует работы... Некоторые ребята не выдерживают постоянного страха перед школой, перед будущим. Недавно один мальчик из нашей школы отравился таблетками снотворного, потому что получил несколько неудовлетворительных оценок. Врачи с трудом спасли ему жизнь.

И дома не легче. Отец перебивается случайными заработками, он никогда не работал по специальности. Он стал раздражительным. Все чаще бьет меня и брата. Мама говорит: «Он несчастный человек, вы должны понять его. Ему очень тяжело».

А думаете, мне легко?

ОТ РЕДАКЦИИ. Лишь один из ста детей французских рабочих средней или низкой квалификации получает среднее образование.

ФРГ занимает одно из последних мест в Европе по затратам на образование. В этой стране 15 тысяч детей и подростков ежегодно пытаются покончить жизнь самоубийством.

В Соединенных Штатах Америки, самой богатой капиталистической стране, почти два с половиной миллиона детей не посещают школу.

«Сегодняшние школьники — завтрашние безработные», — написано на плакате французских лицеистов.

Рашид НАССАД, Франция, сын алжирского иммигранта, 14 лет

Мой отец уехал искать лучшую долю во Франции, когда я был совсем маленьким. Нашел работу и сразу вызвал семью к себе. Заработок отца гораздо меньше, чем у любого французского рабочего, но позволяет кое-как сводить концы с концами. Правда, приходится считать каждый су. Чтобы жить в таком доме, как наш, надо обладать мужеством — он вот-вот развалится. Но хозяин все равно дерет непомерную квартирную плату.

С будущего года я, наверное, не смогу ходить в школу. Учеба обходится дорого. Кроме того, я неправильно говорю, читаю и пишу по-французски. Это как-никак не родной мой язык. Но и арабский я стал забывать. Иногда отец обращается ко мне по-арабски, а я отвечаю ему по-французски...

И потом пора зарабатывать на жизнь. Цены растут, а зарплата у отца прежняя. Уже два года я подрабатываю по воскресеньям в зеленном магазине — по выходным дням много покупателей. Может быть, у хозяина найдется для меня место. А если нет? Говорят, на бирже труда места сколько угодно.

ОТ РЕДАКЦИИ. Безработица в капиталистических странах достигла почти 20 миллионов человек. Взрослым не хватает работы. В то же время четыре процента работающих — дети от 10 до 14 лет. Хозяевам выгоднее брать на работу детей — им можно платить гораздо меньше.

В США существуют специальные биржи, где торгуют детьми из Южной Кореи. Цена маленького раба — 1200 долларов.

* * *

В этом году исполняется 20 лет Декларации прав ребенка, принятой Организацией Объединенных Наций в ноябре 1959 года. Нынешний год объявлен Международным годом ребенка. Юристы, врачи и педагоги — все, кого волнует судьба юного поколения, внимательно изучат условия жизни детей в странах мира, выяснят, как выполняются принципы Декларации прав ребенка, узнают, что сделано для детей за эти 20 лет.

В нашей Советской стране и в братских социалистических странах детям созданы все условия для того, чтобы они встретили XXI столетие здоровыми, образованными, полноправными людьми. Права всех людей — больших и маленьких — гарантированы каждой строкой Конституции СССР, конституциями стран социализма.

Правительства капиталистических государств не сдержали слова, данного 20 лет назад детям своих стран. В бездушном мире наживы, где капиталисты рады обогащению даже на страданиях детей, выросло еще одно обманутое поколение.

Владислав КРАПИВИН,
лауреат премии Ленинского комсомола
и премии имени А. П. Гайдара
журнала «Пионер»

Колыбельная для брата

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА

Глава первая

Мама разбудила Кирилла в три часа ночи. В это время он вел «Капитана Гранта» мимо желтого утеса, на котором палила из всех орудий могучая береговая крепость. Перед ее амбразурами вспухали белые дымы, а вокруг судна вырастали фонтаны от ядер.

Ядро грохнулось о рубку и разлетелось на зеленые и красные осколки.

— Это арбуз! — весело завопил Митька-Маус. — Арбузами стреляют! — Он выглянул из-за рубки.

— Уберешь ты свою несносную башку? — прикрикнул Дед.

«А почему не слышно выстрелов?» — подумал Кирилл и услыхал:

— Кирюша, встань. Встань, помоги, пожалуйста. Может быть, у тебя он скорее уснет...

Еще не расставшись с веселым сном, Кирилл уже слышал, как за стеной вопит Антошка. «Ну, дает», — подумал Кирилл. Потряс головой, взглянул на маму и опустил с кровати ноги.

Мама виновато сказала:

— Не могу успокоить. Может быть, укачаешь его своим хитрым способом?

Кирилл снова тряхнул головой, разгоняя остатки разорванного сна: они, будто обрывки тумана, плавали вокруг. И Дед с Митькой словно все еще были здесь.

Антошка после нескольких секунд перерыва завопил с новой силой. Кирилл откинул одеяло и побрел в соседнюю комнату.

Спеленатый Антошка лежал в своей решетчатой кровати и орал вдохновенно и старательно. Что-что, а реветь этот человек умел и любил. Маленькое красное лицо его было сморщено, глаза крепко зажмурены, а беззубый рот открыт до отказа.

Нельзя сказать, что в такие минуты Кирилл ощущал нежную любовь к братцу. Но ни досады, ни злости он не чувствовал. Не то, что два месяца назад. Тогда у Кирилла при Антошкином реве просто зубы стискивались. От беспомощности и отчаяния он сам готов был зареветь.

Однажды, когда мама ушла на рынок, а месячный Антошка проснулся и никак-никак не хотел успокаиваться, не затихал ни на руках, ни в кроватке, Кирилл замычал и швырнул ему в лицо скомканную пеленку. Антошка на секунду притих, а потом закричал еще громче. И такая обида почудилась Кириллу в этом крике, что он тут же назвал себя последним гадом, вделал

себе кулаком по уху, опять схватил Антошку и начал у него, бестолкового и отчаянно орущего, шепотом просить прощения. А потом, не зная уже, что придумать, запел изо всех сил:

Дайте в руки мне гармонь —
Золотые планки...

И Антошка постепенно умолк. Успокоился кроха. А Кирилл, ласково и осторожно прижимая братишку, носил и носил его по комнате и все пел.

В тот день было сделано открытие: лучше всего Антошка успокаивается под песни старшего брата. Мамины песни — тоже ничего, но действуют они когда как. А стоит запеть Кириллу — и горластый братец притихает. Ведь, казалось бы, совсем несмышленыш, а что-то чувствует, знает голос Кирилла. Он и песни стал различать, когда сделался постарше: одни просто слушал, под другие начинал дремать. А после большого рева успокоить и заставить уснуть его можно только одной песней. Совсем непохожей на колыбельную...

— Ну, чего трубишь? — сказал Кирилл. — Давай иди сюда. У, рева... Кто обидел Антошку? Что-нибудь страшное приснилось? Что, в школу повели? Не бойся, еще не скоро... Мама, помоги его взять...

Антошка выдал новый вопль. Кирилл прижал его к груди, покачал, шагая из угла в угол, и запел про опаленные солнцем спящие курганы и про туманы, которые ходят чередой.

Антошкин крик стал потише, и в нем послышались вопросительные интонации. А к концу песни братец совсем затих. Но не спал, таращил глаза. Тогда Кирилл решительно спел музыкальное вступление и начал главную песню с последнего куплета:

Раскатилось и грохнуло
Над лесами горящими,
Только это, товарищи,
Не стрельба и не гром...

На третьем куплете Антошка засопел, словно убедившись, что ничего не страшно с братом, у которого есть такая суровая и непримиримая песня.

Кирилл с мамой уложили его в кроватку. Он спал так, будто и не плакал отчаянно десять минут назад. Улыбался какому-то своему крошечному сну. Светлые волосенки смешно топорщились. Сейчас он был милый, самый дорогой на свете Антошка...

Мама тронула губами макушку Кирилла.

— Спасибо, Кирик. Ложись, спи. Я еще посижу чуточку и тоже...

Но Кирилл вдруг понял, что не хочет спать.

— Мама, я такой голодный почему-то. Я чего-нибудь пожую?.. Ты не ходи, я сам.

На кухне он отрезал кусок батона, отыскал в холодильнике банку с зеленым горошком. Насыпал горох на хлеб и вернулся в мамину комнату. Мама сидела у Антошкиной кровати.

— Ты чего не ложишься? — спросил Кирилл.

— Подожду немного. Вдруг опять проснется.

— Я ему проснусь, — сказал Кирилл. Забрался с ногами на мамину постель и стал жевать, подбирая с одеяла упавшие горошины. Мама смотрела на него с непонятной улыбкой: то ли печальной, то ли, наоборот, счастливой.

— Ох, и худой же ты стал! И коричневый. Как индийский йог.

Кирилл сказал с набитым ртом:

— Непохоже. У индусов волосы черные, а у меня...

Мама села рядом и запустила ему в волосы теплые тонкие пальцы.

— А у тебя косматые. Когда пострижешься?

— Лучше ты сама подровняй, а то в парикмахерской оболванят, как репку. У них со школой тайный сговор... Буду опять лопухастыми ушами махать.

Мама засмеялась:

— Ну сколько лет подряд можно вбивать себе в голову эту чепуху? У тебя нормальные уши, даже симпатичные.

— У слонов тоже симпатичные...

Мама обняла Кирилла за плечи, качнула туда-сюда (он опять просыпал несколько горошин) и вздохнула:

— Ох, в самом деле, до чего же костлявый...

— Зато закаленный, — заметил Кирилл.

— Тьфу, тьфу, тьфу, — торопливо сказала мама. — Не говори зря.

Она была немного суеверна. Видимо, все мамы немножко суеверны, когда дело касается сыновей.

— Ничего не «тьфу», — возразил Кирилл. — Ты летом переживала, а я даже ни разу не чихнул.

Все лето Кирилл проходил в майке, шортах и босиком. Только, если шел в кино или библиотеку, надевал рубашку и сандалеты. Но это случалось не чаще одного раза в неделю. Дед сказал в конце весны, что в парусном деле нужны закаленные люди, и Кирилл закалялся добросовестно.

Мама сначала боялась. Говорила, что во всем надо знать меру, иначе можно и посреди теплого лета схватить воспаление легких. Вспоминала, как болел Кирилл два года назад. Кроме того, она утверждала, что ходить всюду босиком неприлично. На это Кирилл ответил однажды, что половина людей на земле всю жизнь ходит босиком.

— Где это?

— В Индии, в Африке, на островах всяких... Если посчитать, знаешь сколько наберется!

— Но это же в тропиках!

— А здесь чем не тропики?

Лето выдалось сухое и жаркое. Ветер иногда приносил тонкий дым, который пощипывал глаза. Солнце делалось неярким и круглым, без лучей. Это горели где-то леса и торф.

В те дни, когда не было дымки, солнце палило, как в Аравийской пустыне. К середине июня с плеч у Кирилла слезли три слоя сгоревшей кожи, и наконец загар стал прочным, как броня. Волосы выгорели добела. Самому Кириллу

иногда казалось, что у него даже кости прокалены солнцем...

Мама наконец махнула рукой. У нее хватало забот с Антошкой, который родился в конце мая.

— Дед говорит, что я похож на негатив,— сказал Кирилл.— Волосы бесцветные, шкура темная. Хоть печатай наоборот.

— Почему вы зовете его Дедом?— спросила мама.— Дед да Дед, только и слышишь. Неужели он не обижается? Ему же двадцать четыре года.

— А чего ему обижаться? Он привык. Это из-за Митьки.

— Из-за какого Митьки?

— Ну помнишь, прибегал такой курчавый? Это его внук.

— Какой внук? Бог с тобой...

Кирилл засмеялся:

— Да правда внук, только двоюродный. У Деда племянница есть, а она его старше. Так ведь бывает. А Митька — ее сын. Вот и посчитай.

— В самом деле,— сказала мама.— Забавно... Ну, если точно говорить, это называется «внучатый племянник».

— Ну, а он тогда «дедистый дядя». Или «дедовый». Все равно Дед.

— А я думала, это его братишка. Они так похожи...

— Только с виду. Митька знаешь какой сахар! И привидений боится. Вечером дома ни за что один не сидит. Дед с ним замучился.

— Почему же он с ним мучается? Где у этого Митьки родители? Они живы?

— Конечно. Только они геологи, в экспедиции ездят.

— Бедный ребенок... Все время ездят?

— Не все время, но часто...

Мама вздохнула.

— Вот и папа наш тоже ездит...

— Еще пять дней,— утешил Кирилл.— Протянем.

— Протянем,— согласилась мама.— Ты у меня герой... А в школе как? Все в порядке?

— Вроде... Чего это ты среди ночи про школу вспомнила?

— Ты сам вспомнил. Все проезжался сейчас насчет школы.

— Это я так. У меня переходный возраст, я над всем и-ро-ни-зи-рую.

Мама опять взлохматила ему волосы.

— Ну, беги спать.

— Угу...

Кирилл пошел к себе и завалился в постель, надеясь увидеть продолжение сна. Но ничего он не увидел. А проснулся уже утром от шумных голосов: неожиданно вернулся из Риги отец.

Отец весело рассказывал, как пустился на хитрость: позвонил на завод, попросил прислать телеграмму, что срочно нужен на производстве. Потому что в самом деле на заводе масса дел, а совещание занудное и организовано бестолково: не столько говорят о деле, сколько осматривают достопримечательности...

Кирилл выскочил в большую комнату и облапил отца за круглый живот.

— Папа! Сбежал, да? Вот молодец!

Отец ухватил Кирилла под мышки, слегка приподнял.

— Эх, не подкинуть уже. Больно длинен... Я тебе подарок привез.

Подарок был что надо! Алая майка с крутобокими маленькими каравеллами и галеонами, разбежавшимися по плечам, спине и коротеньким рукавам. На груди у майки была напечатана старинная карта полушарий с пальмами, китами, индейцами и средневековыми городами. Хоть вешай на стену и любуйся.

— Ух ты! — восхищенно сказал Кирилл.— Урок истории и географии! Вот бы в школу в такой заявиться!

Но в школу надо было идти в форме. Несмотря на жару. В других школах было не так строго: разрешали ходить без курток, но там, где учился Кирилл, появилась новая директорша и завела железный порядок. Это была дама крупных размеров, с громким голосом и суровым нравом, хотя порой хотела казаться добродушной. С первого дня она получила от старшеклассников прозвище «Мать-генеральша»...

До школы Кирилл нес куртку под мышкой. Хотя шла вторая неделя учебного года, стояло еще полное лето. Лишь клены кое-где пожелтели, но они начинают желтеть уже в августе.

Солнце светило, как в июле. На душе было весело. День начинался прекрасно и не обещал никакой беды.

Глава вторая

Вернуть в класс успели почти всех. Не хватало человек семи, но это не имело значения: виновники были на месте.

Седьмой «В» сдержанно возмущался. Возмущаться громко не решались, потому что в дверях, сложив руки на могучей груди, стояла директор Анна Викторовна.

— Пятница — тяжелый день,— сказал длинный Климов, устраиваясь на задней парте.

Ева Петровна хлопнула о стол первым томом «Графа Монте-Кристо», который отобрала на предпоследнем уроке у рыжего, круглолицего Витьки Быкова по прозвищу Кубышкин.

— Книга-то не моя! — сказал Кубышкин, и все привычно засмеялись. Считалось, что Кубышкин говорит только смешное.

— Тихо! Все сели по местам! Прекратить разговоры!.. Анна Викторовна, вы сами скажете?

— Говорите вы,— величественно разрешила директор.

Ева Петровна скорбно кивнула и оглядела притихшие ряды.

— Конечно,— произнесла она,— я ни дня больше не останусь у вас руководителем. Но прежде, чем уйти, я должна разобраться в этом позорнейшем происшествии. Это мой долг.

Девчонки торопливо зашушукались. Они считали своей обязанностью уговаривать Еву Петровну не бросать их, когда она очередной раз заявляла об отставке.

Сейчас, однако, Ева Петровна не стала слушать жалобных уверений в любви и преданности. Она еще раз подвергла испытанию на прочность несчастного «Графа» и потребовала:

— Встаньте, кто был задержан в гардеробной преподавателей.

Четверо встали. Куда деваться-то? Все равно портфели отобраны.

— Та-ак... — сказала Ева Петровна. Она покивала, взялась двумя руками за худой подбородок и обвела стоявших укоризненно-проницательным взглядом. Трое опустили глаза.

— Ну так что, Векшин, — произнесла Ева Петровна почти доброжелательно. — Может быть, признаться сразу? Пока есть время исправить ошибку...

— В чем признаться? — спросил Кирилл и подумал, что у Евы Петровны глаза странного цвета: как пыльная трава.

— Ты не знаешь, в чем?

— Не знаю, — честно сказал Кирилл.

— Ну, хорошо... Что вы делали в учительской раздевалке?

Кирилл улыбнулся. Чуть-чуть. Даже досада его сразу прошла. В самом деле смешно: признаваться в том, что все знают.

— Мы прятались от завуча Нины Васильевны, — сказал он.

Элька Мякишева и Нинка Родина вопросительно хихикнули и посмотрели на классную руководительницу. Она, однако, на них не взглянула. И сухо поинтересовалась:

— Зачем же прятались?

— Она загоняла нас в хор.

Анна Викторовна колыхнулась у дверей.

— Что значит «загоняла»? Ты соображаешь, что говоришь?

Кирилл опять ощутил едкую досаду.

— Соображаю, — сказал он. — Она стояла у выхода с учителем пения, хватала всех и отбирала дневники, если кто записан в хоре и не хочет идти.

— И вы решили обмануть завуча и учителя, — словно подводя итог, произнесла Ева Петровна.

Кирилл пожал плечами.

— Странно, что ты не хочешь ходить на занятия, — мягко сказала Ева Петровна. — Почему? Ты же любишь петь.

— Я не люблю, когда меня заставляют. Хор — это не уроки. Это добровольное дело.

Анна Викторовна колыхнулась у двери.

— Добровольное для тех, у кого сознательная дисциплина. А для тех, кто не дорос до нее, мы применяем добровольно-обязательный метод.

— Как у кошки с воробьем, — сказал с задней парты Климов.

— Что-что? — Анна Викторовна устремила в глубину класса настороженный взгляд. — Ну-ка объясни.

Климов охотно объяснил:

— Кошка поймала воробья и говорит: «С чем тебя есть? С уксусом или сметаной? Выбирай добровольно...»

— Ну-ка, поднимись, юморист! — потребовала Анна Викторовна.

Климов поднялся, и все засмеялись. Если он вставал, всегда возникало веселье: такая мачта вырастала над партой.

— Как его фамилия? — обратилась директорша к Еве Петровне.

— Климов, — сказала та. И в голосе ее слышалось: «Это всем известный Климов, который

Зоя Алексеевна смотрела так, словно у нее что-то сильно болело.

может лишь паясничать и ни на что серьезное не способен».

— Завтра ко мне с отцом! — распорядилась Анна Викторовна.

Класс притих. Отец Климова в прошлом году разбился в автомобиле. Климов слегка побледнел, но ответил прежним тоном:

— Никак невозможно. Отца нет.

— В таком случае с матерью, — не дрогнув, потребовала Анна Викторовна.

— Тоже невозможно. Она в командировке.

— С кем же ты живешь?

— С бабушкой, — вздохнул Климов.

— Вот и прекрасно..

— А бабушке восемьдесят два года, — поспешно предупредил Климов — Она уже не боится директоров.

— И ты, видимо, тоже? — язвительно поинтересовалась Анна Викторовна.

Климов сокрушенно покивал:

— Мама говорит: я весь в бабушку.

— «Неуд» по поведению за всю неделю! —

распорядилась директор. — Ева Петровна, не забудьте.

Та покачала головой и укоризненно посмотрела на Климова: «Вот видишь, достукался. Жаль, но сам виноват».

Раздался звонок с шестого урока. Анна Викторовна досадливо поморщилась.

— Ева Петровна, у меня совещание. Разберитесь сами. Особенно с этим... — Она посмотрела на Кирилла. — Как его фамилия?

— Векшин... И знаете, Анна Викторовна, он все годы был вполне нормальным учеником. Не могу понять, когда у него это началось...

— Наверное, когда начал сооружать свою прическу, — заметила директорша. — Ишь отрастил, ушей не видать! Чтобы сегодня же остриг свои космы!

— Не космы, а волосы, — негромко сказал Кирилл. — Все так носят. У других еще длиннее...

— Будем рассуждать? Ева Петровна, завтра в школу с такой прической не пускать!.. А впрочем... — Она словно спохватилась: — Там, где он скоро окажется, его остригут как надо.

С этими словами Анна Викторовна покинула класс.

Все шумно встали и сели.

— Коробов, Самойлов, Сушко, Векшин! Я вам садиться не разрешала!

— Ноги, что ли, железные? — пробурчал Валерка Самойлов.

— Ноги?! — неожиданно воскликнула Ева Петровна. — А мои нервы? Они железные? На что я потратила два года?! Такой позор! Пятно на всю школу!

Ребята запереглядывались. Бегство с репетиции хора было делом обычным. Какое тут пятно?

— А что случилось, Ева Петровна? — преданным голосом спросила Элька Мякишева.

Ева Петровна медленно обвела глазами класс.

— Что случилось? То, что в учительском гардеробе, где укрывались наши «любители свободы», у студентки-практикантки исчез кошелек со стипендией.

Девчонки охнули.

Интересно, что Кирилл ничего не почувствовал: ни обиды, ни страха, ни растерянности. В первую секунду просто подумал: «Вот так история!» Потом ему стало смешно. Он сказал со смехом:

— Вот это да! Значит, мы воры?

— Ты напрасно веселишься. И напрасно говоришь во множественном числе. Имей в виду: ты единственный, кто не стал показывать дежурному учителю свои карманы.

Вся обида и вся злость снова прихлынули к Кириллу.

— Какое он имеет право обыскивать? Еще портфель отобрал!

— Александр Викентьевич не отбирал, а потребовал отдать.

— А я не отдал! Тогда он вырвал! Да еще в карманы полез!

— Ты считаешь, что только вам позволено лазить по чужим карманам? — в упор спросила Ева Петровна.

Кирилл сжал зубы. Сперва захотелось завопить от бешенства. А потом по привычке защекотало в горле. «Зеленый павиан Джимми, — торопливо подумал Кирилл. — Где ты, миленький? Помоги».

В это время Валерка Самойлов громко сказал:

— Да ничего он не брал. И мы не брали! Зачем зря-то...

— Про вас я пока не говорю. Сейчас разговор о Векшине. Кстати, залезть в карман можно незаметно...

Кирилл мысленно улыбнулся зеленому павиану: «Спасибо, что помог». Еще сипловато, но уже твердо он сказал:

— Я, пожалуй, сяду. Не обязательно стоять, чтобы слушать оскорбления.

— Сядь, — скучным голосом ответила Ева Петровна. — Школьные правила не для тебя. Но сидя или стоя, а отвечать за свои дела придется.

Кирилл сел и стал смотреть в окно.

— Он сидит, а мы стоим, — высказался в пространство Серега Коробов.

— Что ж, садитесь и вы... Позор! Были гордостью школы, лучший тимуровский отряд, правофланговый! Должны помогать людям, а вы... Девушка первый раз пришла на практику, и сразу ей такой сюрприз! Вы знаете, что такое для студентки стипендия? Она должна целый месяц жить на эти сорок рублей!.. Если бы вы видели, как она плакала в учительской...

«А правда, неужели нашелся такой гад и украл? — подумал Кирилл. — А может быть, сама потеряла?»

Он хотел уже высказать эту мысль, но сдержался. Получится, будто он оправдывается.

И вдруг заговорил маленький Кубышкин:

— А Сан Викентич как успел узнать, что кошелек украли? Он же внизу дежурил, а не в учительской.

В классе опять на всякий случай засмеялись.

— Он ничего и не знал! — сердито разъяснила Ева Петровна. — Он просто задержал нарушителей, которые были там, где им не положено быть. И оказалось, что не зря. Через несколько минут стало известно про кошелек.

— Если не знал, зачем полез с обыском? — хмуро спросил Кирилл.

— Не полез, а попросил показать карманы. Потому что были уже грустные случаи, когда пропадали деньги и вещи. И никто не может терпеть, чтобы этот позор продолжался!

— Пусть отдаст портфель, — упрямо сказал Кирилл. — Никто не имеет права отбирать чужие вещи.

— Я и не отбирала. Разбирайся с Александром Викентьевичем. Найди после собрания и разговаривай.

— Он отобрал, а я должен за ним ходить?

Фотограф был без шапки, и снег запутывался в его черной курчавой шевелюре.

Ева Петровна утомленно села за стол.

— Это старый трюк, — печально сказала она. — За наглым поведением прятать свою вину.

«Вину...», — повторил про себя Кирилл. И до него наконец дошло. Дошло полностью, что все это всерьез. Абсолютно всерьез.

Он взялся за парту, встать хотел, но не встал, а только в упор глянул на Еву Петровну.

— Значит, вы в самом деле думаете, что я вор?

Она отвела глаза. Но сказала:

— Ты сам заставляешь думать так. Твое поведение... Существует логика. Понимаешь, ло-ги-ка. Законы здравых рассуждений. Суди сам: кроме вас, там никого не было. Карманы показывать ты не стал. Значит, испугался?

— Не испугался, а противно.

— Ах, противно... Другие могут, а у тебя тонкое воспитание.

В классе опять кто-то захихикал. Но Валерка Самойлов сказал:

— Я бы тоже не дал, но растерялся.

— Помолчи!

— Пусть отдадут портфель, — бесцветным голосом повторил Кирилл.

— Ты как попугай! Я сказала: объясняйся с Александром Викентьевичем. Без объяснения он все равно не пустит тебя на свои уроки.

— Ну и не надо, — сказал Кирилл. Александр Викентьевич преподавал семиклассникам черчение, которое Кирилл всем сердцем невзлюбил с первого дня.

— Не имеет права не пускать, — сказал Климов. — У нас всеобуч.

— Права-то вы знаете, а вот обязанности...

И Ева Петровна принялась подробно объяснять про обязанности школьников, которые неразрывно связаны с правами. Получалось, что обязанностей две: хорошо учиться и беспрекословно слушаться старших. Права были те же самые: учиться и слушаться.

У Евы Петровны было худое лицо, морщинистое, но не старое. На лице странным образом смешивались утомленная разочарованность и энергия. Так было всегда. Ева Петровна словно давала понять: «Я знаю, как мало меня ценят, как неблагодарны дети, но свой долг я буду выполнять до конца, изо всех сил и без жалоб». И она выполняла. Классным руководителем она стала, когда ребята были пятиклассниками. До этого, в четвертом классе, сменилось три руководителя. Тринадцать мальчишек и двадцать четыре девчонки представляли собой, по словам завуча Нины Васильевны, «развинченную толпу». Ева Петровна заявила, что не потерпит анархии, и, если уж она берется за дело, то создаст из этой толпы здоровый пионерский коллектив.

За год она добилась, что отряд стал считаться передовым. Сама составляла планы тимуровского шефства над окрестными пенсионерами, руководила репетициями смотров строя и песни, ревностно следила, чтобы все выполняли нормы сбора макулатуры. Нерадивых обсуждали на собраниях, которые назывались пионерскими сборами. Ева Петровна говорила, что все вопросы должны обсуждаться коллективом и от коллектива ничего нельзя скрывать.

Фамилия у Евы Петровны была Красовская, поэтому, когда класс еще не был передовым, ей придумали прозвище «Евица-красавица». Потом прозвище забылось, но время от времени отдельные несознательные и нетипичные лично-

сти вроде Климова вспоминали его. Вот и сейчас Кирилл слышал, как длинный Климов сзади почти беззвучно напевает на мотив хора из «Евгения Онегина»:

Евица-красавица, душенька-подруженька,
Отпусти нас, милая,
ты домой голодненьких...

Есть в самом деле хотелось, сидели без обеда. Столовая в первые дни учебного года не работала, а в буфете была такая толкучка, что лучше и не соваться. Кирилл, правда, попробовал на предпоследней перемене, но раздумал и отдал двадцать копеек Петьке Чиркову, который признался, что вот-вот помрет с голоду...

— А зачем сидим? — вдруг спросил Климов.

— Ждем, — сообщила Ева Петровна. — Ждем, когда кто-нибудь из этих четверых признается или расскажет, как было дело.

— А если не признается?

— Тогда... очевидно, придется вызывать милицию.

— Так давайте вызывать, — предложил Кирилл.

— Правильно, — поддержал Кубышкин. — А то кушать хочется.

— Тебе полезно похудеть, — сказала Ева Петровна и опять заговорила о пятне, которое легло на тимуровский правофланговый отряд и школу. Потом подняла Женьку Черепанову и велела высказать свое мнение. Женька была бессменная председательница совета отряда. Она встала и начала говорить, что те, кто совершил этот безобразный поступок, опозорили класс и должны признаться, если они еще хоть капельку дорожат званием пионера. А если Кирилл Векшин ни в чем не виноват, то ему надо вести себя не так, а воспитанно...

Кирилл смотрел на Черепанову без всякой злости. Женька говорила те самые слова, которые принято говорить на собраниях, когда кого-нибудь обсуждают.

Женька была красивая, и Кирилл смотрел на нее с удовольствием. Он не испытывал к Черепановой никаких чувств, но глядеть на нее было приятно: как на красивую открытку или статуэтку. Почти все девчонки за лето вымахали в высоту, стали больше мальчишек (Кубышкин презрительно сказал: «Во, лошади. Теперь им на танцах десятиклассников подавай»), а Женька осталась прежней. Она была невысокая, стройненькая, с мальчишечьей русой прической и длинными серыми глазами.

— ...А Векшин вообще всех нас удивляет. Это кошмар какой-то, — закончила Черепанова свою речь и бросила на Кирилла очень осуждающий взгляд.

— Дура, — полушепотом сказал Кирилл.

— Сам, — так же ответила Женька.

Кирилл перестал слушать и повернулся к окну.

По другой стороне улицы брела послушная вереница детсадовских малышей в пестрых маечках и трусиках, в белых панамках. Впереди шла одна воспитательница, позади другая. Ребятишки, наверно, младшая группа. Трехлетние пацанята.

Кирилл подумал, что он будет в десятом классе, когда Антошка станет вот таким. И как всегда при мысли об Антошке, толкнулась в нем упругая теплая радость.

Что бы ни случилось, какие бы горести ни подкарауливали Кирилла, все равно есть у него братишка. Круглощекий, улыбчивый, славный Антошка...

Конечно, бывает всякое: иногда почитать хочется, а он вопит; надо бежать к Деду, готовить паруса, а ты отправляешься на молочную кухню за Антошкиным обедом... Но боже мой, как все-таки здорово, что он есть на свете — настоящий родной братик! Как он смотрит на Кирилла, как слушает песни...

А между прочим, на кухню и сегодня надо бежать. И скоро... Кирилл встал и взглянул на большие часы за окном — они висели на столбе у сквера.

— Что, Векшин? Ты все-таки решил признаться? — спросила Ева Петровна почти благосклонно.

— В чем? — удивился Кирилл.

— Что значит «в чем»? В том... что я сказала. Пусть встанет тот, кто виноват.

— Извините, я не слышал, — холодно сказал Кирилл.

— А, ну конечно! Слова классного руководителя для тебя пустой звук. Тогда с какой стати ты поднялся?

— Чтобы на часы взглянуть, вон там на улице.

— Смотреть на часы бесполезно, — сообщила Ева Петровна уже не Кириллу, а классу. — Сидеть будем, пока не выясним.

— Я сидеть не буду, — спокойно сказал Кирилл. Он и в самом деле был сейчас спокоен. Только глубоко внутри дрожала тугими струнками сдержанная злость. Уже не обида, а просто злость.

— Бу-удешь, голубчик...

— Не буду. Мне в молочную кухню надо идти за питанием для брата. Его в четыре часа кормить полагается.

— Ты опять лжешь, — утомленно произнесла Ева Петровна. — Если бы ты ходил в эту кухню, мама дала бы тебе записку, и тебя бы никто не стал бы задерживать на репетициях. А ты прятался, чтобы не ходить на хор.

— Потому что дело не в кухне. На хор я бы и так не пошел.

— Из ложного принципа и глупого упрямства.

— Мне надо идти, — сказал Кирилл. — Серега, выпусти.

Серега Коробов выбрался из-за парты, освобождая проход. Класс наблюдал за Кириллом с молчаливым интересом. Кирилл пошел к двери.

— Какой нахальный, — громким шепотом сказала Элька Мякишева.

Ева Петровна встала у порога.

— Имей в виду, Векшин, если ты попыта-

Кирилл помог Геннадию нести сумку до дома № 14 по улице Осипенко.

ешься уйти, я сообщу директору... что для тебя, оказывается, не писаны никакие школьные правила.

Кирилл остановился перед ней.

— Они для Антошки не писаны, — сказал он с ощущением полной и радостной правоты. — Разве есть правила, чтобы трехмесячного малыша морить голодом? Он, пожалуй, покажет правила... Разрешите, пожалуйста, пройти.

Ева Петровна хотела что-то сказать, открыла рот... и посторонилась.

Когда Кирилл был уже в коридоре, он услышал:

— За портфелем пусть явится отец.

Кирилл обернулся.

— Он бы и так пришел, если надо. Зачем портфель? Как выкуп, что ли?

— Вот именно! Для гарантии. Если я не дозвонюсь.

«Звони, звони», — сумрачно подумал Кирилл. Дома телефон не работал второй день, а на работе у отца недавно сменили номер.

Внизу, у самого выхода, Кирилл встретил Зою Алексеевну, которая учила его в младших классах. Он улыбнулся и приготовился сказать «Здрасте, Зоя Алексеевна». И вдруг увидел, что она смотрит на него странно. Без обычной улыбки.

— Кирюша... Что с тобой случилось?

Она смотрела так, словно у нее что-то сильно болело. Или не у нее? Кирилл вдруг отчетливо вспомнил, как в третьем классе, в весеннем походе, она с таким же лицом бинтовала Петьке Чиркову разбитый локоть.

— Что, Зоя Алексеевна? — спросил он, уже догадываясь и все-таки не веря.

— Мне Анна Викторовна рассказала... Кирюша, неужели это правда?

Кирилл быстро глянул ей в доброе, почти старушечье лицо и сразу опустил глаза. Переглотнул. Оказывается, спокойствие в нем было очень хрупкое. Как тонюсенькая стеклянная стенка. Сейчас лопнет эта стенка, и вся горечь, вся обида, накопившаяся в классе, рванется слезами. Как вода из разбитого аквариума.

«Зеленый павиан Джимми...»

Он поднял опять глаза, не побоялся, хотя они были уже мокрыми. Пускай! Зоя Алексеевна видала и не такое.

А она... Она, видимо, поняла этот взгляд совсем не так.

— Кирюша! Как же ты мог? Ты хотя бы признался? Если это первый раз, тебя простят.

Это было уже слишком, и зеленый Джимми не мог тут помочь. Кирилл закусил губу.

— Я признаюсь, — сказал он с трудом. — Сейчас... Вот в чем... Зоя Алексеевна, мы вам все на свете доверяли. Мы вас так любили...

Она закивала, глядя на Кирилла добрыми глазами.

— И я вас... — произнес он сипло. — Лучше вас никого для меня в школе не было...

Она все кивала и, видимо, чего-то ждала. Но Кирилл молчал.

— Вот видишь, — проговорила Зоя Алексеевна. — Вот видишь, Кирюша. А теперь...

— А теперь вы меня предали, — тихо сказал Кирилл.

И побежал к двери.

Глава третья

Про зеленого павиана Кирилл узнал от Деда. А с Дедом он познакомился зимой. Кирилл точно помнил, когда это случилось: двенадцатого февраля в пятьдесят пять минут второго.

Если бы всерьез отвечать на вопрос Евы Петровны о Кирилле, «когда это началось», можно было бы твердо назвать дату и час.

Падал мягкий снег, который щекочет лицо и тает на губах, оставляя запах лыжни и зимнего леса. Зима шла к концу, но было похоже на Новый год.

Кирилл сидел в сквере напротив булочной и ждал, когда кончится перерыв. Раньше этот магазин работал по воскресеньям без перерыва, а сегодня — пожалуйста — закрыто на обед! И ждать надо целых пятнадцать минут.

Кирилл не двигался. Ему пришло в голову провести опыт: узнать, сильно ли заснежит человека, если он просидит неподвижно четверть часа. Может быть, поверх шапки вырастет снежная папаха, на коленях — белые подушки, а на плечах пышный воротник? И прохожие будут думать, что вот сидит мальчишка, завороженный снежной королевой...

Но просидеть так все пятнадцать минут Кириллу не удалось. Неожиданно он услышал сухой звук, будто наступили на пустой спичечный коробок. Осторожно, чтобы не стряхнуть снег, Кирилл повернул голову.

Курчавый парень лет двадцати надел на объектив «Зенита» крышку, сдул с аппарата снежинки и неторопливо застегнул футляр. Потом встретился с Кириллом глазами и улыбнулся.

Он не понравился Кириллу. Близко сидящие темные глаза были какими-то чересчур острыми, пестрая поролоновая куртка — крикливо модной, а улыбка показалась высокомерной. К тому же Кирилл не любил тех, кто ходит зимой с открытой головой, считал это пижонством. А фотограф был без шапки, и снег запутывался в его черной кудрявой шевелюре.

— Зачем вы меня сфотографировали? — спросил Кирилл негромко, но довольно придирчивым тоном.

Курчавый фотограф еще раз улыбнулся и объяснил:

— Ты хорошо вписываешься в пейзаж. Кругом снег, и ты тоже заснеженный. Завороженный, будто в сказке.

Это показалось Кириллу совсем обидным: парень словно без спросу прочитал его мысли. Кирилл сказал:

— Значит, я деталь пейзажа... Вроде пенька или коряги...

— Да вовсе нет! — энергично запротестовал фотограф. — Пенек, он мертвый. А человек оживляет пейзаж, смысл придает.

С этими словами парень подтащил к скамейке большую, нагруженную чем-то тяжелым сумку, смахнул снег и сел рядом с Кириллом. Не вплотную, но достаточно близко. Снежная сказка кончилась. Это еще больше раздосадовало Кирилла.

— А зачем вам моя фотография? — хмуро спросил он.

— Ну, мало ли... В альбом вклею. Может быть, на стену повешу. Буду смотреть...

— А что тут такого интересного? Смотреть...

— Каждый человек интересен, — серьезно сказал фотограф, — потому что каждый — представитель человечества.

«Представитель человечества» — это звучало солидно. Будь Кирилл помладше, он бы начал таять от удовольствия. И спросил бы: «Значит, я тоже представитель?» Но сейчас он на эту удочку не клюнул. Он сказал:

— Разве все представители человечества интересные? Бывают дураки всякие, бывают жулики и бандиты. И просто... нахальные.

— Такие, кто без спросу фотографирует, — серьезно откликнулся курчавый незнакомец. — Ну, я же не знал, что ты так... болезненно отнесешься. Что же теперь мне делать? Пленку засветить?

— Ладно, не надо, — небрежно сказал Кирилл и посмотрел на большие часы у входа в сквер. Было без двух минут два. Кирилл глянул на соседа. Вблизи тот выглядел старше и казался немного утомленным. Он достал сигарету, похлопал по карману, повернулся к Кириллу.

— Спичек нет случайно?

Кириллу это опять не понравилось.

— Не курю, — ответил он. — Понимаете, бросил недавно. Печень, склероз и все такое...

Парень хмыкнул себе под нос. Объяснил:

— Я ведь сказал «случайно». Может, на сдачу дали...

Кирилл опять посмотрел на часы. Было ровно два, но магазин не открывался.

— «На сдачу», — буркнул Кирилл. — Где дадут сдачу, если закрыто?

Фотограф кивнул:

— Я тоже жду...

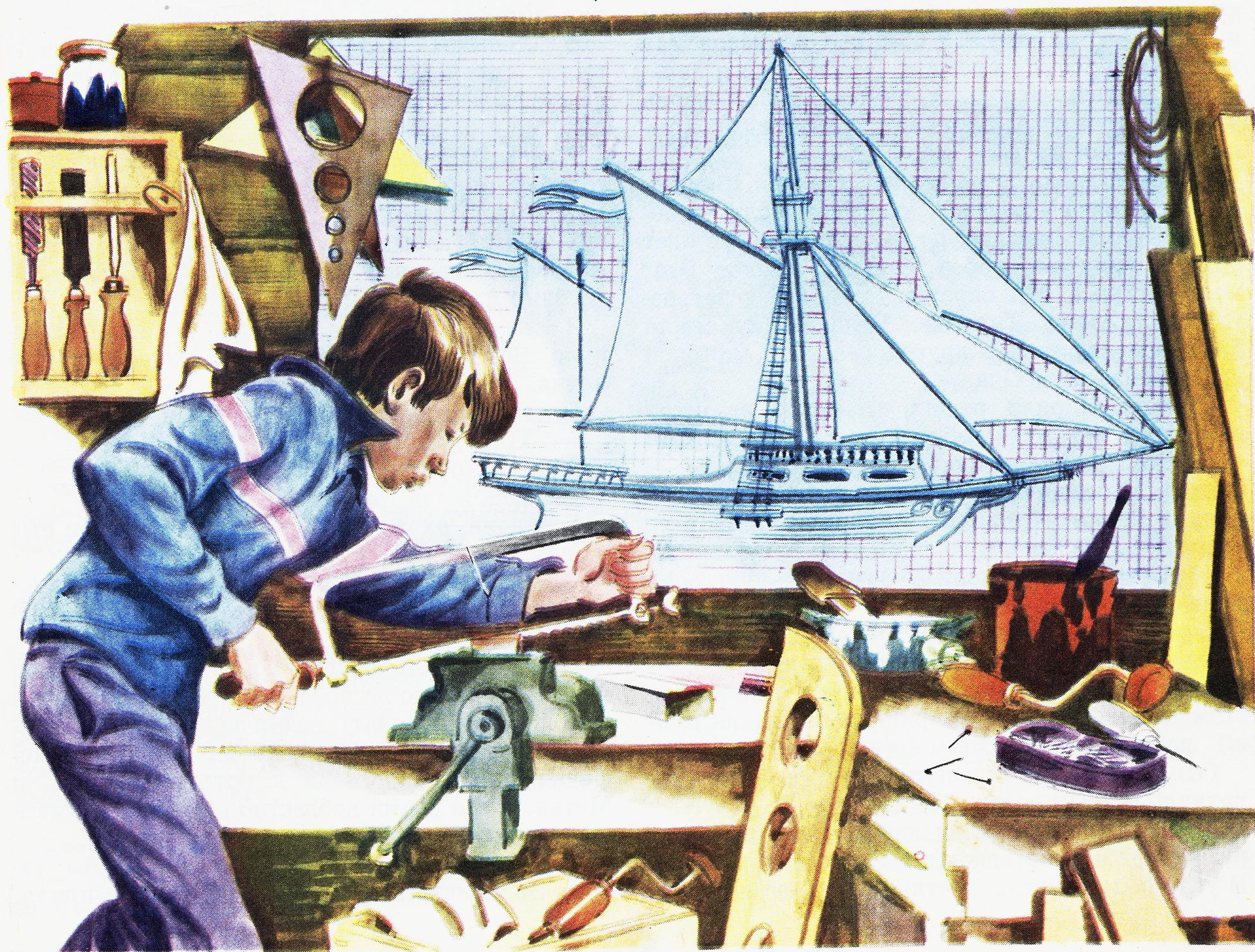
За стеклянной дверью магазина замаячила белая фигура, и дверь приоткрылась. Парень встал, сунул смятую сигарету в карман, подхватил свою громадную сумку с двумя длинными ручками и, перегнувшись на один бок, зашагал к булочной. Он заметно прихрамывал.

Кирилл подождал несколько секунд и пошел следом. В магазине он сунул в авоську два батона и половинку украинского каравая, прихватил пирожок с повидлом, чтобы пожевать на ходу. Он почти забыл о курчавом незнакомце, но, когда вышел на улицу, увидел его снова.

В одной руке парень тащил полиэтиленовый пакет с батонами, в другой сумку, которая весила, наверное, килограммов двадцать. «Что в ней такое?» — машинально подумал Кирилл. Парень словно услышал его. Посмотрел и улыбнулся опять. Теперь это была другая улыбка: немного настороженная и виноватая какая-то. Парень словно просил: «Ты не смейся, пожалуйста, что я так неуклюже ковыляю со своей тяжестью...»

Кирилл не успел сразу отвести взгляд. А когда отвел, уходить было уже неловко. «Вот так

Над верстаком висел чертеж, сделанный на голубой миллиметровке.

*Дед сказал:
— Эту беспризорную личность зовут Митька.*

всегда с тобой!..» — обругал он себя. Подошел и сказал, глядя в землю:

— Дайте одну ручку... Вам далеко?

Парня звали Геннадием. Жил он в Заовражке — старом районе, где все улицы были похожи на деревенские. Весной там пышно цвела над косыми заборами черемуха, летом дороги зарастали мелкой травой, а зимой лежали вдоль улиц длинные сугробы и над заснеженными крышами стояли прямые столбы дыма.

От многоэтажных кварталов, где жил Кирилл, до Заовражка — полчаса ходьбы. А если на автобусе — тоже полчаса, потому что автобус идет кружным путем, через большой мост. Этот мост построен над оврагом, там, где течет неглубокая речка Туринка. Недалеко от моста Туринка сливается с другой речкой, у которой громкое название Ока...

Сначала Кирилл решил, что поможет нести сумку только до автобусной остановки. Потом пробурчал: «Да ладно, я не тороплюсь» — и поехал. И оказался наконец на улице Осипенко у дома номер четырнадцать перед калиткой со старинным железным кольцом.

— Вот и приехали. Заходи, — пригласил Геннадий.

Дом был большой, с застекленной верандой, выходившей во двор. Кирилл увидел старое, но уютное крыльцо. Однако Геннадий не пошел к этому крыльцу. Они с Кириллом потащили сумку дальше — к низкому бревенчатому сараю.

Геннадий ногой толкнул дверь, и навстречу пахнуло теплым воздухом.

После улицы Кириллу показалось, что внутри жарко. Под потолком горела сильная лампа. В углу бодро гудела жестяная трехногая печурка. У длинного верстака несколько мальчишек возились с какими-то просверленными планками. А посреди сарая стояла на подставках из досок тяжелая черная шлюпка.

«Шестивесельный ял, — машинально определил Кирилл. — Как он сюда попал?»

У стены Кирилл увидел свежеоструганную мачту. Она была не шлюпочная. Двухсоставная, со стеньгой и решетчатой марсовой площадкой, она была копией мачты с крупного парусника.

Над верстаком висел чертеж, сделанный на голубой миллиметровке: та же шлюпка, но с кормовой надстройкой, узорчатой приставкой на носу — княвдигедом, с бушпритом, большой гротмачтой, маленькой бизанью, с треугольниками носовых парусов.

«Ясно...» — подумал Кирилл, и сердце стукнуло. Ясно было еще не все, но главное он уже понял.

Пятеро мальчишек обступили Геннадия.

— Ура, Дед краску притащил! Живем!

— И хлебушек! Чай поставим!

— Дед, а лак тоже привез?

Геннадий, охотно откликаясь на странное имя «Дед», сообщил:

— Все привез... Гостя привез. Он мне помогал сумку тащить. Не то, что некоторые лодыри.

Раздался негодующий вопль. Оказывается, пока Дед, никого не предупредив и не позвав на помощь (сам виноват), ездил за краской, «лодыри» провернули массу работы: выточили кофель-планки, подогнали к бортам руслени, а Митька в это время доблестно шпаклевал коварные щели у ахтер-кницы.

— Сдаюсь, сдаюсь, — сказал Дед. — Вы герои. Знакомьтесь с гостем, его зовут Кирилл.

Высокий веснушчатый паренек с серьезными глазами первый протянул руку и сказал, что его зовут Алик. Смуглого, похожего на кавказца мальчишку звали Валеркой, рослого белобрысого паренька лет четырнадцати — Саней. А еще было два Юры — Кнопов и Сергиенко. Они так и представились: по имени и фамилии. Видимо, чтобы Кирилл их отличил друг от друга. Отличить на первый взгляд было трудновато: оба коренастые, рыжеватые, улыбчивые и деловитые. Похожие, как братья. Кирилл сразу понял, что они крепкие друзья между собой.

В это время из шлюпки выбрался пацаненок лет семи или восьми, курчавый, как Дед Геннадий. В большом не по росту вязаном жилете, к которому прилипли опилки и стружки, в мятых коротеньких штанах и продранных на коленях колготках. Вся одежда мальчишки была густо уляпана коричневой краской. Нос, уши и щеки тоже были перемазаны.

Дед сказал:

— Эту беспризорную личность зовут Митька.

Митька серьезно протянул ладошку, но увидел, что она в краске, и вместо ладони подставил локоть. Все засмеялись, потому что локоть тоже был вымазан.

Только Кирилл не засмеялся. Он подержался за острый локоток мальчишки и поймал себя на мысли, что ему очень хочется набрать воздуха и дунуть на курчавую Митькину голову, чтобы застрявшие в волосах стружки разлетелись.

Митька продолжал серьезно смотреть на Кирилла и неожиданно спросил:

— Ты видел привидения?

— Что? — растерялся Кирилл. Но потом среагировал: — Конечно. У нас дома их два. Одно совсем ручное — белое и пушистое, вроде кошки. За холодильником живет.

— Врешь, — разочарованно сказал Митька.

— Не вру. У него скоро детеныши будут, могу одного принести.

— А ты еще придешь?

Кирилл опустил глаза. Он знал, что придет. Он понял, что это судьба. Но, конечно, он не решился сразу спросить: «А можно мне с вами»?

На полу под верстаком сложены были кучкой деревянные просверленные в трех местах кружочки величиной с блюдце для варенья. Один откатился и лежал у самых ног Кирилла. Кирилл поднял его. И сказал, слегка смущаясь:

— А чего это у вас юферсы по полу раскиданы? Разве лишние?

На него посмотрели сначала удивленно, а потом с улыбкой и пониманием. В сухопутном городе, где речки Ока и Туринка в самом глубоком месте были мальчишкам по пояс, едва ли нашлось бы десять человек, знающих, что деревянный блок для набивки стоячего такелажа называется «юферс».

Вечером Кирилл сказал отцу:

— Папа, я познакомился с твоим знакомым...

— Кто же это?

— Геннадий Кошкарев. Он у вас на заводе фотолабораторией заведует. Он говорит, что знает тебя. Ты ведь его тоже знаешь?

— Ну, как же... Знакомы, — отозвался отец, без особого, впрочем, восторга.

— А что? — встревожился Кирилл. — У вас, что ли, это... служебные трения, да?

Отец усмехнулся:

— Да нет, пожалуй... Характер у него тяжеловатый.

— Почему? — удивился Кирилл.

— Кто же знает? У каждого свой характер... Может, из-за несчастья. Он киносъемкой увлекается, хотел после школы на кинооператора учиться, да попал под машину, ногу ему повредило. Говорят, почти год в больнице пролежал, а хромота все равно осталась... Впрочем, я это понаслышке знаю...

— Разве с хромотой нельзя быть оператором?

— Может, и нельзя. Оператор — профессия подвижная. А может быть, можно, да не сумел. А снимает он хорощо. Талантливо.

— Он сегодня меня на улице снял. Так и познакомились... Папа, он с ребятами парусник строит, под старину. Из шлюпки переделывает...Он меня в команду берет...

Отец оживился:

— Кошкарев судно строит? Вот уж не подумал бы! Я считал, что он весь в кинофотозаботах. Ай да Тамерлан!

— Почему Тамерлан?

— Так его иногда именуют. Помнишь, был хромой завоеватель — «Гроза Вселенной»?

— Помню. А Гена-то почему гроза?

— Он редактор «Комсомольского прожектора». Мамочки мои, не приведи господь попасть под объектив с чем-нибудь таким... отрицательным. Недавно выпуск сделал про захламленность в цехах. Потом партком заседал...

— Ему попало? — встревожился Кирилл.

— Если бы ему... — с хмурой усмешкой сказал отец.

— Ну... значит, он справедливый выпуск сделал? — как можно деликатнее спросил Кирилл.

Отец вздохнул:

— Может, и справедливый... со своей точки зрения. Только ведь захламленность не от хорошей жизни была, есть масса причин... А впрочем, дело уже прошлое. Как говорится, все к лучшему.

— Ты на него злишься? — прямо спросил Кирилл.

Отец засмеялся:

— Мало ли на кого разозлишься в горячке... Ты что, уже влюбился в него?

Кирилл ответил уклончиво:

— Я в «Капитана Гранта» влюбился. Так парусник называется.

Отец серьезно сказал:

— Ты не сомневайся, Кошкарев — парень честный. Только вспыльчивый чересчур, сердитый.

Кириллу Дед вовсе не казался вспыльчивым и сердитым. Даже если ребята вместо дела устраивали возню, Дед не ругался и не покрикивал, а только укоризненно смотрел и брался за работу сам. Словно говорил: «Ну, вы как хотите, а я считаю, что мы собрались не дурака валять». Иногда это помогало.

После работы, когда все расходились, Кирилл, бывало, оставался с Дедом. Они гасили печку, чтобы не случилось ночью пожара, подбирали с пола забытые инструменты. Потом садились на скамью перед недостроенным корпусом парусника и молчали. Кирилл мысленно дорисовывал корабль: узорную кормовую надстройку, белую рубку с точеными перильцами, поднявшиеся мачты, ванты, паруса... Гафельный кеч «Капитан Грант» обещал быть красивым, как хорошая песня. Может быть, это неточное сравнение, но другого Кирилл не мог придумать. И когда Кирилл представлял, как вырастает корабль, он словно сочинял эту песню.

У Деда, видимо, были похожие мысли. Однажды он сказал:

— Еще зима, снег кругом, а ведь все равно будет лето. И поплывем... Вот закрою глаза и сразу вижу, как паруса отражаются в синей воде.

Кирилл придвинулся к Деду и кивнул.

— А ты немногословен, мой юный друг, — сказал Дед. — В первый день ты мне показался как-то... ну...

Кирилл улыбнулся:

— Нахальнее, да?

Дед виновато развел руками. Кирилл сказал:

— Сам не знаю, что на меня тогда нашло... Вообще-то я довольно тихий и примерный, — добавил он с еле заметной насмешкой.

— Это в школе так говорят?

— Везде... Я до третьего класса вообще мало говорил, я заикался.

— Сейчас незаметно...

— Прошло... Я петь полюбил, тогда это и кончилось. Меня учительница Зоя Алексеевна к пению приучила.

— И сейчас поешь?

— В школьном хоре. Только мне там не нравится. Туда многих без всякого согласия посылают, это плохо. Зачем, если не хочется петь?

— Но тебе-то хочется?

Кирилл мотнул головой.

— Нет, мне там тоже не нравится. Руководитель новый появился, крикливый какой-то... И песенки все детские... Я бы ушел...

— А почему не уйдешь? Спорить не хочешь?

Дед спросил это без насмешки — серьезно и по-хорошему.

Кирилл почувствовал, как защипало в глазах, и хмуро признался:

— У меня какое-то свойство дурацкое. Сам не знаю, почему... Вот увижу что-нибудь несправедливое, начну спорить — и вдруг слезы.

Дед понимающе кивнул:

— Это бывает иногда...

— У меня не иногда, а каждый раз... Сейчас даже больше, чем раньше, — сердито сказал Кирилл и переглотнул. — Ты никому не говори... Может, я больной?

Дед засмеялся и положил свою ладонь Кириллу на затылок.

— Что ты, Кир... Твоей беде помочь совсем легко.

Кирилл удивленно поднял повлажневшие глаза.

Дед глянул в эти глаза и доверительно произнес:

— Как в горле заскребет, вспомни зеленого павиана Джимми.

— Какого павиана? — очень удивился Кирилл.

— Я же говорю: зеленого. Сразу же представь себе зеленого павиана Джимми, и все пройдет... Это меня в детстве дядюшка научил. Здорово помогает, честное слово.

Кирилл помигал и смущенно улыбнулся:

— Я... ладно, попробую. — И подумал, как жаль, что не знал про Джимми осенью. Про тот случай до сих пор стыдно вспоминать. Ева Петровна оставила весь класс после уроков за то, что будто бы безобразно вели себя в столовой и разбили два стакана. Свинство какое! Ведь ей сто раз объясняли, что никто не дурачился и не бил! Кирилл кипел, кипел внутри, потом встал и приготовился сказать, что все это несправедливо и она не имеет права... А вместо слов получились всхлипы, и он разревелся, как дошкольница, у которой отобрали новый мячик.

Евица-красавица сказала:

— Векшин, ступай домой. Ты-то ни в чем не виноват, я знаю.

Кирилл схватил портфель и выскочил в коридор. Получилось, что ни за кого он не заступился, а только себе заработал прощение. Выревел! Это в двенадцать-то лет...

Нет, зеленый павиан — это, кажется, неплохо (глаза, между прочим, высохли). В этом что-то есть.

Но тут же Кирилл встревожился:

— А Митька? Он разве не знает про павиана?

Дед снисходительно сказал:

— Митька если ревет, то от страха или от вредности. Здесь уж Джимми бессилен.

Глава четвертая

Митька был вертлявой личностью восьми с половиной лет: круглолицый, но щуплый, с черными быстрыми глазами и очень красными мокрыми губами — он их постоянно облизывал. Звали его чаще не просто Митька, а Митька-Маус. Вроде Микки-Мауса, знаменитого мышонка из мультфильмов. Но такое прозвище ему дали не за доблести, а за то, что он все время ходил с каким-нибудь хвостом. За ним таскался то обрывок веревки, то высовывалась из кармана длинная сетка-авоська, то шуршала по полу

«Капитан Грант», уже с надстройками и рубкой, почти готовый к спуску, стоял во дворе.

оторванная лямка штанов, то цеплял всех за ноги самодельный кнут, которым Митька-Маус любил что-нибудь сшибать: весной сосульки с карнизов, летом головки одуванчиков...

Митька-Маус чудовищно боялся привидений. Чтобы оправдать свои страхи, он всех уверял, что приведения на самом деле есть, и рассказывал, как с ними встречался. Эти жуткие истории потихоньку записывал Алик Ветлугин: он сочинял фантастические романы, и ему нужен был материал.

По вечерам Митька-Маус ни за что не соглашался оставаться один в комнате или мастерской, поднимал рев. Это доставляло Деду массу хлопот.

Была у Митьки еще одна черта, очень неудобная для Деда. Вездесущий Маус каждый день собирал на себя краски, сажу, ржавчину, пыль, мел и клей. Постоянной заботой Деда было отмывать Митьку по вечерам.

Чертыхаясь, Дед грел в баке для белья воду — зимой на плите, летом на костре посреди двора. Потом заталкивал двоюродного внука в старинное корыто, похожее на железный саркофаг, и драил несчастного Мауса суровой капроновой мочалкой. По комнате разлетались мыльные хлопья, радужные пузыри и Митькины вопли. Вопил Митька наполовину шутя, а наполовину всерьез, потому что жесткой мочалки и едучего мыла боялся лишь немного меньше, чем привидений.

— Не дрыгайся, подкидыш! — рычал Дед.

На «подкидыша» Митька не обижался. Он даже сам себя так иногда именовал.

Митькины родители — Генина племянница Надежда и ее муж Виктор обитали в другой половине дома. Этот ветхий, но просторный дом остался от Гениной бабушки. Многочисленные родственники от такого наследства отказались, у них были квартиры, а у Геннадия и его племянницы своего жилья не было, и они позапрошлым летом вступили во владение старинной постройкой, в которой безусловно водились привидения и домовые.

Первый год жизнь в доме протекала безоблачно для всех, в том числе и для Митьки. Он лазил на захламленный чердак (днем, конечно), зимой строил во дворе крепости, летом играл с приятелями в прятки — было где. И не подозревал, какие тучи собираются над его курчавой головой.

А Митькины папа и мама тем временем окончили геологический факультет и в сентябре должны были отправиться в экспедицию.

Родители Надежды и Виктора жили далеко, мама Геннадия часто болела и возиться с двоюродным правнуком не могла. Обалдевшего от неожиданной беды Митьку устроили в интернат.

Митька прожил в интернате четыре дня и все это время безутешно горевал о доме. На пятый день он сбежал.

Отец, мать и примчавшаяся следом воспитательница три часа уговаривали Митьку покориться судьбе. Митька сперва говорил «не...». Потом просто молчал, намертво вцепившись в рычаг на чугунной дверце у печки голландки. Тащить Митьку в интернат вместе с печкой воспитательница отказалась и ушла, грохнув дверью. Митькина мама затравленно вздрогнула и убежала следом. Доведенный до полного отчаяния отец отстегнул от походного планшета ремешок и сложил вдвое.

— Ну и пусть, — шепотом сказал Митька. — Все равно не поеду.

Он не вырывался и не пытался защититься, но от крика удержаться не смог. Крик услышал со двора Геннадий. Он ворвался в комнату, взял в охапку папашу-геолога и швырнул в угол на стул. Затем сказал, что если еще раз узнает про такое дело, то заставит бездарного родителя сожрать этот ремешок вместе с защелками и кольцами.

Митькин отец посмотрел на Геннадия, на зареванного, встрепанного Митьку и едва не заревел сам. Он сообщил, что готов съесть дюжину ремней, и не таких, а флотских, вместе с пряжками, если ему скажут, что теперь делать. Менять профессию? Вернуть в институт дипломы? Повеситься? Сорвать экспедицию? Посадить Митьку в рюкзак и взять с собой? Или, может быть, благородный заступник сам готов полтора месяца нянчиться с ненаглядным двоюродным внуком?

Геннадий вышел из себя и сказал, что, черт с ними, готов. Потому что от таких родителей Митьке проку, что от вороны пения.

Через день Надежда и Виктор уехали, а Дед сразу ощутил всю радость родительской должности: будить, кормить, отправлять в школу, приводить с продленки, проверять уроки и объясняться с учительницей по поводу грязных тетрадей, мятой формы и «вызывающего поведения».

А через неделю Митька заболел жестокой ангиной, и Дед не спал несколько ночей. Говорил потом, что боялся: вдруг уснет, а с Митькой случится что-нибудь страшное.

Ничего особенного не случилось. Несколько дней Митька не вставал, потом дело пошло на поправку.

По вечерам, чтобы Митька не скучал, Дед рассказывал ему сказку про Кота в сапогах. На новый лад. Кот фехтовал, как мушкетер, скакал на лошади и стрелял, как ковбой, воевал с хищными пришельцами из космоса и совершенно не боялся привидений, потому что их нет и быть не может.

Многосерийную сказку Митька слушал с величайшим наслаждением, но привидений все равно боялся. И если Дед Геннадий допоздна печатал снимки или проявлял кинопленки, Митька устраивался спать в комнате-лаборатории на узком диванчике, изготовленном в середине девятнадцатого века.

Дед прощал Митьке его слабости. Если человека любишь, ему многое прощаешь. К тому же, у Митьки были и хорошие качества. Он умел работать. Когда надо было законопатить и зашпаклевать щели в самых недоступных уголках

шлюпки, посылали вертлявого Мауса. И если он разбивал макушку, ползая под палубой, то не пищал и не боялся йода.

Кроме того, именно Митька набрал для «Капитана Гранта» работников и матросов.

Когда Геннадий Кошкарев отыскал на берегу Андреевского озера старую шлюпку и решил, что пришла пора осуществить давнюю мечту: построить маленький, но настоящий корабль, ему обещали помощь два взрослых приятеля. С ними Дед и перевез шлюпку в город. Это было в конце прошлого лета. Осенью же один приятель начал писать кандидатскую диссертацию, а второй женился, и жена убедила его, что возиться с корабликами несолидно.

Тогда и пришел на выручку Митька. Через своих приятелей он узнал, где в округе есть люди, неравнодушные к парусам. Привел сначала деловитого Саню Матюхина, потом Алика Ветлугина и Валерку Карпова, выгнанных за случайные школьные двойки из кружка судомоделистов при домоуправлении (правда, там они строили модели катеров и понятия не имели, чем шхуна отличается от фрегата). От Алика узнали про корабль неразлучные Юрки...

И дело пошло, потому что мальчишки попались дружные, диссертации и женитьбы им не грозили, а строительство двухмачтового крейсерского парусника они считали вполне серьезной работой, не игрушками.

Только один раз Кирилл видел, как Дед всерьез рассердился на Митьку-Мауса. Это было в середине июня. «Капитан Грант», уже с надстройками и рубкой, почти готовый к спуску, стоял во дворе. Рядом лежали грот-мачта и бизань-мачта с надетыми вантами. Юрки в третий раз красили черной эмалью борта, Алик и Валерка привинчивали к белой рубке длинные иллюминаторы из оргстекла. Кирилл, Саня и Дед расстелили на траве главный парус — грот и суровыми нитками обметывали в парусине специальные отверстия — люверсы.

Митька сидел под высокой кормой, украшенной точеным узором, и покрывал оранжевой краской спасательный круг, который Дед хитрым путем раздобыл через завком. Красил, конечно, не только круг, но и себя.

Насмешливый Валерка покосился на Митьку и громко сказал:

— Опять будет Деду вечером работа: Мауса отскребать.

Митька сообщил, что, если Валерка не умолкнет, отскребать придется их двоих. Причем Валерку больше.

— Не догонишь, — сказал Валерка. — Ты все равно к краске прилип, не отклеишься.

Митька-Маус вскочил и с грозным кличем помчался к ехидному Валерке. Тот пустился через двор. Митька запнулся за Дедовы ноги и полетел на парус. Он успел по-кошачьи извернуться в воздухе, упал не на парусину, а рядом, но правой рукой все же врезался в верхнюю часть грота. И отпечатал свою ладонь.

Вот тут-то Дед помянул всех морских и сухопутных чертей, обозвал Мауса балбесом и разгильдяем и мрачно посоветовал ему собирать чемоданчик, чтобы ехать в пионерский лагерь. В этот лагерь Митьку активно пытались сплавить родители.

Митька молчал и отчаянными глазами смотрел на черное дело своих рук. Точнее, на оранжевое дело. Потом тихонько заревел.

Сначала все ужасно опечалились. Масляную краску до конца не отскрести и не отстирать, значит, нужна заплата, да еще с двух сторон: оранжевая лапа Мауса проступила сквозь парусину.

И вдруг Кириллу пришла в голову счастливая мысль:

— Слушайте, а ведь у яхт всегда есть знаки на парусах! Всякие эмблемы! Пускай у нас будет знак руки.

— В честь чего это? — хмуро спросил Дед. — В честь этого обормота?

Но было уже ясно, что мысль подходящая.

— Это будет означать, что мы все сделали своими руками, — разъяснил Алик Ветлугин.

Они в самом деле почти все сделали сами, если не считать дырявого старого корпуса шлюпки. Но и его пришлось приводить в порядок: менять доски обшивки, обдирать, олифить, шпаклевать, шкурить, красить... И паруса выкраивали сами, только сшивать на машинке помогала Митькина мама, которую ребята почтительно называли Надеждой Николаевной. А сам Митька добросовестно исколол иглой все пальцы, пришивая к парусным кромкам пеньковую веревку — ликтрос. И, вспомнив про это, все решили, что будет даже справедливо, если Митькина ладонь навеки останется на парусине.

Дед проворчал, что только чудо спасло бестолкового Мауса от ссылки в лагерь «Веселые Ключи». Все понимали, что угроза была липовая, но торжественно поздравили Митьку. Потом Дед поаккуратнее прорисовал на парусине Митькину ладошку, обвел ее оранжевым кругом, а к этому кругу присоединил острые лучи. Получилась ладонь в солнышке. Так и появилась эмблема «Капитана Гранта».

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Я и МЫ

Отряды шагают маршрутами Всесоюзного пионерского Марша «Пионеры всей страны делу Ленина верны». На вашем счету немало полезных интересных дел. Вас хвалят: «Молодцы, ребята!» Но может ли каждый из вас отнести эти похвалы к себе лично? Велика ли доля участия каждого в том, что сделал отряд?

Как тебе живется в твоем отряде? Радостно? Весело? Хорошо ли тебе с товарищами? А товарищам с тобой всегда ли приятно быть рядом?

ДУМАЛИ ЛИ ВЫ КОГДА-НИБУДЬ ОБ ЭТОМ ВСЕ ВМЕСТЕ И КАЖДЫЙ В ОТДЕЛЬНОСТИ?

Часто ребята жалуются: у нас отряд недружный. Живется нам скучно. Будто кто-то со стороны должен прийти и развеселить и подружить.

И, ВОЗМОЖНО, НИКТО ИЗ ВАС НЕ СПРОСИЛ СЕБЯ: А ЧТО СДЕЛАЛ Я, ЧТОБЫ ВСЕМ БЫЛО ИНТЕРЕСНО? ЧТО Я ПРЕДЛОЖИЛ, ПРИДУМАЛ, ПОСОВЕТОВАЛ?

В новом году, как и прежде, мы приглашаем вас всех на страницы нашего журнала, которые называются «Ты, я, наш отряд».

ДАВАЙТЕ ГОВОРИТЬ О ТОМ, ЧТО НАС ВОЛНУЕТ, ПОМОГАТЬ ДРУГ ДРУГУ, СОВЕТОВАТЬСЯ, КАК СДЕЛАТЬ ЖИЗНЬ ИНТЕРЕСНОЙ ДЛЯ НАС САМИХ И ПОЛЕЗНОЙ ДЛЯ ОКРУЖАЮЩИХ.

СЛУЧИЛОСЬ ЧП

Во всяком случае, так думает пятиклассница из Перми Лена Антонова.

Весь отряд собирал макулатуру, а председатель отряда не пришла. Объяснила: «У меня музыка...» Ее одноклассница Лена Антонова считает, что это не объяснение, отговорка. Потому что твердо знает: ко времени похода за макулатурой занятия музыкой уже кончились.

Как же быть? Прямо и честно сказать об этом отряду? Ребята сочтут ябедой. Да и правильно ли подрывать авторитет председателя? А промолчать тоже нехорошо — автор письма в редакцию уверен: если председатель обманывает товарищей — это чрезвычайное происшествие.

Чтобы помочь пятикласснице из Перми, на страницы «Ты, я, наш отряд» пришли ребята из районного пионерского штаба города Зеленограда.

Пионерский отряд — это семья. И как обычно заведено во всякой хорошей семье, старайтесь научиться делить друг с другом и радость и беду. Всем вместе легче найти решение, как поступить правильно.

Если в вашем отряде все ребята — друзья, никто не подумает, что Лена, которая (все же это знают!) никогда не ябедничает, вдруг стала ябедой. Примут Ленино сообщение, как и надо

принять: человек тревожится. И вправду, есть о чем беспокоиться: председатель обманул отряд, свои интересы поставил выше общих. Человек, которого уважают больше других (потому и выбрали), перестал уважать товарищей. Зазнался? Не верит в то, к чему призывает других? Что произошло? Лучше во всем разобраться сразу. Если виноват председатель, прямо и честно, как положено среди друзей, сказать об этом. Пусть подумает!

А может быть, Лена ошиблась, хоть и уверена, что права. В общем разговоре все выяснится. Бывает и так. Тогда Лене придется признать свою ошибку. Извиниться.

Коллектив — это не просто сборище всех «я». Это когда все «я» собраны воедино, в одно дружное крепкое «мы», где каждое «я» уважают.

«Я» и «мы» — как они уживаются в вашем отряде?

Подумай и напиши нам:

что ты лично сделал для товарищей?

что зависело от тебя в общем успехе, в неудаче?

чем тебе помог отряд, товарищи?

как добиться того, чтобы «я» и «мы» были довольны друг другом?

* * *

Сергей Плютенко из города Актюбинска рассказал нам в письме такой случай.

ВИТИН ДЕБЮТ

Витя стороной обходил футбольное поле, не умел плавать, как мешок болтался на перекладине. От уроков физкультуры его надежно защищала справка от врача. Занятия этим предметом он считал пустой тратой времени. Однако летом, в пионерском лагере, с ним произошел случай, изменивший его отношение к спорту.

Мальчишки из его отряда усиленно тренировались перед эстафетой. Витя же целыми днями не отрывался от книг. Никто и не звал его — какой толк от этого низкорослого очкарика, чья мускулатура оставляет желать лучшего.

Но накануне соревнований капитан команды сорвался с турника и повредил руку. Замены не было, и все мечты о первом месте таяли... И тут вспомнили о Вите.

Витя отказывался. Но его буквально вынесли на поле состязания.

...Сигнал горна возвестил о начале спортивного праздника. Один за другим Витины товарищи четко и быстро преодолевали многочисленные препятствия. Вите достался заключительный этап, самый важный, и он, разумеется, нервничал. Словно во сне, на вытянутых руках, не веря, что это возможно, одну за другой преодолевал он тринадцать перекладин. Первые шесть легко, но потом... Руки налились свинцом, и двигаться становилось все труднее, а болельщики... Болельщики подбадривали его, поддерживали его иссякающие силы. И вот финиш! Ничего, что болят руки и на ладонях вздулись пузыри, зато победа!

— Молодец, Витя! Ты настоящий товарищ, — говорили потом ребята.

На следующий день Витя пришел и на гимнастическую площадку и на футбольное поле... И началась у него совсем другая, новая жизнь. Он обрел друзей. Он стал равным среди равных. Он поверил в свои силы.

Возникает вопрос! Что же, ждать, пока произойдет что-то необычное, чтобы ребята одного отряда поняли друг друга? Вовремя пришли на помощь товарищу? Увидели не худшие, а лучшие стороны его характера?

Поговорите об этом на сборе отряда. Давайте продолжим этот разговор на страницах «Ты, я, наш отряд».

* * *

А теперь прочти, пожалуйста, письмо Тани Захаровой из села Моторино Оренбургской области.

ЗАВТРА ЛУЧШЕ, ЧЕМ ВЧЕРА

С одиннадцати лет я стала работать штурвальным на комбайне. Штурвальный — это помощник комбайнера. Работа эта мне очень нравится. И, может быть, поэтому мне удалось добиться неплохих результатов. Недавно я была на слете хлеборобов Оренбуржья. Там меня наградили значком «Ударник труда».

Все хорошо. Но вот что меня тревожит. Я думаю, теперь пришло такое время, когда результат работы нельзя оценивать только по количеству. Надо еще посмотреть: получилось ли сегодня лучше, чем вчера? А завтра будет лучше, чем сегодня?

Очень жаль, но мы редко анализируем свою работу. А этому, мне кажется, нужно учиться еще в пионерском отряде.

Молодец, Таня! Ставит очень важный и серьезный вопрос. Подумаем:

умеем мы анализировать свою работу?

делать правильные выводы?

учиться на ошибках?

понимать, как сделать любое дело лучше, организованнее, мудрее?

Если это получается у пионеров вашего отряда, расскажите нам об этом подробно, с конкретными примерами. Ваш опыт поможет товарищам.

На конверте не забудьте поставить пометку: «Ты, я, наш отряд».

Л. СИМОНОВА

У тебя «растут года»... И вопрос, кем ты будешь, уже не кажется вопросом, решение которого можно отложить на завтра. Уже не кажется, что одного «хочу быть летчиком» вполне достаточно. Кроме «хочу», нужны еще и способности и умение работать, чтобы осуществить свою мечту. И трудолюбие, чтобы довести избранное дело до конца. И потребность чувствовать себя хозяином своего любимого дела, ответственным человеком.

Этому ты должен учить себя уже сейчас. И учить себя сам. А чтобы помочь тебе, мы открываем на страницах «Пионера» новую рубрику «Кем стать, каким стать?».

И. ГОЛУБЕВА

Про соус «бешамель», отличника Попова и Главного Кулинара Протопопова

ОЧЕРК

Дом этот видно сразу, как выходишь из станции метро «Ленинский проспект». Кажется, что и станцию метро здесь построили специально. Чтобы каждое утро из ее стеклянных дверей выбегали и торопились к дому мальчики и девочки. На вид обыкновенные школьники, только не в форме, а одетые каждый на свой лад и вкус, с потертыми по-школьному портфельчиками, папками и сумками на длинных ремнях.

Дом этот — **училище. Профессиональное. Техническое.** У него есть свой номер — 165. Своя, ни мало ни много, пятидесятилетняя история. И учатся в нем будущие повара и кондитеры.

И чтобы понять, что происходит там, за стенами училища, надо непременно поговорить с кем-то из этих ребят, спешащих к первому, утреннему звонку.

Сережа

«Даже если бы мы готовили каждый год в пять или в десять раз больше поваров, их бы все равно у нас нарасхват разбирали...»

Валентина Ивановна, директор ПТУ.

— Борщ бывает украинский, флотский, московский, — по-ученически, без запинки говорит Сережа. Остановится и пояснит: — Я люблю московский. Хоть Москва мне, по правде сказать, надоела... Вот Архангельск!

Я Сережу понимаю. В шестнадцать лет все сложное и необыкновенное всегда в другом городе.

— Училище, думаю, закончу с отличием. Поработаю в столовой, потом армия. В армии повар, говорят, важнее генерала. Как накормишь солдат, так и служба у них идет. А после армии знаете, кем стану?

Сережа щурится так хитро, что я понимаю: нипочем мне не догадаться.

— Поваром в поездах дальнего следования. Я когда ездил на каникулы в Ленинград, уже заходил в поезде на кухню, расспрашивал, что да как...

Мне нравится Сережина программа. Я знаю многих Сережиных сверстников, и они тоже мечтают о поездах дальнего следования и кораблях дальнего плавания. Но все как-то... Ну, как в детстве. Хорошо бы быть похожим на Дика Сэнда, хорошо бы переплыть океан в бочке из-под рома... А тут программа. «Все на свете города не объедешь никогда?» Объедешь. И не в качестве балласта, не «зайцем», а нужным, важным для пассажиров человеком.

— Однажды я с мамой обедал в поезде. Мне было стыдно за картофельное пюре. Оно стекало с вилки, как вода. Чтобы я так когда-нибудь накормил своих пассажиров?! Честь повара мне не позволит.

Вот тут я поняла, что отличает ребят из училища. Уверенность. Такая уверенность бывает у людей, которые умеют что-то неплохо делать своими руками.

Наверное, надо бы сказать о том, какой важной и почетной считают они профессию повара... Но, побывав в училище, кажется странным, что это надо объяснять. Ребята не представляют, что можно думать иначе. Многие из них начали «экспериментировать» на кухне еще в первом классе и к тому времени, когда пришли подавать документы в училище, были уже абсолютно уверены в своем выборе. Как говорит Сережа: «Ни о чем больше и не думал».

А что касается почетна — не почетна, важна — не важна профессия... Есть особенная радость в том, чтобы накормить человека. Не потому ли так стараются в каждом доме получше угостить гостя, придумывают в воскресный день что-то особенно вкусное для семьи, тратят каждый день столько времени и забот на приготовление завтрака, обеда. Как зависит от этого здоровье семьи и даже ее мир!

А что же говорить о людях, которые занимаются этим в масштабе государства? Может, поэтому шестнадцатилетние мальчики из училища так степенны, когда говорят о своей профессии. Словно проникнуты сознанием важности своего дела — они **кормят**.

Твое дело — твоя радость. Если вдруг найдет на Сережу скука и хандра и кажется, что все и вся: погода, родители, прохожие, — к тебе несправедливы, он не куксится и не валяется на диване. Подходит к книжной полке и достает одну из любимых кулинарных книг.

У Сережи их много. Все знакомые, листанные-перелистанные, в пометках и карандашных закорючках. У каждой свой характер и голос. Достаточно ему услышать скрипучий наставительный басок «Кухмистера XIX века»: «Разварив простого сухого гороха (сколько потребно) и протерев его сквозь сито, поджарь... положи туда же искрошенных малосольных огурчиков и прокипяти хорошенько»... Он тут же забывает всякую скуку и скорей на кухню: попробовать, что получится. И уж к маминому приходу они с «кухмистером» что-нибудь придумают...

А оценить Сережина мама может по-настоящему. И то черное, сгоревшее печенье, которое он испек в первом классе (ни капельки не ругала!), и вкуснющую картофельную запеканку, которую сотворил в четвертом. И сейчас мама — самый главный ценитель и советчик.

— Мама — повар в детском саду. Но готовить ей приходится только на работе. Дома я не даю. Это раньше просил у нее что-нибудь вкусное-превкусное сделать... А теперь у меня к ее приходу вечером все готово.

У Сережи еще брат и сестра. Сестренка вообще уже свыклась с тем, что Сережа «как волшебник». Достаточно сказать: «Сереж, а мороженое можешь?» и убедиться: может.

Сережа Попов уже не один раз был на практике. У него большие планы. Я бы не назвала их мечтами, настолько обоснованно он обо всем судит. Чтобы на кухнях везде была отличная вентиляция. Чтобы оборудование было продумано до мелочей — не бегать от стола к плите. Чтобы пришли на кухню автоматы, исполняющие трудную физическую работу. Наивные, скажете, планы? Сколько взрослых неглупых людей этим занимаются! А мне человек, который так по-хозяйски себя чувствует, меньше всего кажется наивным.

Он знает будущее своей профессии. Он жадно, не отрываясь, смотрит, как готовит великий повар Татьяна Васильевна, руководитель практики, свой знаменитый борщ. Он читает. И словно укладывает в невидимую копилку все, что узнает, услышит, чему научится. Как лепят из пластилина нужную фигурку, так он лепит себя. Наверное, именно так становятся профессионалами, хозяевами своего дела, умельцами.

Я знаю, что Сережа уже пишет дипломную работу. Еще немного, и закончит училище. Мне хочется сказать ему какие-то важные слова... Но придумать их должен не я. Их должен сказать Мастер. И я отправляюсь искать Мастера.

Сергей Иванович

«Прямо, налево... а там уж увидите особнячок небольшой в стиле московского барокко... Это и есть наш Музей общественного питания».

Из телефонного разговора с Сергеем Ивановичем.

Да, есть такой музей в Москве. Здесь можно дотронуться до древней мраморной ступки, которой пользовался в прошлом веке повар-чудодей, узнать, что любят готовить на обед японцы, полистать тоненькую книжечку с деловым и суровым заголовком «Чем прокормиться в исключительных условиях», издательство «Молодая гвардия», 1941 год. И увидеть разноцветную, простую и удобную посуду, из которой будут есть гости и участники Олимпиады-80. Поел — выбросил. Одноразовое пользование.

Сергей Иванович Протопопов работает в этом музее.

Как я узнала про Сергея Ивановича? В списках училища № 165 он значится как выпускник 1933 года.

О Мастере можно было бы рассказать такую сказку.

«Один мальчик приехал первый раз в жизни в большой-большой город. Извозчик вез его по городским улицам. И в голове у него не было ни одной мысли о том, что же он станет делать, когда извозчик остановится и скажет: «Прибыли». И тут в раскрытых дверях дома он увидел поваренка в белом колпаке. Может быть, все дело было в этом пышном хрустящем колпаке? Но мальчику вдруг ужасно захотелось быть поваром. Он стал поваренком, потом поваром, а потом самым главным поваром в городе. И не только в Москве, даже в самой далекой Австралии, единственном месте на земле, где водятся медвежата-коала и кенгуру, его признали Почетным Австралийским поваром».

Все в этой истории, казалось бы, совершенная правда, а Сергею Ивановичу смешно. Потому что она не похожа на его жизнь, как не похожа на жизнь любая сказка.

А правда была такая. Мальчик окончил учи-

Школьные завтраки и обеды — об этом тоже заботится повар.

лище с самым высшим, седьмым, разрядом, который ему в виде исключения присвоили за отличную учебу.

Да, он был отличником от первого до последнего дня в училище. В желудке «пищало» от голода, а он изучал рецепты приготовления изысканных парфе и кокота. И эту целеустремленность уже нельзя было объяснить только детским желанием иметь белый колпак.

Пошел работать в столовую. Утром он ставил перед собой несколько бочек воблы и мешки с луком. И то и другое надо было очистить. И пока последняя луковица не падала в кастрюлю, ему так же, как и его друзьям, не приходило в голову встать и уйти.

Во-первых, вареной этой воблы ожидала у столовой длинная очередь. И он понимал, как важна его работа.

Во-вторых, теперь уже можно было сказать точно, он чувствовал свое призвание и верно ему служил.

Решил стать настоящим поваром, так не отступай ни перед чем. Надо растапливать огромную кухонную плиту дровами каждое утро — растапливай. Надо тяжелую мясорубку вертеть, пока все мясо не прокрутишь, — верти. Надо двигать медные толстенные котлы, сотейники, листы с булочками — двигай.

Му́ка? А он так не считал. Было, кроме всего прочего, интересно. Он чувствовал, какими ловкими, послушными становились руки, как много он уже умеет и знает. И хотелось, чтобы получилось еще лучше.

— И все-таки (я знаю, что этот вопрос непременно задал бы Сережа и его приятели) бывает же, что человеку просто везет?

— Конечно, — грустно говорит Сергей Иванович и показывает фотографию на музейном стенде. — Это наша группа. Выпускники ФЗУ. — Он называет имена и фамилии, голос его становится все тише. — Не вернулся... Умер от ран... Погиб в Берлине... — Слушать Главного Кулинара страшно. Потому что на этой фотографии погибших намного больше, чем живых.

— Конечно, повезло. Что живой остался.

Монолог Сергея Ивановича, который я записала специально для Сережи

Открывалось как-то в Москве на Пушкинской улице новое кафе. Помещение маленькое. И решили готовить только одно блюдо. Но такое, чтобы и из-за этого одного люди сюда торопились. Короче, «скоблянку по-нижегородски». А как ее готовить, помнили лишь немногие старые повара.

Мясо режется, как для бефстроганова. Тушится вместе с грибами. Отдельно готовится картофель. Сначала его отваривают в «мундире» (такой намного вкуснее, чем сваренный без кожуры). И ломтиками обжаривают. Да тоже не просто так, а с премудростью. Переворачивать ножом нельзя. Надо, когда с одной стороны поджарятся, резко подкинуть ломтики на сковороде... Хоп! Чтобы перевернулись в воздухе, и каждый ломтик улегся на свое место не сломавшись. Тут уж надо быть или жонглером, или поваром отличным. А заправляют скоблянку сметанным соусом, с луком, томатом и соусом «южным».

Собрались вместе пять поваров. Каждый приготовил скоблянку. И у каждого получилась своя. А рецепт один и продукты одинаковые. Я смотрел на них и уже в который раз убеждался, что профессия наша может быть искусством.

Ну, то, скажешь, скоблянка... Сложное блюдо, явно не для будничного обеда, есть где показать свое мастерство.

А я скажу, что настоящее искусство — уметь отлично делать простые вещи. Хочешь, докажу, что самая вкусная еда на свете биточки рубленые? Те самые, без которых ни одна столовая не обходится. И представь себе, что ты повар в этой столовой.

В понедельник готовишь биточки с картофельным пюре и томатным соусом. Во вторник они же, но с картофелем отварным и соусом

сметанным. Вкусно. Но совсем по-другому. В среду биточки под красным соусом. В четверг в тот же красный соус добавишь горчицы (только ни в коем случае не кипяти), и сам биточки не узнаешь. Ну, а в пятницу биточки уж и не биточки вовсе, а котлеты «а-ля минут». Покроешь их из кондитерского «мешка», из которого обычно крем выпускают, соусом «бешамель» (знаешь такой соус молочный?), посыплешь сыром и запечешь в духовке.

Я вот с тобой разговариваю. А мне уже разговаривать скучно. Хочется эти биточки приготовить. Я даже вкус их чувствую.

Это очень важно, «чувствовать вкус» того, что ты готовишь.

Иногда в столовой люди едят суп и возмущаются. Невкусный. А он просто-напросто недосоленый. Положи повар сколько нужно соли и перца чуть-чуть — совсем другое дело.

«Чувствовать вкус» — в нашем деле это, очевидно, и есть то самое, о чем говорят «работать творчески». Пропадет у тебя это качество, и ты станешь скучным, брюзгливым, тяготящимся своей работой человеком.

Опустил лавровый лист в супчик в самом конце, ароматным он получился. А бросил, когда вовсю кипит, суп веником пахнет.

Варишь куриный бульон на тихоньком огонечке, так, чтобы чуть «переваливался», бульон отменный. А оставь его бурлить, да пену вовремя не сними, вкус будет противным, «осалившимся».

Или варенье из смородины. У одного получается чуть переваренным, у другого ягоды жестковаты, а у третьего — в самый раз.

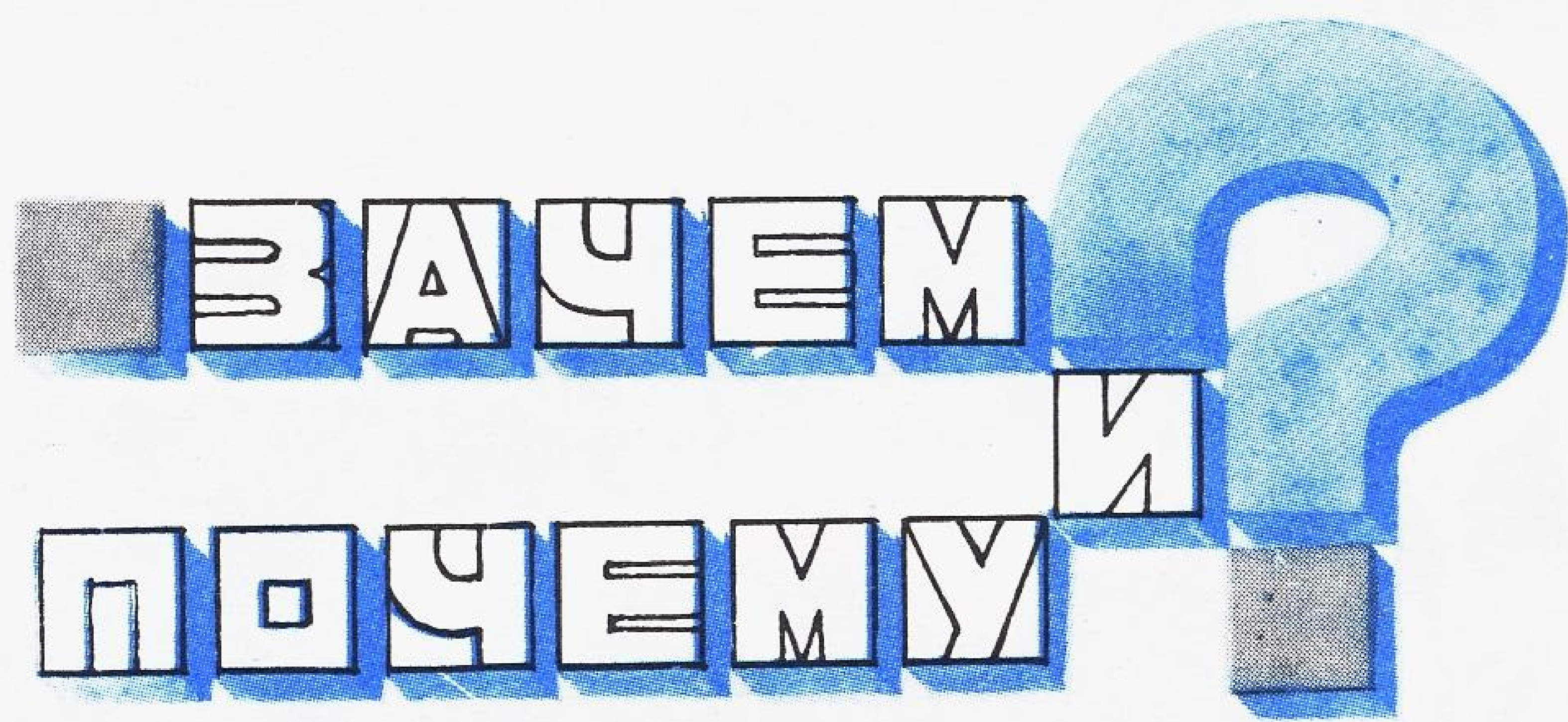
Как угадать, чтобы в самый раз? Только чутьем внутренним. В книге кулинарной этого точно не опишешь. Так что же, скажешь, родиться надо таким, с интуицией? Нет, к сожалению. Но зато сколько надо на своем веку сделать котлет и супов, сколько у плиты постоять, чтобы она, интуиция эта, пришла.

И не думай, что все это должно к тебе прийти только в будущем. Устраиваем мы конкурс молодых поваров. И первое, что проверяем, как ребята овощи умеют шинковать. Ну, самое, казалось бы, простое, что на первом курсе училища проходят. А я, поглядев на их работу, точно могу сказать, какой из кого толк получится.

Одна девочка (ростом, ну из-за стола не видно) двадцать три вида резки овощей показала! Брусочки, соломка, «копеечки», кубики, гребешки... Для супа, для салата, для гарнира, для украшения блюд... Человеку интересно то, чем он занимается. Видно, что и книг она кулинарных прочитала достаточно и поработала...

Эта девочка очень хорошо смотрела на людей. Спокойно, уверенно, доброжелательно. Так смотрят люди, которые живут, понимая, что они хорошо делают свое дело.

В конце концов, Сергей Иванович решил непременно посмотреть, как Сережа морковку шинкует. Я знаю, что он не разочаруется.

Пейзаж Марса

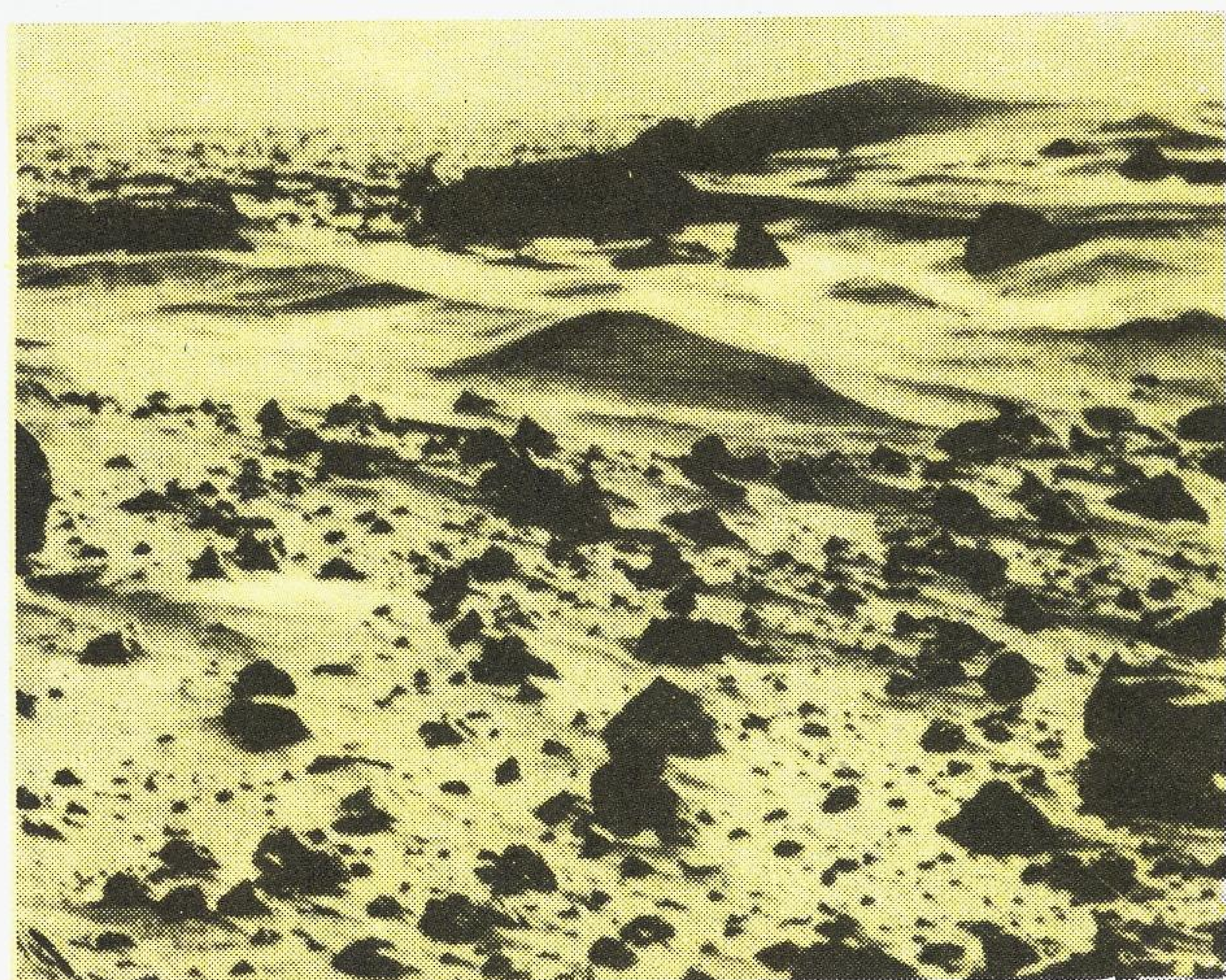
«Есть ли жизнь на Марсе?»

Ленар Гиззатуллин, 5-й класс, Татарская АССР

Посмотри, какой снимок поверхности Марса сделала космическая станция «Викинг» в 1976 году. Пейзаж Марса — это каменистые пустыни, глубокие ущелья, горы высотой до двадцати километров, кольцеобразные углубления, напоминающие лунные кратеры.

Диаметр Марса вдвое меньше диаметра Земли, и сила тяжести на нем в два с половиной раза меньше земной. А это значит, что на Марсе не могла возникнуть столь плотная атмосфера, как на Земле. Разреженная, прозрачная атмосфера Марса не способна защитить планету от переохлаждения (Марс в полтора раза дальше от Солнца, чем Земля), от космических лучей, губительных для жизни. В атмосфере Марса почти нет кислорода. Вот почему жизни на Марсе не может быть.

Б. А. МАКСИМАЧЕВ,
заместитель директора Московского планетария

Огдо АКСЕНОВА

ИГРА

В городе очень скучает Уйбачи —
Он вспоминает поселок рыбачий,
Лед океанский
И говор долганский.

Уйба́чи берет апельсинные корки,
Кладет на столе апельсинные горки,
За рыбой уходит по скатерти синей
На лодке из корочки апельсинной.
В море для каждого рыба найдется —
Омуль в сетях над волнами забьется,
Будет уха и муксун-строганина...

Горкою корки от апельсина,
Рыжая лодка по скатерти скачет,
И улыбается мальчик Уйба́чи,
Будто бы видит свой дом вдалеке
И говорит на родном языке.

...Она шла по Тверскому бульвару, по неподвижной листве московского листопада и что-то шептала. А за ее хрупкими женскими плечами увиделись мне простор дальнего Севера, снега́ и снега́, и скромная прелесть тундры весенней, и услышал я дробную оленью побежку, и вещий и грозный лепет шаманов, и свист метели, и стояли за Огдо века устной народной поэзии долган, ее земляков-соплеменников, северян, и красота, и нежность, и жестокость родной природы.

О чем шептала Огдо? Наверно, это были стихи, которые она впервые в истории долган занесла на бумагу, записала. Огдо Аксенова — первый долганский поэт, пишущий свои стихи, песни, поэмы на бумаге. Как трудно, как боязно, радостно быть первой. Какая нужна отвага, какой талант и неутомимый труд.

Я не окликнул Огдо. И она прошла мимо в глубоком раздумье. Прошла быстро, легко, почти бесшумно.

Огдо Аксенова и прежде бывала в Москве. На этот раз она приехала, чтобы посещать Высшие литературные курсы. Здесь историки, филологи, лингвисты, музыковеды, философы, исследователи литературы делятся с Огдо Аксеновой своими знаниями. А стихи, поэмы, песни диктует ей ее врожденный дар.

Александр МЕЖИРОВ.

СТАНЕШЬ МУЖЧИНОЙ

Тень колыбели скользит по стене.
Ночь охраняет твой сон голубиный.
Растешь ты, дитя мое, даже во сне.
Вырастешь — станешь мужчиной.

В землю втыкаешь оленьи рога,
Маут[1] кидаешь гибкий и длинный.
В охотника, мальчик, играешь пока.
Вырастешь — станешь мужчиной.

Ты на оленя садишься верхом,
Мчишься, как вихорь, снежной долиной.
Всех обгоняешь, парень, легко.
Вырастешь — станешь мужчиной.

Неслышен упряжки размашистый бег,
Олени рога положили на спины.
Вернешься, охотник, с добычей для всех,
В свой круг тебя примут мужчины.

---

[1] Ма́ут — аркан для ловли диких оленей.

МЛАДШИЙ

Тонет в толще топких кочек
Топоточек тонких ног.
Олененок, оленечек,
Мой клубочек-колобочек,
Мой дружочек, мой сынок.

Неумолчно днем и ночью
Кличет птичий голосок.
Олененок, оленечек,
Мой звоночек-колокольчик,
Беспокойный мой сынок.

К старшим братцам не добраться,
Не собрать их, не дождаться.
Ты со мною, ты мне нужен,
Неумелый, неуклюжий
Олененок, оленёк,
Самый маленький сынок.

ВЕСНА

Снеговое одеяло
Распахнулось, меньше стало,
Тает, тает.
И водой
Натекает след олений.
Согревает луч косой
Россыпь ягоды осенней.
Птицы ягоду клюют,
Будто клювиком куют
Синюю чернику,
Красную бруснику.
Дети ягоды берут
И от птиц не отстают.
Красит ягода черника,
Красит ягода брусника
Щеки, губы и носы им
Синим — красным,
Красным — синим.
— Эй, раскрашенные лица!
Вас боится даже птица.
А ребята отвернутся
И смеются.

Перевел с долганского
Л. ЯХНИН.

Рисунок А. БОРИСОВА

Новая слава Сибири

Мурад АДЖИЕВ,
кандидат экономических наук

Континент за Уралом

Давно мне хотелось рассказать вам, ребята, о земле, которая, как в сказке, лежит за полями, за лесами, за Уральскими горами, — о земле Сибирской.

Сибирь — край удивительный и полный чудес. Самый огромный у нас в стране. Самый богатый. Самый суровый.

На тысячу километров тянется сибирская земля. Даже с самой высокой космической станции невозможно взором охватить всю Сибирь. Вот такая она большая! Почти как две Европы!

Солнце и то не может равномерно осветить ее просторную землю: когда в Западной Сибири вечер, в Восточной — глубокая ночь.

На огромной сибирской земле в одно время встречаются зима, весна и лето.

Голосистые караваны перелетных птиц медленно и осторожно ведут за собой по сибирской земле весной весну, осенью осень. Долго ведут, ведь путь их длиной почти в четыре тысячи километров!

На юге Сибири лето уже весну сменить успеет. Ребята там купаются в прогретых заливчиках рек и озер. А на севере сибирского края в это время идет снег.

Я видел, как в Сибири растет... что бы вы думали? Виноград! И арбузы зреют. Самые настоящие, с алой мякотью, с черными косточками. Вкусные — пальчики оближешь. Ходил по зеленым лугам, среди дремучих трав, по лесам диким, что раскинулись на тысячи километров. Гигантские лиственницы, мачтовые кедры и сосны. Ели и пихты, которые вонзились пиками своих вершин в самое небо. Заросли кустарника, бурелом, болота, цветастые поляны. Вместе все они называются тайгой...

А как назвать лес в тундре, я и не знаю. Не дерево — карлик, чуть выше сапога. Идешь по такому лесу и чувствуешь себя Гулливером. За верхушку березку потрогать можешь, неосторожным движением ноги целую рощицу примять. Это тоже Сибирь! Дальше на север и таких деревьев не встретишь. Только мхи да лишайники цепляются за серые холодные камни. Но и это Сибирь!

Реки в сибирском краю самые могучие в нашей стране. Сила в них таится богатырская. В шумных водопадах, в крутых порогах яро буйствует она. Испокон веков многие сибирские реки были единственными дорогами в таежном краю. Летом по ним плывут корабли да лодки. Зимой по мощному их льду движутся караваны автомобилей.

В Сибири летняя служба реки быстро сменяется зимней. С первыми крепкими морозами голубые дороги замерзают. Сперва льдинки величиной с крупные градины покрывают водную гладь. Скопления этих льдинок зовут шугой. С каждым часом их становится все больше. Однако самое необычное в это время не на поверхности — на дне. Река замерзает... со дна. Это вечная мерзлота начинает промораживать ее. Лед белыми пушистыми комочками покрывает дно. Затонувшие деревья, коряги, валуны — все на дне становится белым и напоминает зимний лес.

Проходит день-другой, и блестящие глыбы льда всплывают на поверхность. Начинается осенний ледоход, его тоже нигде больше не встретишь...

Длинная зима опускается на землю. Тишина в тайге. Устанавливают свою власть морозы. Надо сказать, что сибирские морозы можно... видеть. Я сам много раз видел, как в пятидесятиградусный мороз на землю опускается густой туман и будто шапкой накрывает весь поселок. Тогда даже днем рядом с домом можно заблудиться. В двух шагах ничего не видно.

Зимой мороз лютует, а летом в Сибири жаркое солнце печет. Да так порой печет, что деревья и травы желтеют, сохнут. Не знаешь, куда от жары спрятаться. Сушь стоит тогда в тайге.

Морозами, болотами, даже комарами издавна славилась Сибирь. В наше время Сибирь славится другим — природными богатствами, людьми героического труда. И слава эта во много раз громче!

Все, чем богата природа

Начал я писать о сибирских сокровищах и призадумался. Как все непросто получается.

Если бы я только попытался назвать все природные богатства Сибири, получился бы длинный-предлинный список, который уместится разве что в толстой книге. Поэтому будем говорить лишь о главных ее сокровищах.

Скажу сразу — таких, как в Сибири, запасов угля, нефти, газа, леса в нашей стране больше нет. И запасов руд металлов самых разных тоже нет. Нигде нет столько древесины, плодородной земли. И рек таких длинных и полноводных не встретишь.

Почти все, чем богата природа, можно найти в Сибири. Вот почему, считают ученые, здесь лучшее место для строительства новых мощных заводов, рудников, комбинатов.

Весной 1978 года большую поездку по Сибири совершил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Леонид Ильич Брежнев. Вся страна с интересом следила за встречами Леонида Ильича с сибиряками. На этих встречах давались наказы партии, наказы народа еще лучше вести сибирское хозяйство.

А хозяйство это большое. Оно разрастается с каждым годом, с каждым днем. Взять, к примеру, Западную Сибирь. Ее карта меняется буквально на глазах.

Миллиардная тонна

Еще лет тридцать назад этот край был знаменит лишь углем гигантского Кузнецкого бассейна. Уголь этот — один из самых лучших. И его очень много.

Легендарная Магнитка на Урале да и другие уральские заводы, на которых варят чугун, сталь, работают на кузнецком угле. Вернее, на коксе, который выжигают из этого угля.

Теперь посмотри на карту, — видишь, металлургические заводы есть и в Западной Сибири. Потому что рядом с кузнецким углем отыскали железную руду. А раз налажена выплавка стали — вблизи стали подниматься новые заводы, на которых делают машины и станки. Поблизости от Кузнецкого бассейна лежат в земле руды еще и других металлов: алюминия, цинка, свинца. Вот почему здесь, близ Алтайских гор, росла, набирала силу западносибирская промышленность.

А в 1964 году мы открыли новую Западную Сибирь — не угольную и не металлургическую. Из сибирских недр стали добывать нефть и газ.

«Всего за десять лет мы превратили этот таежный край в главную нефтяную базу страны», — так сказал на XVIII съезде комсомола Леонид Ильич Брежнев.

Десять лет очень малый срок для того, чтобы изменить лицо огромного края. Представь себе, что за одну школьную четверть ты прошел программу всего учебного года. Вот такими гигантскими темпами велись работы на болотистых равнинах Западной Сибири.

Совсем недавно сибиряки рапортовали Родине: получена миллиардная тонна нефти. Это много?

Очень и очень много! На других месторождениях миллиардный рубеж нефтяники проходили только через двадцать пять и даже пятьдесят лет после начала их разработки...

К концу нынешней пятилетки каждая вторая

Рисунки А. ГРИШИНА

тонна нефти, добытая в Советском Союзе, будет сибирской!

А что нам дает нефть? Если металл — хлеб всей промышленности, то нефть — хлеб химии. Почти вся добытая нефть превращается на химических комбинатах в великое множество самых разных и необходимых вещей: в краски, горючее, резину, пластмассы. И еще многое-многое другое.

Столица западносибирской химии — Омск.

Нефтепровод

Газопровод

Железная дорога

Строящаяся железная дорога

Байкало-Амурская магистраль

Бурый уголь

Каменный уголь

Лена

Якутск

Беркакит

-Кут

Тында

магистраль

Зейская

Комсомольск-на-Амуре

Транссибирская

Бам

Гидроэлектростанции

Лесопромышленный комплекс

Граница вечной мерзлоты

Старинный Омск вновь обрел молодость. Сверхмощные нефтепроводы подвели сюда, к огромным химическим комбинатам, целые нефтяные реки. Скоро у Омска появятся братья-соседи. В Тобольске и в Томске уже поднимаются корпуса новых крупных химических комбинатов.

Сибирская нефть поступает сейчас и в европейскую часть нашей страны. Даже в Баку химические комбинаты работают на сибирской нефти.

Я много поездил по Западной Сибири. Был и в Омске, и в Тобольске, и в Томске. И больше всего мне запомнились стройки. Всюду — в каждом городе, большом и малом, в каждом новом поселке — идет строительство. Бурно кипит жизнь в этом суровом краю, где каждый километр земли приходится отвоевывать у болот и вечной мерзлоты.

Кроме богатств, которые природа укрыла под землей — угля, нефти, газа, — в Западной Сибири есть еще и огромные лесные сокровища. Есть плодородные земли, превосходные пастбища, луга. Вот почему Западная Сибирь — ее южные районы — стала уже житницей всей Сибири.

Богатырская дружина

А теперь обратим свой взор на те сибирские земли, что лежат за широким красавцем Енисеем.

Могучая эта река отделяет равнинную Западную Сибирь от гористой Восточной. Впервые побывав здесь, я был потрясен... Величественная тайга, скалистые горы, шумные водопады, бурлящие пороги. Дух захватывает, когда смотришь на эти красоты. Край нетронутый. Необжитой.

Редко увидишь из окна самолета ниточку дороги. Диковинкой кажутся одинокие, словно заплутавшиеся в тайге, маленькие поселки. Лишь на юге, у железных дорог, встречаются города и села.

Но в скором будущем, конечно же, все будет иначе. Ученые утверждают: природные кладовые Восточной Сибири на редкость богаты. Запасы угля, к примеру, и сравнить не с чем. Это даже не миллиарды, это триллионы тонн угля в Тунгусском и Ленском бассейнах-великанах. Это огромнейшие Канско-Ачинский и Таймырский бассейны. Это десятки других мелких месторождений. Мелких, конечно же, по сибирским меркам.

Правда, пока еще многие угольные гиганты «дремлют» в таежной тишине. Только канско-ачинский уголь используется в народном хозяйстве: вблизи его угольных карьеров уже построены первые тепловые электростанции. Скоро тепловых станций станет в Восточной Сибири значительно больше. И каждая новая будет превосходить по мощности предыдущие.

Имя этой будущей богатырской дружины — КАТЭК (Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс). Здесь будут добывать очень много дешевого топлива и превращать его в дешевую электрическую энергию.

Над строительством КАТЭКа шефствует Ленинский комсомол. Стройка эта ответственная. Ведь без электрической энергии, без топлива не может быть новых городов в суровой, холодной Сибири. Не может быть новых заводов, дорог, карьеров.

Электрическую энергию дают еще и гидроэлектростанции. Великие сибирские реки — Енисей, Обь, Ангара — перегорожены плотинами самых мощных в мире ГЭС.

И почти рядом с каждой крупной ГЭС — алюминиевый завод. Такая близость не случайна. Чтобы выплавить тонну алюминия, нужно затратить очень много электрической энергии. Алюминий — «крылатый» металл, без него не сделаешь самолет или ракету, даже планер. Вот почему Сибирь величают теперь еще и «родиной крылатого металла». Раньше алюминий выплавляли лишь на небольших заводиках в центральных районах нашей страны. Теперь около Иркутской, Братской, Красноярской гидроэлектростанций построены алюминиевые заводы. Рядом с ними выросли новые поселки, города.

На Енисее строится сейчас самая мощная в мире Саяно-Шушенская ГЭС и неподалеку — алюминиевый завод. В селе Шушенском когда-то отбывал сибирскую ссылку Владимир Ильич Ленин. Теперь здесь строится новый светлый город. Город с асфальтированными улицами, с красивыми многоэтажными домами, с просторными парками. И таких городов становится все больше.

Быстро преображается сибирская земля. Скоро этому поможет новая магистраль — Байкало-Амурская!

Дорога откроет путь к новым природным кладовым!

Дорога даст жизнь новым промышленным городам!

Дорога даст выход к берегам океана, чтобы гремела слава сибирская во всех странах мира!

Три вопроса о Сибири

В этом номере мы начинаем печатать рассказы о Сибири. После каждого рассказа мы будем задавать вам три вопроса и в конце года отметим наградами тех ребят, кто пришлет лучшие, **самые полные** ответы на все вопросы.

Будут отмечены и самые интересные ответы на отдельные вопросы.

Ждем ваших писем, рисунков.

Кто интереснее всех расскажет о богатствах сибирского края?

1. Какая река Сибири самая длинная и самая глубокая?

2. Где был основан первый в Сибири университет?

3. Какие нефтяные месторождения Западной Сибири ты знаешь?

На конверте напиши: «Три вопроса о Сибири. Январь».

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ В «ПИОНЕРЕ»

ПО ХРУПКОМУ НАСТУ

Владимир СЕРГИЕВИЧ

Мой дедушка Савелий Матвеевич — потомственный сибирский охотник. Его таежные приключения отмечены шрамами на теле. Как-то распарил он их в бане березовым веником, а я к нему с вопросами: «Кто это тебя, дедуль, где да как?».

О каждом его шраме целый сказ, но только дедушка говорил торопливо, должно быть, пар упустить боялся: «Все отметины, Витек, за промашки молодости. Этот рубчик в память от росомахи. Пакостливая в тайге тварь. Мало губит дичь, пушного зверька, так еще и на лапу не чиста. Прихватил я ее однажды в зимовье за кражей провизии, да вишь ты, не в меру погорячился... Этого шрама Потапыч удостоил. И поделом... Доверили мне бывалые медвежатники рогатину впервые, а я и нос задрал. К самому хозяину тайги в берлогу пожаловал, не постучавшись, не вытерев обувки. Вот и схлопотал... А губу мне рысь порвала, чтобы на всю жизнь

уяснил: пятнистый снаружи зверь изнутри зол».

Из дедушкиной таежной науки я крепче всего запомнил рысий наказ, который понимал так: не все красивое в радость. Охотники рысь не уважают пуще росомахи. Где ее много, там беда и боровой дичи, и пушному зверьку, и даже молодым копытным. От нее нет спасения ни на земле, ни на деревьях. И на снегу она, что лыжник — лапы широченные. Вредная, словом, кошка, а вот обликом хороша: гибкая, в ногах рослая, шубка нарядная — загляденье! Каждый раз, когда дедушка в затруднении каком гладит на губе шрам, в моей голове одно: прикидывает — нет ли в красивом снаружи деле зла изнутри.

Дедушке сподручны и ружье, и капкан, и рогатина. Дубленому таежными промашками, ему в трудностях смекалки не занимать. Да вот сегодня на охоте в моей беде руки на удивление развел. Не поскребши затылка, не почесавши на губе шрама, строго мне:

— Думай, паря, сам, как быть, коли угораздило тебя лыжу хрустнуть. Аккурат время по косачу палить, а нам теперь ни в Магенов лог, ни домой — снега-то по самый пупок.

Я стою, потупившись, на колодине, предательски замаскированной снегом, и ни одной спасительной мысли в голове. А дедушка подхлестывает:

— Промашку в мешок, да за него скок! Негоже красногрудому на чужом разуме выезжать.

Тут я будто из-за того мешка выскочил.

— Наст же... Я и на одной лыже!..

Дедушка окинул хмурое мартовское небо, втянул пахучий, как огурцы с грядки, воздух, подошел к сосне, сдвинул набекрень шапку и прильнул ухом к голенастому стволу.

— Наст, говоришь... На одной лыже... А не скачет ли твой язык наперед ума? Сосна про другое клохчет, — нахмурил он в тревоге брови. — Ну, а куда тронемся: к бабушке или к тетеревам?

— К тетеревам! — решительно отвечаю я и уверенно делаю пробные шаги по насту.

— Ишь ты, настырный...

Дедушка минуту стоит в раздумье, поглаживая шрам на губе. Это он сверяет мою настырность с рысьим наказом. Лицо его вдруг просветлело.

— К тетеревам, так к тетеревам...

Тут я замечаю в складках дедушкиных морщин у глаз какую-то задумку.

Тронулись... Дедушка шагает впереди на своих широченных лыжах, подбитых снизу оленьей шкурой. На подъемах шерсть у таких лыж дыбится и попятного хода им нет. Палки при них охотнику ни к чему, только помеха.

Дедушку хлебом не корми, а дай с тайгой побеседовать. Он даже умудряется спорить с птицей или зверем, которых рядом вовсе и нет. Поднимет, например, перо, повертит в руках и начнет: «Как же это ты, ястребок, самое рулевое обронил?.. Линялое, говоришь? Где ж линялое, корень-то здоров. Аль в стеснении признаться, что зайчишка в обороне зацепил?..»

Дедушкину манеру общения с тайгой бабушка толковала так: «В лесу люди лесеют, а в людях — людеют».

Ходить с дедушкой для меня одно удовольствие. Тайгу он читает, как большую книгу с картинками. Вот и сейчас дедушка читает, а я стараюсь идти вровень, чтобы не пропустить ни слова, да моя безлыжая нога то и дело увязает в снегу. Уже полдень, и наст разморило. Только теперь я убедился, что мой язык наперед ума скакнул.

— Дедуль! — кричу, утираясь шапкой. — Подожди!

— Чего тебе? — равнодушно оглядывается он, будто не зная, «чего» стоит мне эта дорога.

— А если я на твою лыжу встану?

— На трех лыжах вдвоем? — гладит шрам на губе дедушка. — Это, пожалуй, умнее. Догадаешься, коли проголодаешься. Эвон как наколдобил... Становись, да на кручах покрепче меня за патронташ...

Я вздохнул... Держусь за патронташ, думаю: «Вот оказия — чтобы догадаться, обязательно надо проголодаться, а то и шрам схлопотать...»

Зимняя одежка леса изрядно поизносилась. Хотя март в наших краях не больно к теплу прыткий, а попортил и кружева кустарников и песцовые шубы деревьев. Дятлу, знать, это в радость: эко барабанит где-то совсем рядом! Дедушка остановился, смотрит, щурясь, на сухой, как бивень, сук, на котором усердствует дятел. Он так лихорадочно колотит, что думаешь: вот-вот с его головы красная ермолка свалится к нашим ногам.

— Личинку учуял, — замечаю я.

Дедушка поправляет:

— Весна в нем кузнечит. В таких сучьях червь не водится, а для бубна они самый раз. Вот дятел и извещает округу: «Место занято, буду жениться и строиться».

У колка дедушка на что-то наехал, отрыл мослак, осмотрел его со всех сторон, говорит:

— Была коза — серые глаза, да вишь, что волки от нее оставили. Для копытного наст что западня, а для серого разбойника — столбовая дорога.

«Лесеющий» в лесу дедушка еще и поет. Прошмыгнула белка — о ней поет, увидит чей-нибудь след — и его в песню, налетит ветерок — и про него поет на один и тот же мотив. Песни его бесконечные, как и тайга. Слов я разобрать почти не могу, и мне становится скучно. Наконец-то дедушка заметил клочок пуха на кусте шиповника и замолк. Снял пух, повертел в руках, заговорил:

— Огневочка от погони уходила.

Чтобы дедушка снова не запел, я ему будто на больную мозоль:

— Хе, от погони... Здесь, что ли, написано?

— Оно вроде бы и написано, — невозмутимо отвечает он и еще раз осматривает сплошные заросли шиповника, словно отыскивая записи. — Лиса, Витек, внапраслину шерстку свою кустам чесать не дозволит. Она лучше обойдет их за версту. А тут ее от страха смекалка напрям-

ки гнала. Огневочка семерых собак проведет. Сунься-ка, борзая, в этакие колючки! Нюхало повредит, и все тут. А в обход бросится — лисоньки и след простынет.

Мы уже вышли на вырубки, а дедушкина «мозоль» в мое удовольствие не дает ему покоя.

— На всем, паря, печать своя, обо всем на свете, мил-человек, пишется. Вот хошь эти пеньки... Смахни-ка с них папахи... сколько записей на срезах! И счет годам есть, и неурожайные лета отмечены, и про морозные зимы сказано. Даже про лесорубов: мастак топорил или простак. Так-то вот, снегирек...

Это прозвище мне льстит. Дедушка говорит, что снегири артельны и красногруды, как пионерия.

— Дедуль, а куда это мы направились? Магенов-то лог правее.

— Верно, правее. Только сосна к жилью мне дорогу пожелала левее. Узрел, давеча я с ней совет держал? Сосна издали непогоду видит. А к чему нам с тобой на трех лыжах буран дразнить? Минуем вырубки, а там рукой подать до лесосеки, где сторожка дяди Семена. Почаевничаем у него вприкусочку, переждем непогоду да и в обратный путь.

— А как же охота?

— Будет погода — будет и охота.

Вышли на дорогу, до блеска укатанную шинами. Я лыжу долой, легко — ног не чувствую. А дедушке гладкая дорога словно в тягость: шаркает лыжами по обочине.

Дедушка не высок, но кряжист. В бушлате, ватных брюках и валенках он похож на медведя-шатуна. И ходит-то вразвалку. Мешковат, а мне по душе. Я расту, когда деревенские в мою сторону кивают: «Две капли воды — Савелий».

Дорога поплутала между мачтовых сосен и вывела нас к поляне. На опушке не то снежный холм, не то избушка. Только столбик дыма выдает жилье. За избушкой словно кто гнался, и она, увязнув в сугробах, прижалась в страхе к ельнику. Единственным оконцем она опасливо смотрит на стоящий перед ней тягач, груженный лесом.

К нам с громким лаем бросилась белая, как снег, собака.

— Пальма! Своих не узнаешь? Ай-яй-яй... — пристыдил ее дедушка.

Пальма опустила голову, завиляла хвостом.

«Пальма... В тайге, а кличка из джунглей, — размышляю я. — Почему не Елка или Пихта? Впрочем, догадываюсь: в наших местах елка и пихта с языка не сходят, вот бы и вертелась невпопад собака».

По знаку Пальмы на крыльцо вышел длинный, как рогатина, дядя Семен. На нем полушубок и шапка, наброшенные второпях. Уши на шапке, как и у Пальмы, одно повисло, другое — торчком. Дядя Семен щурится, бородку пощипывает. В догадке, знать: «Кого, мол, бог послал?»

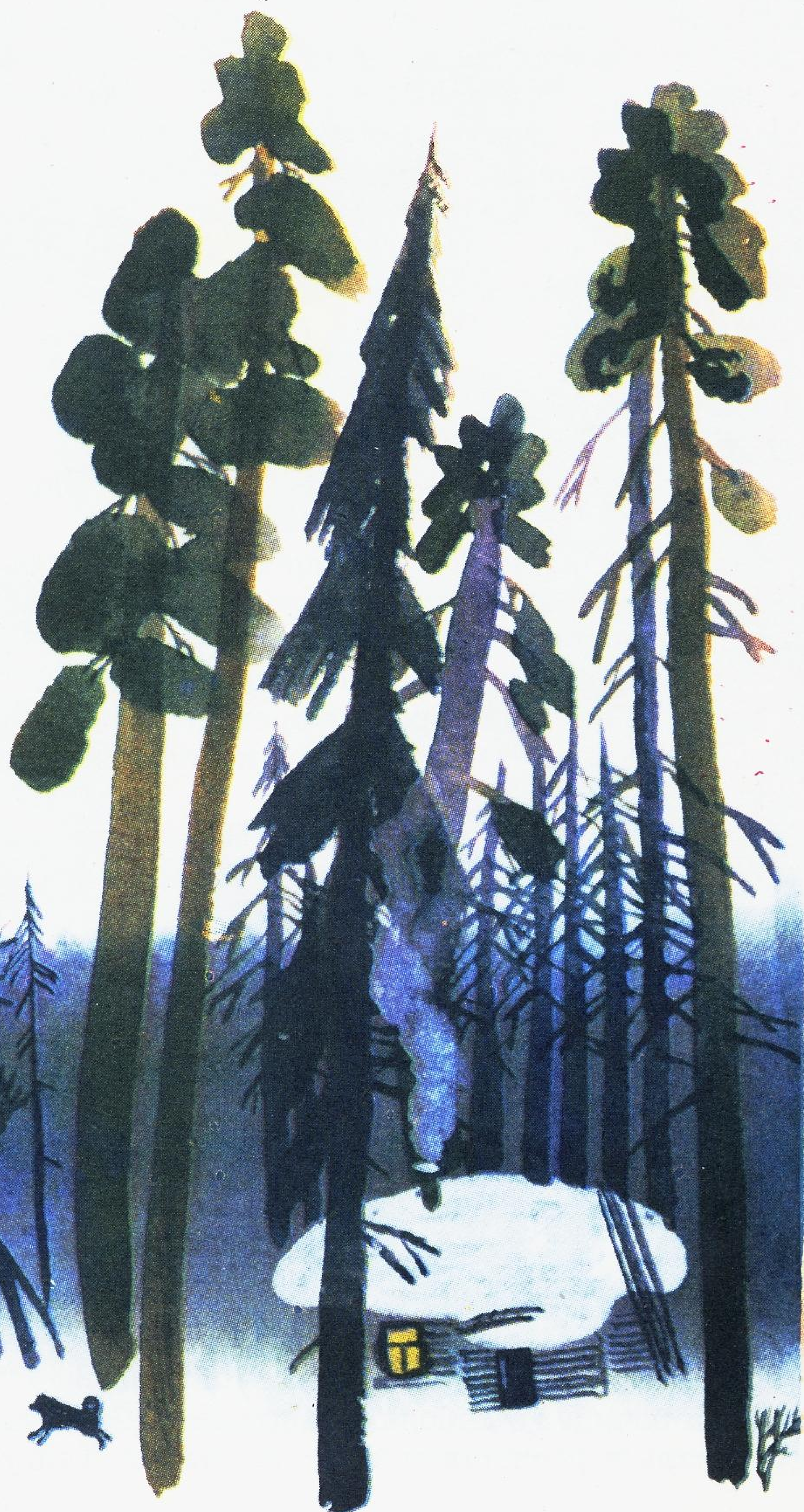
Вот он просиял, точно месяц из-за облака, затрусил по ступенькам.

— Какими судьбами, кум?!

— Авария, сват.

«Кум, сват...» Я не знаю, что еще роднило двух охотников, кроме тайги, а только на душе у меня от их кумовства празднично.

На опушке не то снежный холм, не то избушка.
Только столбик дыма выдает жилье.

На крыльце появился коренастый парень в замасленной телогрейке. Это дядя Гена. У него во всю щеку румянец, должно быть, чаевничал. Ко мне дядя Гена этак по-шоферски:

— Что, сосед, камеру продырявил?

Я ему на тот же манер:

— Считай, полностью скат полетел.

— Как же ты теперь на ободах?

— На первой скорости дотянем.

— Предлагаю на буксир. Полезай в кабину.

Тут вмешался дядя Семен. Кума упустить боится.

— Ты, Геннадий, поспешай. Мои барометры, — потрогал он колени и прогнулся в пояснице, — с утра буран ворожат. Как бы самого трактором вызволять не пришлось.

Дядя Гена сел за баранку. К кабине подошел дедушка.

— Ты вот что, Геннадий... Передай старухе, чтобы нас не ждала сегодня. Мы с Витьком ловушки на тетеревов расставили, проверить спозаранку надо.

И опять на дедушкином лице проступила непонятная мне задумка.

Дядя Гена дал прощальный гудок и скрылся за частоколом рыжих сосен.

Зашли в избушку. Жаром дышит печь, маршируют ходики, отсчитывает капли умывальник, с потолка парашютирует на абажуре керосиновая лампа, стеречь огонь в лесу требует плакат. В избушке стол, табуретки, шкаф, топчан и двухъярусные нары. Все нехитрое, топорной работы, но с гарантией прочности на века. Я разделся, сел за стол, смотрю в окно на посеревшую вдруг тайгу, а в голове дедушкина загадка о ловушках. Спросить бы его — и дело с концом, но я не решаюсь. «Негоже, — скажет, — на чужом разуме выезжать».

Тут дядя Семен ко мне:

— Ты, Витюха, не грусти. Накось, позабавься.

И высыпал на стол пригоршню кедровых орехов. Сам сел напротив и в умилении открыл рот, который давно свое отщелкал.

— Отменное таежное лакомство, — улыбается дядя Семен. — Кедровый орех, почитай, все звери уважают, даже этакие мясолюбы, как волк, лиса, колонок...

Дядя Семен вышел за дверь. Вскоре он вернулся с полной кастрюлей снега, поставил его на плиту, подбросил в печь дров.

— Буран-то за вами по пятам гнался, — сказал дядя Семен, с кряхтением прогибаясь в спине.

А тугие струи ветра уже швыряли в стекла мокрые хлопья снега, ломились в сенную дверь, проверяли надежность дымохода.

— А ты, сват, не промышляешь, случа́й? — кивнул дедушка на централку дяди Семена, которая висела у дверей в готовности.

— Куда там, — поморщился сват и присел на табурет. — Если по мелочи когда. Мне ведь, кум, под семьдесят... Опять же «барометры»... Сидя на овчине, о соболях не думают. Да и какой теперь в здешних местах промысел! Тайгу-то леспромхозы потеснили. Вглубь зверь подался, да и для птицы той воли не стало.

Дядя Семен опять исчез за дверью и вернулся с корзиной, которая была повязана сверху тряпицей. У порога он выпрямился во весь рост, чуть не касаясь потолка, посмотрел на меня торжественно.

— Тебе, Витюха, наши байки, знать, наскучили, — сказал он, подсаживаясь ко мне и ставя корзину на свои колени. — Займи себя отгадкой: что в этом лукошке?

Я пожал плечами.

— А ты не торопись, я прежде загадку дам в намек: «Бежали белые овечки по калинову мосту, увидели огонь — кинулись в воду». Ну, что это?

Я молчу. Дядя Семен повторил загадку, а для ясности показал на плиту, где бушевал огонь, и на кастрюлю, в которой бурлила вода. Тут я догадался.

— Пельмени!

— Молодец! — засмеялся дядя Семен и стал бросать «белых овечек» в кастрюлю.

— Самая что ни на есть наша охотничья провизия, — заметил дедушка. — Нагрузишься этакими голышками в морозец — и айда в тайгу на зимовье. За спиной тебе и хлебушек, и мясцо, и супец. А готовка — миг. Был бы снег да хворост под руками. Славное изобретение.

«Овечки-утопленницы» всплыли, и мы выловили их в миски.

Обжигая рот любимой провизией, дедушка на языке держит хворую тему.

— Это ты, сват, о тайге в точку — потеснили. Будто вчера глухаря с крыльца стрелял, а нонче пойди отыщи его.

— Чего глухаря, — перестал жевать дядя Семен, — я медведя у поскотины аккурат после войны уздечкой одолел.

У видавшего виды дедушки шрам на губе выступил.

— Зауздал, что ли?

— Зашиб! Аль в сомнении?

— Ну это ты, сват, лишку... Витюхе заливай... Эвон как он рот распахнул, пельмень вложить забыл.

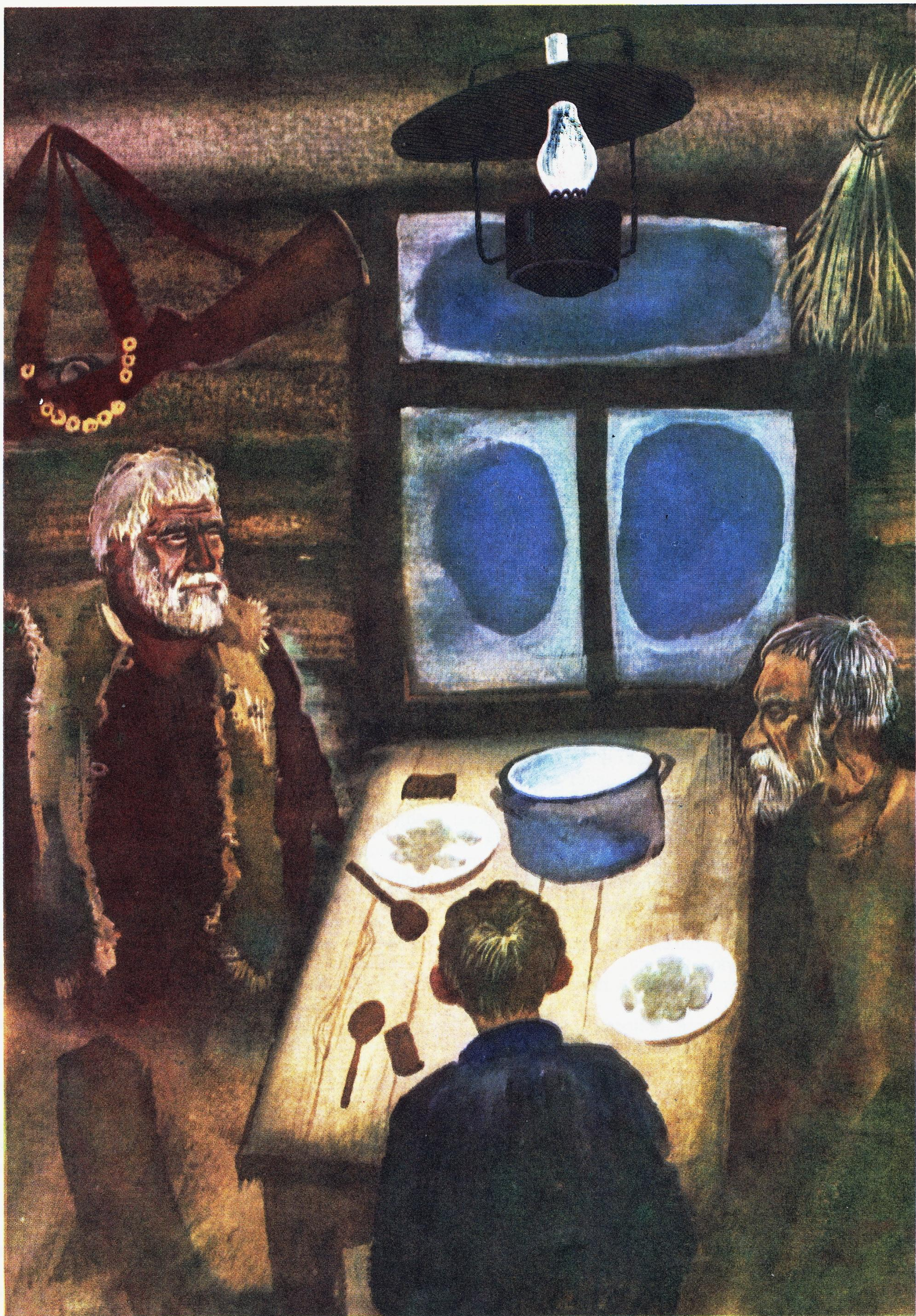
Кум и сват поперхнулись в смехе, а я застыл в смущении. Однако увидел себя в зеркальце на подоконнике и тоже прыснул.

Смех еще больше усомнил дедушку в подвиге дяди Семена, и тот, истратив убедительные доказательства, поклялся:

— Чтобы мне, кум, бурана не пережить, если вру!

Не то страшная клятва на дедушку подействовала, не то кумовская снисходительность, только шрам на его губе скрылся в щетине усов. Дядя Семен воспрял.

— В покос дело было. Сено лесхозовское собирались зародить... Пошел я на зорьке за кобылой. Она за околицей паслась. Туда-сюда, не слышно бо́тала. «Что за черт, куда скотина запропастилась?» Вдруг из лощины: «Дрынь, дрынь». Прикидываю: «Вёдро, даже на осинах листочки присмирели, откуда древесному зву-

Или страшная клятва на дедушку подействовала, или кумовская снисходительность, только шрам на его губе скрылся в щетине усов.

ку?» Я, значит, на звук. Вижу — медведь! «Эвон кто мою кобылу пугнул». Медведишко-то малый, муравьятник. Сам черный, а на шее белесовый ошейничек. Оседлал он поломанную в комле березку и, забыв опаску, расщепиной дрынкает. Оттянет ее — отпустит, оттянет — отпустит. Молодой, шаловливый... «Что делать?» Со мной всего оружия — уздечка. «Рискну!» Подкрался я к балалаечнику да как вдоль спины его врежу! Кувыркнулся он, и все тут — дух вон.

Дядя Семен пытает нас блестящими глазками: каков, мол, я герой?

— Рисковал! — качает головой дедушка. — Муравьятник хошь и мал, да больно сердит.

— Будто не знавши, — петухом выгнулся дядя Семен. — Слабость у него есть — на испуг дюже податлив, сердчишко не выдерживает.

— Зачем вы его так? — насупился я.

— А чтобы наших женщин в малинниках не пугал, — улыбаясь, гладит меня по голове дядя Семен.

— А шрамы у вас за промашки есть? — интересуюсь я.

— Обошлось, — косится на дедушку дядя Семен.

Час поздний, вставать завтра спозаранку, и меня отправляют спать на верхние нары. А ветер с избушкой точно в рукопашной — стон, свист, вой! Приятно слушать в безопасности, как беснуется и плачет в бессильной злобе вьюга. Мне уютно, сытно и тепло. В этом беспечном блаженстве я точно растворился...

Разбудил меня дедушка.

— Вставай, Витек, пора...

Горит лампа, в сковородке на плите шипит картошка, бубнит чайник. За окном тихо, только с лаем носится Пальма да каркает ворона.

Я выскочил из избушки. Пальма с вороной точно играют в палочку-выручалочку: у Пальмы в корыте кость, и ворона обманом пытается ею завладеть. Небо синее, в звездах, выцветших на востоке. От бурана крутогорбые наносы на дороге. У сеней приготовленные для меня лыжи дяди Семена.

— Б-р-р-р.., — затрясся я, вернувшись в жарко натопленную избушку.

Дядя Семен ткнул меня в переносицу пальцем.

— И марток садится на носок.

Дедушке мороз не то по душе, не то в заботу.

— Да, наст хошь на коне скачи, — говорит он, почесывая шрам на губе, и подсаживается к столу.

Мы позавтракали, простились с гостеприимным хозяином и пошли. Когда пересекли вырубки, дедушка спросил:

— Ты вчерашнюю дорогу не запамятовал?

— На кой она нам. Мы же к Магенову логу теперь...

— Ловушки, Витек, проверить надо, — загадочно улыбается дедушка, успев поцеловаться с инеем.

— Выдумываешь...

— Ничуть.. Ты ж их расставил, хошь и без умысла. Пропадет дичь... Веди-ка меня прежней дорогой, а я погляжу, есть ли у тебя компас в голове.

Делать нечего... Теперь впереди иду я.

Зимнюю одежку леса буран порядком обновил. От вчерашнего следа и помина нет. Какой там компас... Опозорюсь! На радость знакомая лиственница! В комле три обхвата, высотой — шапка сваливается. Увидел я ее вчера и дедушке: «Вот кто издали-то непогоду видит!» А он: «В дремоте она в эту пору».

Зима словно прощальный бал-маскарад затеяла, и лес ночь не спал, прихорашивался. Все будто постирано, накрахмалено, отутюжено. Обновлены маски. Однако леспромхозовского пожарника дядю Костю я узнал сразу.

— Почтение стражу лесов! — кричу громадному человеку в робе, каске, со шлангом в руках и белой пеной вокруг.

Надо ж так зиме скопировать усатого пожарника из разбитой молнией ели! Ловлю себя на мысли, что начинаю «лесеть», подобно дедушке. Вот уже мне потребно говорить и даже спорить со вчерашним знакомым — камчатским крабом. А это лишь выворотень, корни его, словно клешни, застывшие на морозе.

Дедушка поет. А с моего языка в морозный воздух гулко срываются стихи:

Чародейкою Зимою
Околдован, лес стоит...

Лесу по нраву стихи, и он вторит мне...

Да вот с речью не в ладах: окончание слов произносит зычно, а начало глотает.

Сегодня лес со мною приветлив и встречает как давнего друга. Красными глазками редких прошлогодних плодов ласково смотрит шиповник, через который огневочка от погони уходила, раскланивается с легким шумом колок, где волки козу настигли...

— Теперь, внучок мой, будь еще зрячее, — предупреждает дедушка. — Неподалеку твои ловушки.

«Вот загадал мне кроссворд», — думаю я, сгорая от любопытства.

Идем по редколесью, которое вчера я исколдобил безлыжей ногой. На ватмане снега замечаю пунктир черных точек. С нашим приближением точки ожили, заколыхались, затрепетали, как язычки черного пламени. Я опешил...

— Шагай, шагай, — спокойно говорит дедушка. — Это и есть твои ловушки. Аль не признаешь? Сработали...

Мы подошли к ним вплотную. Из-под снега, скованного настом, торчали на вытянутых шеях головы косачей и тетерок. Птицы бились под настом, всеми силами пытались освободиться от снежного плена, но ледяной панцирь был прочен.

— Дедуль, да здесь же целая стая! — пришел я в себя.

— Считай за каждый твой след по тетереву плачено.

— Вот это добыча! Знаешь, дедуль, мне сочинение писать: «Как я провел весенние канику-

лы». Про охоту расскажу — ребята позеленеют!

Во мне клокотала охотничья страсть, но чем больше я торжествовал, тем все мрачнее становился дедушка. Он снял рукавицу, почесал на губе шрам. Я затих. «Не уподобился ли, — думаю, — той рыси: красивой снаружи да злой изнутри?»

Дедушка сел на пень, не смахнув с него папахи. Я опустился перед ним на корточки.

— Зима, внучек, для тетеревов одна ночь, — сказал он, причмокивая. — С провизией туго, опаска на каждом шагу, мороз на лету бьет... Застиг вчера их буран, куда деваться? В снегу бы укрыться, да наст не пробить. Хошь плачь... Другое дело в пушистый сугроб нырять: можно с дерева, можно прямо с лета — бух, крылышками поработал, и приют готов. А вчера? Спасибо ты им лунок понаделал. Приютились они в колдобинах, буран снежным тулупчиком накрыл — как у бабушки на печке! Да тут мороз. Птицам бы в тот же миг в снегу лазы проделать, а они на солнышко понадеялись, отдушинами удовлетворились. Вот и сидят теперь на ледяной цепи. Растяпы... Тетери, словом...

— Дедуль, — встрял я, — значит, ты Лену за растяпство тетерей прозвал?

— Тетерушкой, — поправил дедушка. — Твоя сестричка еще несмышленыш. Подрастет, может, лисичкой станет.

Дедушка поднялся, встал и я.

— Так-то вот, снегирек, — вздохнул он. — Сейчас ты птицам за растяпство головы покрутишь да еще в сочинении распишешь, как твое несчастье счастьем обернулось. А тетеревам — наоборот...

Птицы, казалось, согласно кивали головами, словно были готовы принять смерть из моих рук за растяпство. Мне стало жалко их до слез.

— Так что же мы с ними делать-то будем, дедуль? — спросил я дрожащим голосом.

— Твои ловушки, ты и решай. Если за думкой не поспеваешь — к сердечку обратись: солнышка в нем больше или стужи.

Я сбросил лыжи, схватил палку и давай обкалывать вокруг тетерок и косачей наст.

— Ты не очень ретиво, — предупредил дедушка, — повредишь...

И он пошел осмотреть всю стаю.

Я усердно освобождал от снежного плена одну птицу за другой. Они свечой взлетали, обдавали меня хрустальными брызгами, громко аплодировали онемевшими крыльями. У последних трех лунок замер... Они были окровавлены!

— Куница нас опередила, — поясняет дедушка. — Одну птицу на завтрак унесла, а двух впрок оставила.

— Как она всю стаю впрок не передушила!

— Зверь хозяйствовать умеет. Он лишку не берет. У зверя в наследственности забота о потомках.

Дедушка обколол наст, вытащил тетеревов.

— Косача тебе, а тетеру мне. Куница в обиде не будет. Нам тоже за труды полагается...

— Дедуль, а если бы не куница, мы что, так бы и вернулись с пустыми руками?

— Может, и с пустыми. Лежачего не бьют.

— Тогда зачем было идти к этим ловушкам?

— Птиц освободить.

— Солнце бы их освободило.

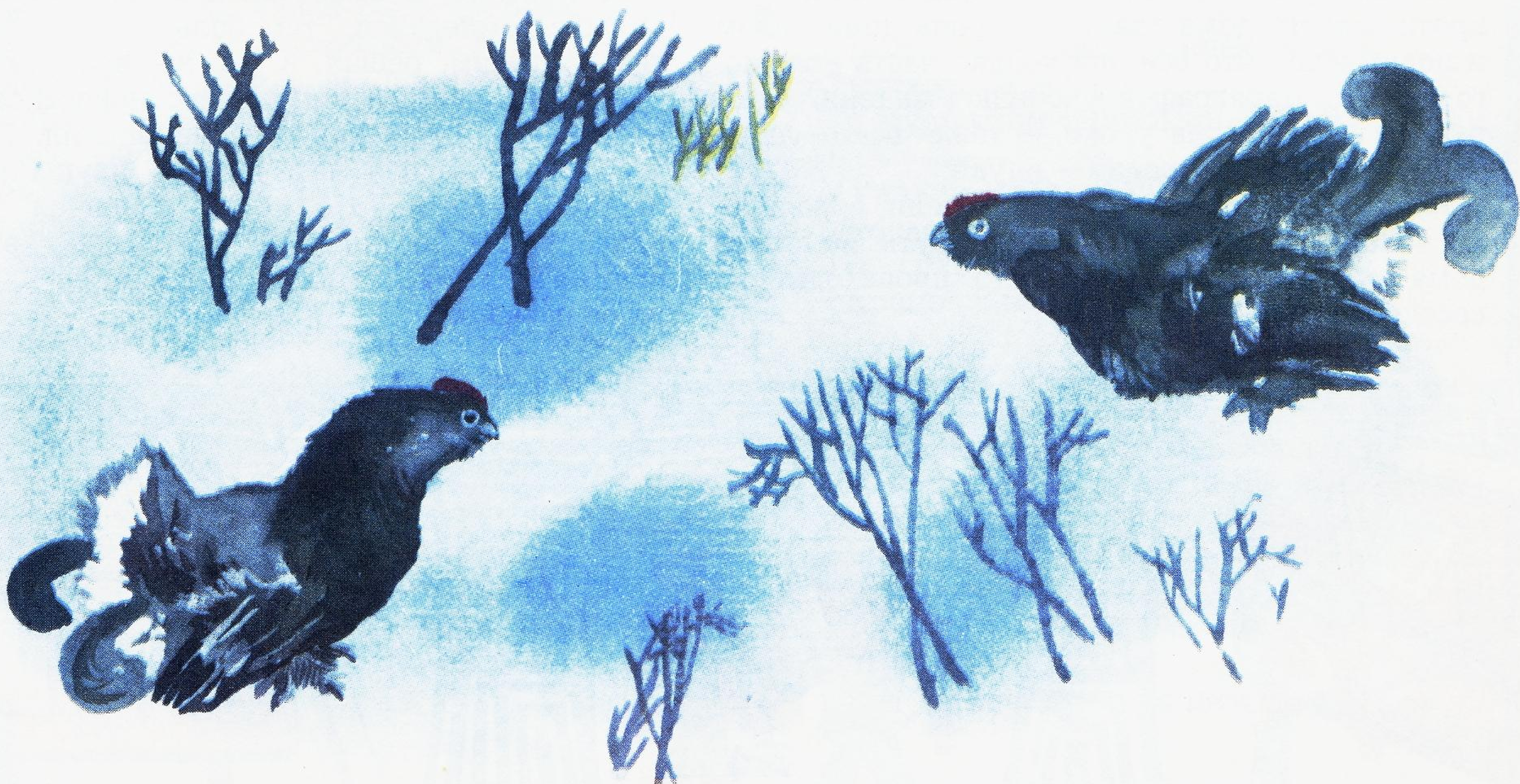
— Не всегда, мил-человек, солнышку по силам враз мороз одолеть. Оттепели не предвидится. Погибла бы стая. А ты ее сохранил. Мало того — приплод сберег... Поднатужь-ка свою арифметику: сколько птиц жизнью тебе обязаны? Не было бы их — поубивалось бы и куниц, и лисиц, и другого, охочего до боровой дичи пушного зверька. Тут своя круговерть.

Дедушка пошел и запел. Я по-прежнему не разбирал слов, но теперь твердо знал, о чем он поет... О добре.

Дедушка вдруг остановился, обнажил в улыбке шрам.

— А ты, Витек, в сочинении про нашу охоту расскажи. Пусть ребята знают. Теперь она у нас правильная получилась.

И он снова запел. Запел и я.

Рисунки Ю. РОДИНА

КАК УЧИТЬ СЕБЯ?

И. М. ЛИФШИЦ,
академик, лауреат Ленинской премии

Автор этой беседы Илья Михайлович Лифшиц в 19 лет опубликовал свои первые научные работы, кандидатскую диссертацию защитил в 21 год, докторскую в 24 года, членом-корреспондентом Академии наук Украинской ССР стал в 30 лет.

Как он учился?

И вообще, как правильно учиться?

Как добиваться желаемых результатов в работе?

Все эти вопросы мы задали Илье Михайловичу. Вот что он советует.

Скажу сразу, что давать какие-то конкретные советы, когда речь заходит о **самообразовании**, трудно. Самообразование — **САМО, САМ** — вещь глубоко индивидуальная. А способности у всех разные: бывает, человек сидит часами над книгой и ему кажется, что он никогда не поймет написанного, — не надо отчаиваться. Есть люди, которые воспринимают медленно, но глубоко. А бывает, что человек «на лету» все схватывает, но постигает все поверхностно и очень быстро забывает. Невозможно всем дать одинаковые советы. Так что я просто поделюсь с вами своими мыслями, быть может, они кому-нибудь и помогут.

Мне всегда не хватало тех знаний, которые мне давали, хотелось что-то еще брать самому. Кстати, глагол «учиться» — возвратный. Учиться — учить себя.

Ты смотришь в окно — видишь стоящее напротив твоего дома здание, видишь дома рядом и понимаешь, что все они только часть большого города. Параграф в учебнике, знания, которые ты получил на уроке, — тоже всего лишь часть большого «города» — науки.

И, конечно, было бы странно, если б молодому человеку не захотелось выглянуть из своего дома и полюбопытствовать, что происходит на соседней улице.

Давай говорить честно: ведь очень часто ты учишь параграф не ради знаний, а ради оценки. Учишь от первого абзаца до последней точки. Не заглядывая за эту последнюю точку и не вспоминая, что было перед первым абзацем. Мне кажется, это неверно.

Давай возьмем твой учебник физики для 6-го класса. Вначале, как всегда, несколько вводных абзацев, а потом «Строение вещества: молекулы, атомы...». Подумай, почему именно с этого начинается изучение физики? Посмотри на эту тему как на первую не в твоем учебнике, а вообще во всей науке физике. Что лежит в начале изучения любого предмета? Его строение. Даже когда ты был маленьким и тебе дарили игрушку, то, наигравшись, хотелось разобрать ее, посмотреть, что там внутри.

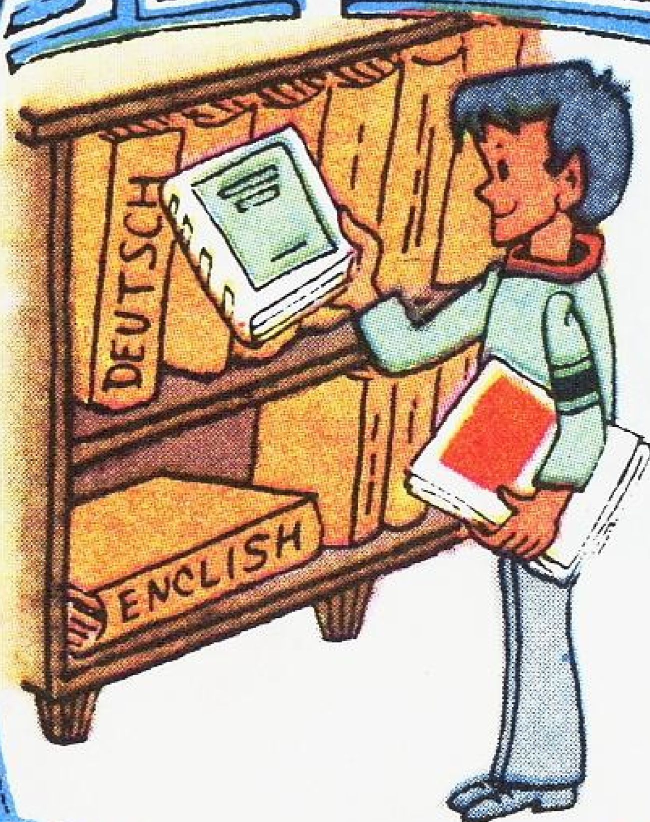
Параграф в учебнике — это не только окно в школьный курс физики, а окно в мир большой и интересной науки.

Надо смелее выходить за порог дома-школы и смело искать свой путь, свою дорогу в большой жизни. Тут главный проводник и помощник — книга.

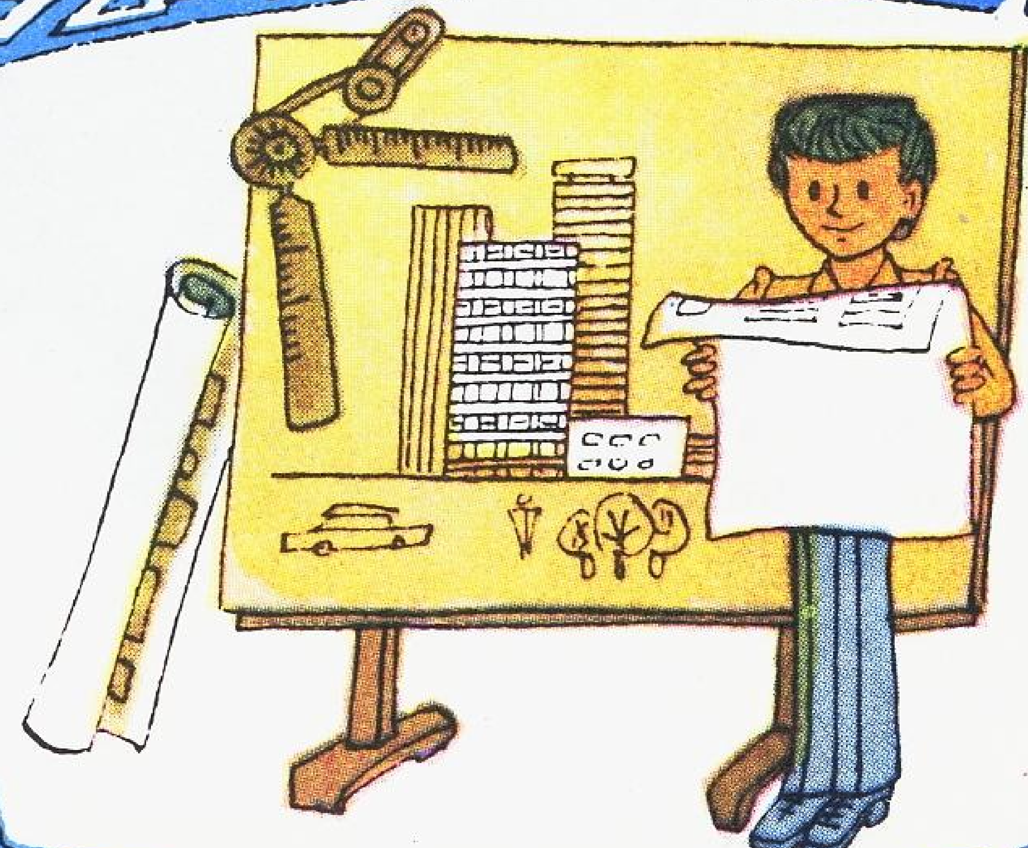
Не страшно, если что-то в прочитанных книгах покажется тебе скучным и неинтересным. Знать, что неинтересно, — тоже очень важно. Неинтересные книги — компас к интересным. Надо искать дальше. Обязательно искать.

В четырнадцать лет мне казалось, что я должен стать математиком, физиком. Или музыкантом. Конечно, я сомневался в выборе. Но чем больше сомневался, тем больше занимался и тем и другим, решая, в чем же мое призвание.

Математикой я занимался в основном самостоятельно — читал книги и размышлял. Поначалу слова «высшая математика» внушали «священный трепет». Но когда я прочел первые книги, понял, не такая уж она сложная, эта высшая математика. Страшна в ней не суть, а только ее название.

В четырнадцать лет я уже умел дифференцировать и интегрировать. Это тоже оказалось вовсе не сложно, а напротив — очень интересно. Но, пожалуй, даже интереснее было решать задачи, которые сейчас называют олимпиадными или конкурсными.

Представь себе: ты выходишь во двор, и твой друг, вместо того чтобы звать тебя играть в футбол — что, конечно же, тоже вполне прекрасно, — зовет тебя вместе искать решение какой-то сложной задачи или увлекательно рассказывает о неизвестных тебе фактах в области, скажем, молекулярной биологии.

Обмен информацией, мнениями и, главное, атмосфера заинтересованности в любимом деле нужны каждому человеку, чтобы расти. Среди моих друзей была такая атмосфера, и она мне очень помогла.

Именно эта атмосфера рождает дух соревнования, соперничества в лучшем смысле этого слова. И это тоже, на мой взгляд, помогает движению вперед.

И еще очень полезен взрослый человек, который помог бы уверенно идти по избранному пути советом и знаниями. Конечно, самообразованием можно и нужно заниматься самому. Но все-таки очень важно, чтоб было к кому обратиться за советом, спросить о непонятном. Таким человеком может стать твой учитель, руководитель кружка во Дворце пионеров, а может, специалистом в твоей области окажется сосед по лестничной площадке...

Пользуясь собственным опытом, хочу сказать: как бы ты ни был увлечен чем-то одним, заниматься только этим, не замечая ничего вокруг, скучно и глупо. Я уже говорил, что в детстве любил музыку, много ею занимался. Но музыка отнюдь не мешала, а может быть, даже помогала другим занятиям.

Не представляю себе современного культурного человека, который не знал бы литературы. Литература во все времена помогала человеку шире взглянуть на мир, определить для себя законы морали и нравственности, учила понимать и чувствовать, учила быть честным, порядочным, добрым, трудолюбивым. И еще — вне зависимости от будущей профессии нужно уметь правильно говорить по-русски. А это умеют не все. Очень часто человек знает, что хочет сказать, но просто не умеет это выразить. Гуманитарные предметы, и в особенности литература, как раз и учат говорить правильно и красиво.

В молодости у меня не было желания заниматься спортом, и времени на него поэтому тоже не хватало. И сейчас я об этом жалею.

Чем шире интересы человека, тем интересней он мыслит, тем больше сумеет он увидеть и открыть в своей области. Тем радостней общение с ним.

Очень советую: не ограничивайтесь только теми знаниями, которые вам дают! Берите их сами! Ищите! Делайте свою жизнь настоящей и интересной!

Равиль БУХАРАЕВ

Кормушка

Медленно-медленно
падает снег.
Тихо по снегу
идет человек.

В шапке и шубке своей меховой
красные санки везет за собой.
В санках желтеет кормушка для птиц,
для корольков,
снегирей
и синиц.

Падает,
падает,
падает снег...
Доброй дороги тебе,
человек!

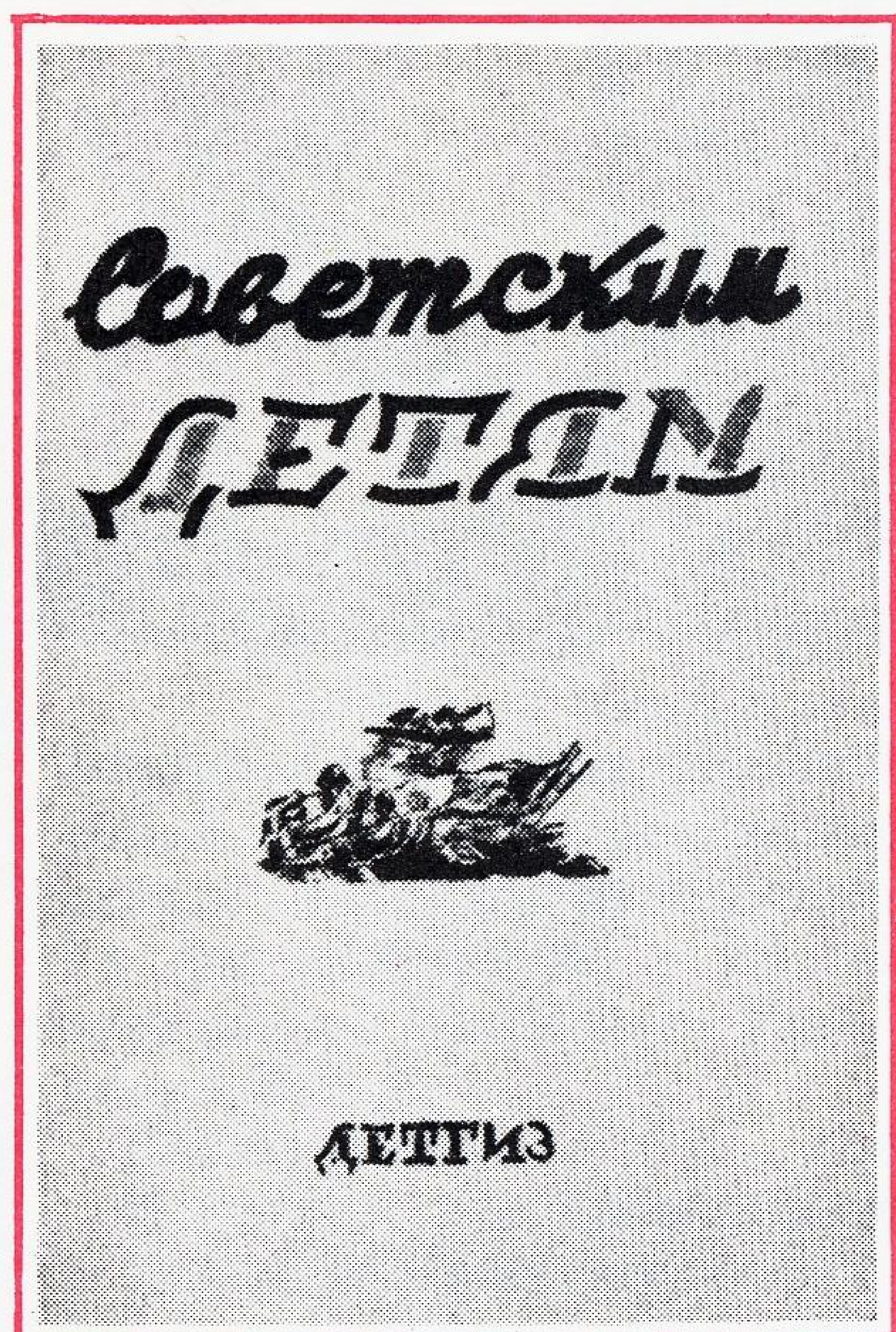

Зимний гриб

Нашел я в роще раннею зимой
морозный груздь
с пушистой бахромой.

Упал на снег
последний желтый лист,
но гриб под снегом
крепок был и чист.

Я срезал шляпку
лезвием ножа.
Она была в надрезе так свежа!
И пахло в белой роще от груздя,
как летом,
после тихого дождя,
немного дымом,
чуточку росой
и тропкой,
по которой шел босой...

Слово Гайдара

Борис КАМИР,
заслуженный работник культуры РСФСР, заместитель главного редактора издательства «Детская литература»

В последних числах августа сорок первого года в издательство детской книги пришел Аркадий Петрович Гайдар. Он только что возвратился из Действующей армии. Аркадий Петрович был фронтовым корреспондентом «Комсомольской правды». За несколько дней до его приезда в Москву, 8 августа, «Комсомолка» напечатала его очерк «У переправы».

«Бьют вражеские минометы. Горят хаты... С холма по картофельному полю, кубарем перекатываясь с боку на бок, тянет телефонный провод комсомолец Сергиенко... На этом фронте, слева и впереди **нас**, ведется бой...»

Этот гайдаровский очерк рассказал нам, как жил на войне фронтовой корреспондент Аркадий Гайдар, который по праву всегда считал себя бойцом Красной Армии. А слово «нас» подчеркнуто уже теперь, специально для того, чтобы сегодняшние читатели острее почувствовали силу написанного.

Появление Гайдара в издательстве всегда радовало. В дни войны нам было особенно приятно увидеть его, поговорить с ним, услышать его рассказ. Позвонили, помню, из главной редакции: «Гайдар здесь, заходи». И вот он протягивает руку, здоровается. Высокий, плотный, в военной форме. Гимнастерка с гладкими петлицами без знаков различия. Коротко острижен. Удивил какой-то особенной подтянутостью, строгостью, собранностью. А глаза — грустные, озабоченные.

С начала войны у нас в издательстве стала выходить «Военная библиотека школьника». Книги, брошюры, листовки, рассказывающие ребятам о войне, о военном прошлом, о том, как готовить себя к защите Родины. Я поделился с Аркадием Петровичем и другим нашим замыслом — выпустить для юных читателей «летучим дождем брошюр» рассказы о войне крупнейших советских писателей. Сказал, что Алексей Толстой, Ванда Василевская, Самуил Маршак, Илья Эренбург, Янка Купала свои статьи уже прислали.

— Хотите, чтобы написал и я? — спросил Аркадий Петрович. И задумался.

Я сказал, что сейчас ребятам важно услышать голос их любимого писателя, старшего друга, вооружиться его советом, поддержкой...

Мы все прекрасно знали, как магически действовало слово Аркадия Петровича на ребят. О некоторых случаях из жизни Гайдара сложены даже легенды. Помню, писатель Константин Георгиевич Паустовский как-то рассказал нам такой случай. Гайдар пришел к Паустовскому и узнал, что у Константина Георгиевича тяжело болен сын. Нужно редкое лекарство, а достать его не удавалось.

Аркадий Петрович тут же позвонил кому-то по телефону и велел немедленно — «По тревоге!» — прислать всех мальчишек его двора. «Я жду!» — требовательно сказал он. Не прошло и четверти часа, как у дверей квартиры Паустовского стояло несколько разгоряченных мальчишек. «Вот что, — сказал им Гайдар, — тяжело болен один мальчик. Нужно вот такое лекарство. Я запишу каждому название его на бумажке. Сейчас же — во все аптеки: на юг, восток, север и запад! Из аптек звонить сюда. Понятно?»

И что вы думаете, прошло совсем немного времени, и лекарство было найдено и доставлено к Паустовскому.

Так работала мальчишечья команда Гайдара в жизни. Не удивительно, что после того, как знаменитого «Тимура» напечатала «Пионерская правда», а потом повесть вышла отдельной книгой, тысячи тимуровских команд по всей советской земле стали помогать людям. Когда разразилась война, пионеры-тимуровцы окружили заботой семьи, откуда ушли на фронт бойцы Красной Армии, помогали в городах и селах крепить оборону.

И в тот день, когда в издательство приехал Гайдар, 29 августа, мы прочитали в «Комсомолке» письмо с фронта: «Большую помощь семьям бойцов оказывают тимуровские команды пионеров и школьников... 18 августа из Н-ской части прибыл боец. Он доставил 900 писем семьям бойцов и командиров, проживающих в Киеве. Боец обратился в горком комсомола с просьбой оказать ему помощь в быстрейшей доставке почты адресатам. В горком были вызваны сто тимуровцев. С их помощью все письма

А. П. Гайдар. Москва, август 1941 года.

в течение одного дня были доставлены по назначению».

Да, слово Гайдара всегда было значительно и звало ребят на добрые и нужные дела!

В тот памятный день после некоторого молчания Аркадий Петрович продолжил наш разговор, объясняя, о чем он думает:

— Они приходят к нам и не знают, чем заняться. Они отважны. Они хотят бить врага, но не владеют винтовкой, не умеют бросить гранату. Не знают, как стрелять из минометов. Всему этому их надо учить. Учить до того, как они попадут на фронт. В окопе учить чаще всего бывает уже поздно. Здесь должна помочь листовка, книга. Должна помочь ваша «Библиотечка»...

Стало ясно, что там, на фронте, он видел отважных ребят и прекрасно знает, в чем именно они нуждаются сегодня.

Мы просили Аркадия Петровича написать для «Военной библиотечки» хотя бы несколько строк. Он наотрез отказался — нет ни минуты времени. «Завтра уезжаю...»

Аркадий Петрович попрощался, направился к двери. Но вдруг остановился, круто повернулся и сказал: «Впрочем, готов помочь». Оказалось, его записали на радио и попросили выступить еще. Текст он подготовил, но боялся, что выступить уже не успеет... И Аркадий Петрович, расстегнув карман гимнастерки, вытащил и передал мне несколько сложенных вчетверо листков бумаги.

— Вот вам для сборника, может быть, подойдет.

Это было ставшее вскоре известным всей стране обращение Гайдара к молодежи «Берись за оружие, комсомольское племя!»

«...Комсомолец, школьник, пионер, юный патриот, война еще только начинается, и знай, что ты еще нужен будешь в бою.

Приходи к нам на помощь не только смелым, но и умелым. Приходи к нам таким, чтобы ты сразу, вот тут же рядом, быстро отрыл себе надежный окоп, хлопнул по рыхлой груде земли лопатой, обмял ладонью ямку для патронов, закрыл от песка лопухом гранату, метнул глазом — поставил прицел».

На следующий день, в субботу 30 августа, Аркадий Петрович возвращался в прифронтовой Киев, в самое пекло. Военный человек, участвовавший в боях еще в гражданскую войну, он был прежде всего солдатом, бойцом, хорошо владел автоматом и пулеметом, знал, как ориентироваться на местности, как читать военные карты, умел распознавать хитрости противника. Бойцы, с которыми он был на фронте, любили его, внимали каждому слову.

Поздней осенью, в ноябре сорок первого года, мы подписывали к печати маленькую книжку. Называлась она «Советским детям». В ней были собраны выступления писателей, о которых мы рассказали Аркадию Петровичу в тот самый последний его приезд в Москву. Завершал эту книжку страстный призыв писателя-воина к молодежи «Берись за оружие, комсомольское племя!».

Прошло еще несколько дней, и книжка эта, напечатанная на желтой бумаге, в плохонькой серой обложке, увидела свет и пришла к своим читателям. Но мы тогда еще не знали, что Аркадия Петровича Гайдара уже нет в живых — 26 октября сорок первого года на Украине, у села Леплява, в неравном бою с врагом, спасая друзей-партизан, он пал смертью героя.

ЧТО ТЫ ЗНАЕШЬ О ПЕРВОЙ ТИМУРОВСКОЙ КОМАНДЕ СВОЕГО ГОРОДА, ДЕРЕВНИ, ПОСЕЛКА? КОГДА И КЕМ ОНИ БЫЛИ СОЗДАНЫ, КТО ИХ ПЕРВЫЕ КОМАНДИРЫ?

Эти вопросы оказались сложными в викторине «Боевого листка». Пришлось посидеть в библиотеках, полистать подшивки старых газет, разыскать участников первых тимуровских команд, записать их рассказы, порыться в архивах краеведческих музеев. И вот результат — найдены новые документы, интересные письма и фотографии, дорогие реликвии. Записаны рассказы ветеранов-тимуровцев.

С помощью участников викторины создана карта истории тимуровского движения. Ты можешь ее дополнить.

ПО ВСЕЙ СТРАНЕ

Из писем, которые получили, все ясно: почти в каждом городе или селе тимуровские команды появлялись сразу же после того, как ребята прочитали гайдаровскую повесть.

«Мы выяснили: как только ребята нашего города прочитали повесть «Тимур и его команда», организовали тимуровский отряд. Когда началась война, по всей стране уже действовали десятки тысяч тимуровских команд.

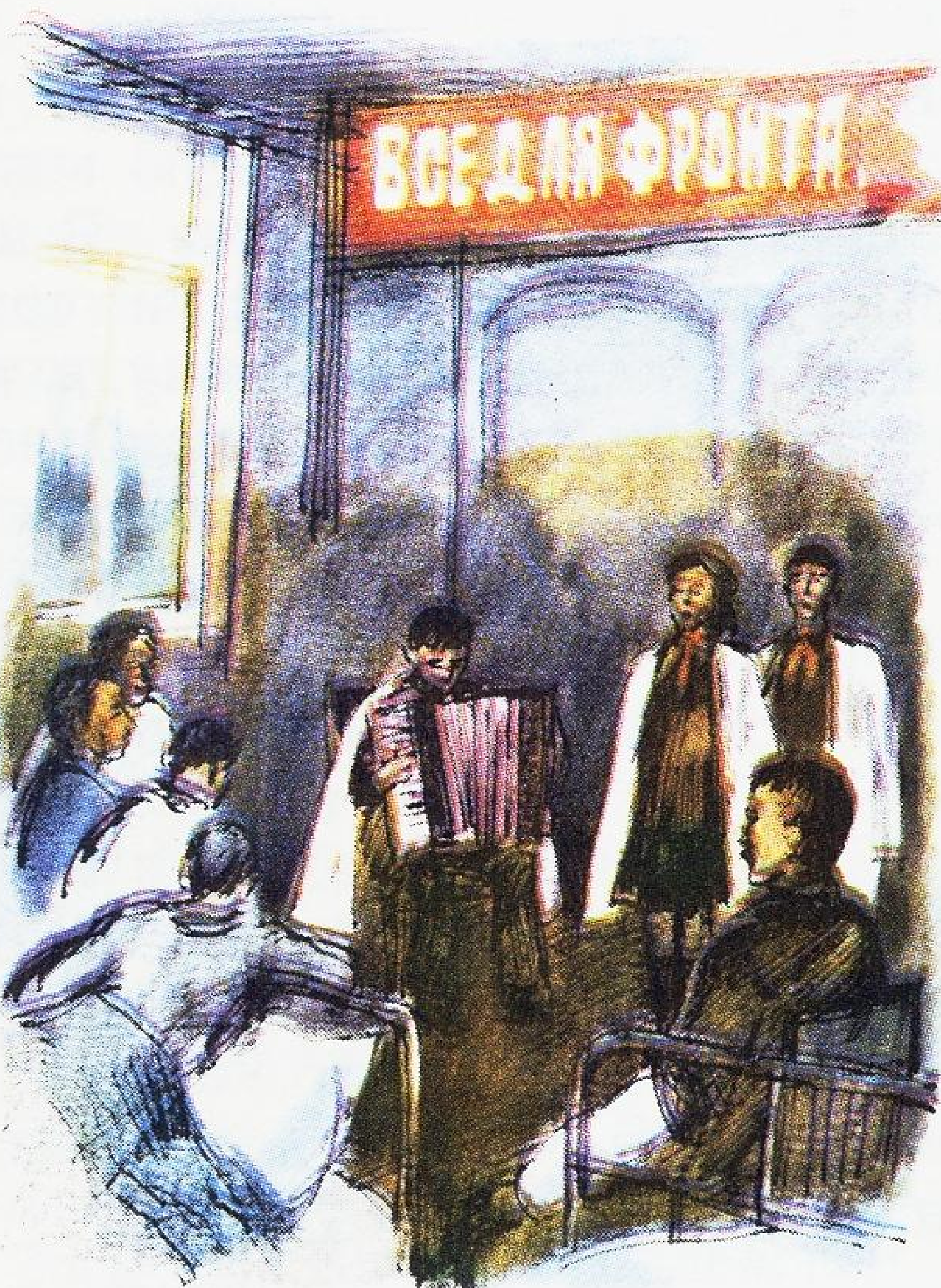
Школа-интернат № 7,
г. Ужур, Красноярский край».

О том, как много сделали и сейчас делают тимуровцы, рассказывает ветеран тимуровского движения А. П. Задонская:

«Шли трудные сороковые годы. Война. Всем нужна была помощь. В нашей сельской школе тимуровской командой стал каждый класс. После уроков отправлялись в поле, срезали подсолнухи, дергали горох, копали картошку. Не припомню случая, чтобы кто-то отказался от работы, не помог, не сделал. Когда люди благодарили нас со слезами на глазах, мы удивлялись: «За что? Что мы такого сделали?»

За что? Это я поняла три десятка лет спустя, теперь, когда сама нуждаюсь в помощи и участии. Как я благодарна моим сегодняшним друзьям-тимуровцам. Когда я болею, они сидят у моей постели, делят мои радости и огорчения, даже дают советы. Все это так искренне, душевно, что действительно становится легче».

Рассказ записали ребята
из штаба «Гайдаровец»
г. Стерлитамака
Башкирской АССР.

НАСКОЛЬКО ХВАТАЛО СИЛ

Больше всего рассказов прислали ребята о тимуровцах военных лет.

«В бывшей школе № 1 размещался военный госпиталь.

За годы войны тимуровцы города дали 1 570 концертов для раненых.

Штаб
юных тимуровцев
г. Ульяновска».

«Тимуровцы собирали золу и другие удобрения, заготавливали корм для скота. Саша Черепанов командовал звеном, которое ухаживало за колхозными жеребятами. В военный госпиталь приносили раненым молоко, березовые почки для лекарств. Помогали нянечкам, читали

раненым книги, писали письма их родным».

Рассказ тимуровца военных лет Иды Валлех прислала Оля Малетина из Курганской области.

«13 апреля 1943 года в Сарапульском горкоме ВЛКСМ была получена правительственная телеграмма на имя тимуровцев: «Передаем пионерам и школьникам города Сарапула зпт собравшим 55 744 рубля на строительство танков и самолетов зпт благодарность от имени Красной Армии».

Тимуровцы, г. Сарапул».

ВЕРНАЯ СМЕНА

Эстафету тимуровцев военных лет приняли команды, возникшие после войны. Особенно интересно читать рассказы ребят, которые живут в молодых, недавно построенных городах и поселках.

«Нашему поселку двадцать лет. Почти столько же нашей тимуровской команде. Тимуровцы помогали строить завод железобетонных изделий, проводили субботники, мыли квартиры в новых домах, сажали деревья, давали концерты.

Дружина имени Гайдара, школа № 82, г. Свердловск».

«Нашей команде восемнадцать лет. Первыми тимуровцами были ученики средней школы № 1. Их можно было встретить на строительстве детской больницы, детских садов, ясель и на строительстве аптеки, закладке городского парка. Они мыли полы, выносили стружки, убирали новые дома, сажали деревья на первых городских улицах, разбивали клумбы.

Клуб «Сильные духом», г. Вольногорск».

ДРУЖИМ ДО СИХ ПОР

Многие ребята рассказывают нам, что тимуровцы всех поколений дружбу свою сохранили на всю жизнь. И навсегда поселилось в них чувство необходимости по первому зову приходить на помощь, бороться со злом и несправедливостью.

Рассказ одной из первых тимуровок г. Клина, Анны Васильевны Калининой, записала Оля Букина, пятиклассница 2-й клинской школы, она и стала победителем по шестому вопросу викторины.

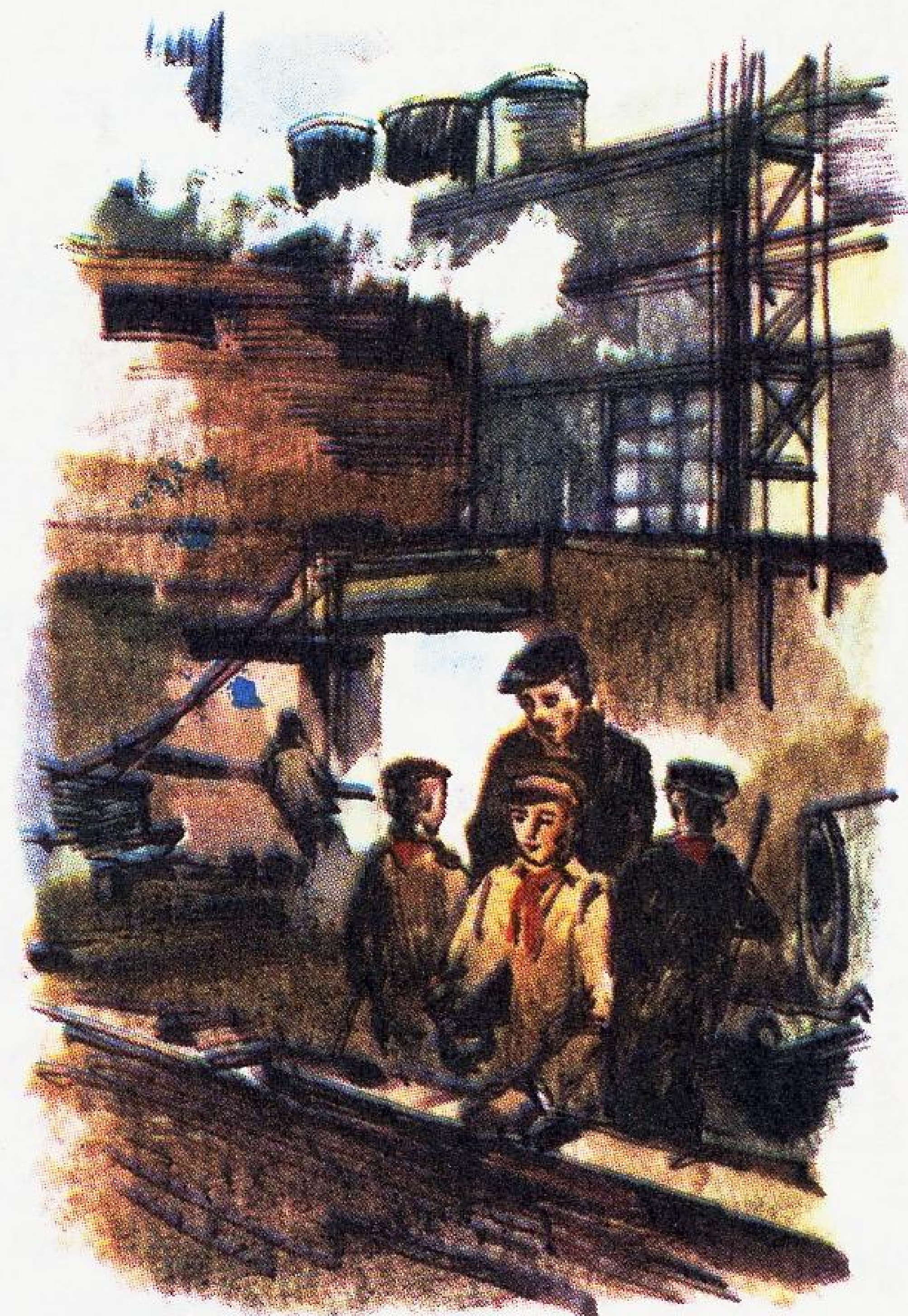
«Когда началась война, в нашем городе многие семьи нуждались в помощи. Мы создали тимуровскую команду. Тимуром стал Валентин Трапов. Приходим как-то в один дом, видим, девочка лет восьми моет пол, возле нее еще двое малышей. На столе в кружке две картошки. Спрашиваем: «Хлеб есть?» «Нет, — отвечает, — я отнесла маме в больницу». Оказывается, мать получила похоронную на мужа и слегла. На следующий день мы принесли им хлеба немного, а на доме появилась красная звезда.

Было и так. Заходим в дом. Лежит старушка, отечная вся, а в комнате холодно, не убрано. Вынесли мы женщину на свежий воздух. Мальчишки добыли дров, натопили печку, девочки вымыли и вычистили все.

Действовала команда четыре года. Писали письма на фронт, шили кисеты, вязали варежки, носки, вышивали платочки. Собирали для фронтовиков подарки. Ходили по домам — клинчане давали нам разные теплые вещи, которые мы отсылали на фронт солдатам.

Когда в городе появился госпиталь, стали помогать ухаживать за ранеными, читали им книги, давали концерты прямо в палатах. Как все советские пионеры, собирали металлолом для строительства танков. Летом всей командой выезжали в колхоз. Работали на совесть.

В тимуровской команде нас было двенадцать человек. Хотя прошло много времени, дружим до сих пор».

Рисунки В. и С. КОСТИЦЫНЫХ

«Конец императора тайги»

Новый художественный фильм «Конец императора тайги» вышел на экраны. Это фильм о восемнадцатилетнем командире полка Аркаше Голикове — будущем писателе Аркадии Гайдаре, о его боевой молодости, о становлении Советской власти в Хакассии. Авторы посвятили свою работу 60-летию Ленинского комсомола и 75-летию со дня рождения выдающегося советского писателя.

На страницах «Пионера» создатели фильма встречаются со своими зрителями.

Сценарий пишут тимуровцы

Рассказ **Бориса Николаевича КАМОВА,** автора сценария.

...Однажды почтальон вручил мне заказное письмо. В правом верхнем углу конверта — красная звездочка с расходящимися, как от солнца, лучами.

«Тимуровский штаб школы № 16 города Черногорска, — говорилось в письме, — приглашает Вас безотлагательно приехать по делу особой важности».

И я полетел в Черногорск.

В школе № 16 созвали экстренное заседание тимуровского штаба. В конце беседы мне вручили подарок: тетрадный листок в клетку. Крупными буквами на нем были записаны восемь имен и восемь адресов — перечень людей, которые в 1922 году встречались с начальником второго боевого района по борьбе с бандитизмом Аркадием Петровичем Голиковым. Некоторым довелось служить в отряде Голикова.

У тетрадного листка в клетку была своя история.

Ребятам из шестнадцатой школы давно хотелось побывать на Украине, повидать те места, где в 1941 году сражался и погиб Гайдар.

Однажды учительница Надежда Петровна Карпова сказала:

— Ребята, быть может, мы когда-нибудь с вами и поедем в Лепляву и Канев. Но бывал ли кто из вас на берегу Божьего озера? Подымался ли на Поднебесный Зуб? Ездил ли в села Чебаки, Форпост, курорт Шира? Знаете ли вы, что в этих местах [illegible]час в Хакассии Аркадий Петрович Голико[illegible] 1922 году командовал отрядом и вел жестокую борьбу с «императором всея тайги» Иваном Соловьевым? Я предлагаю начать поиски боевых товарищей Гайдара...

В праздники, каникулы, воскресные дни поисковый отряд отправлялся в экспедицию. Вместе с Надеждой Петровной пионеры прошли и проехали тысячи километров. Обследовали десятки селений. В каждом доме они спрашивали:

— Скажите, пожалуйста, не помнит ли кто в вашей семье командира Голикова?

Этот вопрос они задавали везде и всюду два года.

...Лишь один из подаренных адресов был мне знаком. В Загорске под Москвой жил Павел Михайлович Никитин. С Аркадием Голиковым он познакомился в 1918 году в Арзамасе. Когда через четыре года они опять встретились в Сибири, комвзвода Павел Никитин стал боевым помощником Голикова.

Павел Михайлович рассказывал: как-то они с Голиковым ехали по лесу, вдруг навстречу им полусотня Ивана Соловьева. Это была верная гибель.

Голиков выхватил саблю и крикнул:

— Первый эскадрон — слева, второй — справа, остальные за мной! Марш! — И ринулся на бандитов.

Соловьевцы от неожиданности не успели раз-

глядеть, что перед ними всего два всадника. И повернули назад.

...Зато остальные имена и адреса для меня оказались новостью. Я получил от черногорцев самодельную карту-схему, стрелки обозначали на ней маршрут предстоящего мне путешествия. Утром я отправился в дорогу. Путешествие было нелегким. От пункта до пункта — десятки километров.

Но я нашел всех, кто значился в этом списке. И рассказ каждого из них записал на пленку магнитофона.

Рассказы людей, которых я повидал в ту свою поездку, легли в основу сценария фильма «Конец императора тайги».

Вы увидите в картине юного начальника боевого района Аркадия Голикова, его помощника по разведке Павла Никитина, квартирную хозяйку — в картине ее зовут Евдокией Тихоновной.

В титрах вы прочтете, как много народу работало над этим фильмом. Но самыми первыми его авторами являются черногорские тимуровцы.

Кино— профессия отважных

Рассказ
Владимира Гургеновича САРУХАНОВА,
режиссера фильма

В детстве я очень любил фильмы про войну. Особенно гражданскую. По многу раз ходил смотреть «Котовского», «Александра Пархоменко», «Оборону Царицына», «Щорса». Но больше всего мне нравился «Чапаев». Еще в школе я мечтал стать режиссером, снимать картины о революционных битвах, о гражданской войне, о рыцарях революции.

Разумеется, эти замечательные люди представлялись мне верхом на быстроногих скакунах, с обнаженными клинками, в развевающихся бурках.

Работу над фильмом о восемнадцатилетнем командире особого отряда, будущем писателе Аркадии Гайдаре все мы начали с радостью. Мы прочитали почти все, что написано о Гайдаре, перечитали заново все его книги.

Актеры, снимавшиеся в фильме, решили, что все опасные трюки, которые обычно поручают дублерам, будут выполнять сами. Признаться, мне трудно было разрешить им это, но актеры все-таки настояли на своем, и я ни разу не пожалел об этом.

Роль Аркаши Голикова предложили студенту Института кинематографии Андрею Ростоцкому.

Андрей сразу загорелся ролью, хотя пришлось ему нелегко: он вставал в пять утра, чтобы до занятий в институте успеть на тренировку в манеж. Андрей и раньше хорошо сидел в седле, но для роли ему надо было научиться на ходу вскакивать на коня. Кстати, умение хорошо ездить верхом стало обязательным для каждого, кто снимался в картине.

Кино — тяжелый труд, профессия энтузиастов. Я с благодарностью вспоминаю водителей наших машин, которые по таежному бездорожью, по отвесным кручам везли людей, технику, чтобы к нужному часу могла начаться съемка.

Я вспоминаю, как артисты Н. Бегалин и Н. Томашевский трое суток перегоняли через перевал табун, хотя это уж никак не входило в их обязанности, как снимались финальные кадры картины: Андрей Ростоцкий вывихнул руку, рука на глазах распухала, а Андрей требовал «снять еще один дубль».

Вспоминаю, как на съемках одиннадцатилетняя Нина Саруханова перелетела через голову лошади и упала на каменистую дорогу. Честно

говоря, я подумал, что она никогда больше не сядет в седло. Но через два дня она снова снималась в кадрах конной погони. Правда, мы не могли снять ее так крупно, как нам бы хотелось: на лице у нее остались большие ссадины.

Кино — профессия отважных...

«Ребята, сыграем в Гайдара!»

Рассказывает **Андрей РОСТОЦКИЙ**, исполнитель главной роли.

— Приглашаю в Хакассию, — сказал мне режиссер Владимир Гургенович Саруханов. — Хочу вас снять в картине о гражданской войне.

Я в ту пору заканчивал Институт кинематографии. Среди прочих наук мы «проходили» фехтование, стрельбу, акробатику, нас учили ездить верхом, преодолевать препятствия, кувыркаться, прыгать и падать. Я надеялся: когда-нибудь это пригодится. Но так скоро?

— Но вы хоть скажите, кого я должен играть?

— Гайдара. В нашей картине ему 18 лет. Он еще не знает, что станет писателем. Он еще не Гайдар — Аркадий Голиков.

...Я знал наизусть диафильмы по книгам Гайдара, когда еще не умел читать. В третьем классе в школьной постановке мне поручили сыграть Сашу Максимова — «коменданта снежной крепости». Помню впечатление, которое произвела на меня «Школа», особенно те главы, где Борис Гориков не послушался Чубука, попал в плен сам и сгубил своего лучшего друга.

От слов режиссера у меня перехватило дыхание. Я надеялся сыграть героев Дюма, Лондона, Жюля Верна. Преклонялся перед мужеством и душевной чистотой декабристов. Говорил себе: «Вот понаберусь ума-разума, подучусь, и, может, мне тоже повезет, сыграю кого-нибудь, похожего на Чапаева». Но сыграть Гайдара? Об этом я даже не смел мечтать.

Я заново перечитал все его книги. И о нем. Обратил внимание на важную подробность: даже в окружении под Киевом в 1941 году Аркадий Петрович всегда находил свободную минуту и доброе слово для ребят. В присутствии детей, какой бы ни была обстановка, он делался приветливей и мягче. Я решил: таким будет и мой Гайдар.

...В Хакассии наша творческая группа поселилась в поселке Орджоникидзевский, бывший Форпост.

Форпост входил в тот боевой район, начальником которого был Голиков. Поначалу не верилось, что сопки, леса, река и даже избы — те самые. На одной белела мемориальная доска, установленная тимуровцами: «В этом доме в 1922 году находился штаб А. П. Голикова».

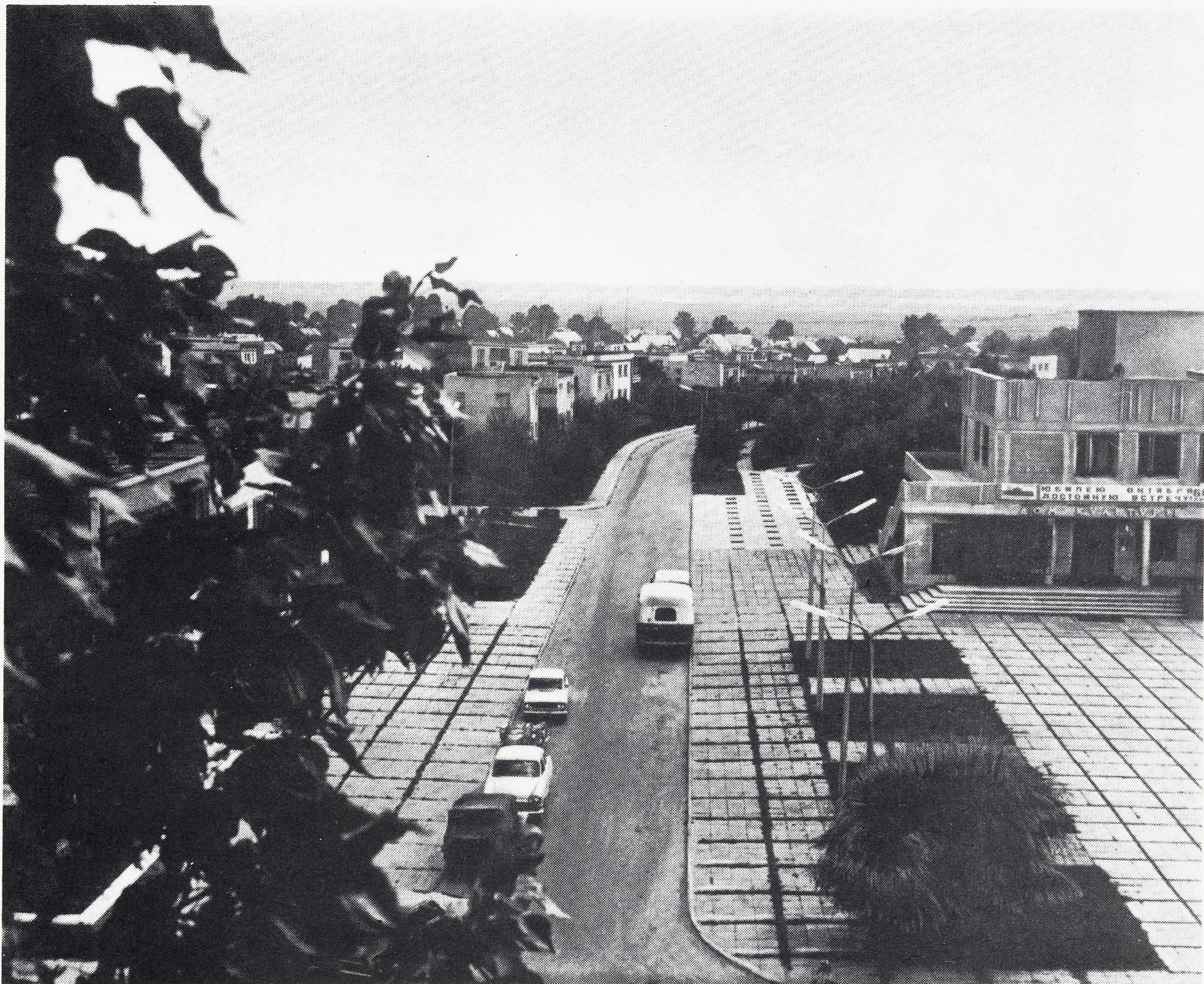
Чтобы лучше вжиться в роль, я целый день не снимал командирской формы, учился носить ее так, чтобы выглядеть настоящим военным. И если другим актерам перед съемкой режиссер говорил: «Поправить грим», — то мне полушутя, полусерьезно приказывал: «Ростоцкий, почистить сапоги — и в кадр». До зеркального блеска начищенные сапоги — это был тоже штрих облика моего героя.

Когда я в своей шинели и кубанке шел по деревне, я часто слышал за спиной:

— Гляди, Гайдар пошел!

...Хочу верить: когда-нибудь, идя по улице, я услышу:

— Ребята, сыграем в Гайдара!

САМЫЙ ЛУЧШИЙ ПАМЯТНИК

В годы Великой Отечественной войны на территории оккупированной гитлеровцами Белоруссии действовали четыреста тысяч партизан. Целая армия. Одевала эту партизанскую армию, обувала и кормила белорусская деревня. Кормила, отрывая от своего рта. Разоренная войной, она и до войны была не очень-то богата. Почитай, почти вся сельская довоенная Беларусь была деревянной да соломенной — не успела по-настоящему окрепнуть в эпоху предгрозья, в канун битвы с фашизмом.

Но грянула битва, и белорусская деревня отдала все — и хлеб и саму жизнь. В буквальном смысле слова.

Фашистские каратели сожгли больше половины сел, при этом 627 сел были сожжены вместе со всеми жителями...

Символ всех сожженных белорусских сел — деревня Хатынь, ее мемориальный комплекс, где неумолчно звонят колокола — колокола нашей вечной скорби, неостывшего гнева, вечной памяти.

Но белорусская деревня воскресла из пепла войны не только в облике гранитной Хатыни. Живая, не мемориальная наша деревня, добротная, с асфальтированными дорогами, с антеннами телевизоров над кровлями, с «волгами», «москвичами», «жигулями», «ижами», «явами», которые стоят чуть ли не в каждом дворе, с дворцами культуры, библиотеками, музыкальными школами, — вот самый лучший памятник белорусской деревне военных лет.

Ныне наша деревня все больше становится похожей на город, уже сейчас можно увидеть ее завтрашний облик. Перед вами Вертилишки, село на Гродненщине. Таких сел у нас сегодня десять. Пока десять. А завтра...

Приезжайте к нам, в белорусскую деревню, сами увидите!

Валентин ТАРАС

У москвича Юры ДАНИЛЬЧЕНКО — толстая тетрадка своих стихов. Стихи, которые «Кораблик» принял на борт, Юра сочинил в прошлом году. Сейчас он учится в третьем классе.

МОРЯК

Мы выходим из ворот,
Видим — кто-то к нам идет.

Молодой моряк серьезный,
Гимнастерка — в синий цвет.
На погонах «К» большое,
Орденов пока что нет.

Родился он в Подмосковье,
Вдалеке от крымских гор.
А теперь выходит в море
Охранять морской простор.

СЕЛЕНИЕ ПЕТР БРОД

Есть в краях Прибалтики
Селение одно.
Именем героя
Названо оно.

Названо селение
«Петр Брод».
Не забыл героя
Наш народ!

Люба МАКАРОВА живет в деревне Заозерье Архангельской области. Она очень любит свой северный край, и об этом ее стихи.

МОЯ ДЕРЕВНЯ

Живем мы в Заозерье,
Деревне небольшой.
Кругом стоят деревья,
А лес густой-густой!

Река под косогором,
И пляж недалеко.
Идти к нему по броду
Так хорошо, легко.

Зимой метель и вьюга
Дороги заметут.
Лишь тропочки-малютки
Мелькают там и тут.

Ребята всей деревни
На гору прибегут
И катятся на санках
На замерзший пруд.

А я стою в сторонке
И думаю о них,
Славных ребятишках,
Сверстниках моих.

«НА САНКАХ». *Коля ПЛИСКО, 6 лет.*

«Обычно строки стихов приходят мне в голову на улице, в лесу. Поэтому я люблю ходить в лес, на реку Белую»,— пишет нам пятиклассница Лариса БАСОВА. Учится Лариса в школе № 16 города Салавата.

КОГДА РЕБЯТА ЗАНЯТЫ

Уж долго снег идет,
Снежинки падают на крышу.
Все хорошо, да только вот
Ребята делают урок,
Их голоса на улице не слышны.
И скучно липе молодой
Без смеха, без задора.
И ледяные слезы в снег
Упали у забора.

❄

Маша ЕЛКИНА живет в Ленинграде, занимается в литературном клубе «Дерзание». Маше 13 лет. Вот одно из ее стихотворений.

* * *

Между весной и осенью
Белый ковер лег.
Мечется ветер над озером,
Пробует тонкий лед.

Ветер на льду выстоит,
Ноги его легки.
Льда чуть касаются быстрые,
Невидимые коньки.

❄

Марина ДРОНОВА написала эти стихи в 7-м классе. А сейчас она учится в 8-м. Марина из Москвы. У нее много стихов, есть даже переводы с английского.

ОТГАДАЙТЕ, ЧТО ЗА ЗВЕРЬ!

Это что за зверь такой?
С длинными усами,
С шкуркой рыже-золотой?
Догадайтесь сами!
Если мышь, то нет хвоста.
Может, суслик это?
Может, крот? Но нет крота
Золотого цвета!
Не гадайте так и сяк,
Это — попросту хомяк!
Ест он хлеб и лист капустный,
Зерна ржи и ячменя
И порою смотрит грустно,
Если рядом нет меня.

«У ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА». *Катя ИТИНА, 9 лет.*

Стихи Лены ЗЕЛЕНИНОЙ, семиклассницы из города Уральска.

ШАХМАТЫ

И конь скучает по доске,
И пешки приуныли.
И ферзь стоит один в тоске —
Про шахматы забыли!
А раньше — были времена! —
Так раз по десять в сутки
Вдевали ноги в стремена
Солдатики-малютки.
Все ждут: когда же снова к ним
Хозяин постучится?..
Но кончились каникулы,
И он пошел учиться!

❄

«Мы с мамой недавно ездили в Куйбышев. У меня в поезде было интересное знакомство. Об этом я написал рассказ». Вова ШЕВЧЕНКО, 3-й класс, город Сырдарья.

ЗНАКОМСТВО

Мы ехали с мамой на поезде в Куйбышев. И с нами в купе ехал молодой моряк Колотухин Иван.

Вначале я на него не обратил внимания. Но через некоторое время стал присматриваться и заметил, что он часто открывал свой чемодан. Я заинтересовался и спросил:

— А вы что везете?

Он нахмурился, но все-таки ответил:

— Там у меня Мулюлька сидит... Ну, мартышечка маленькая!

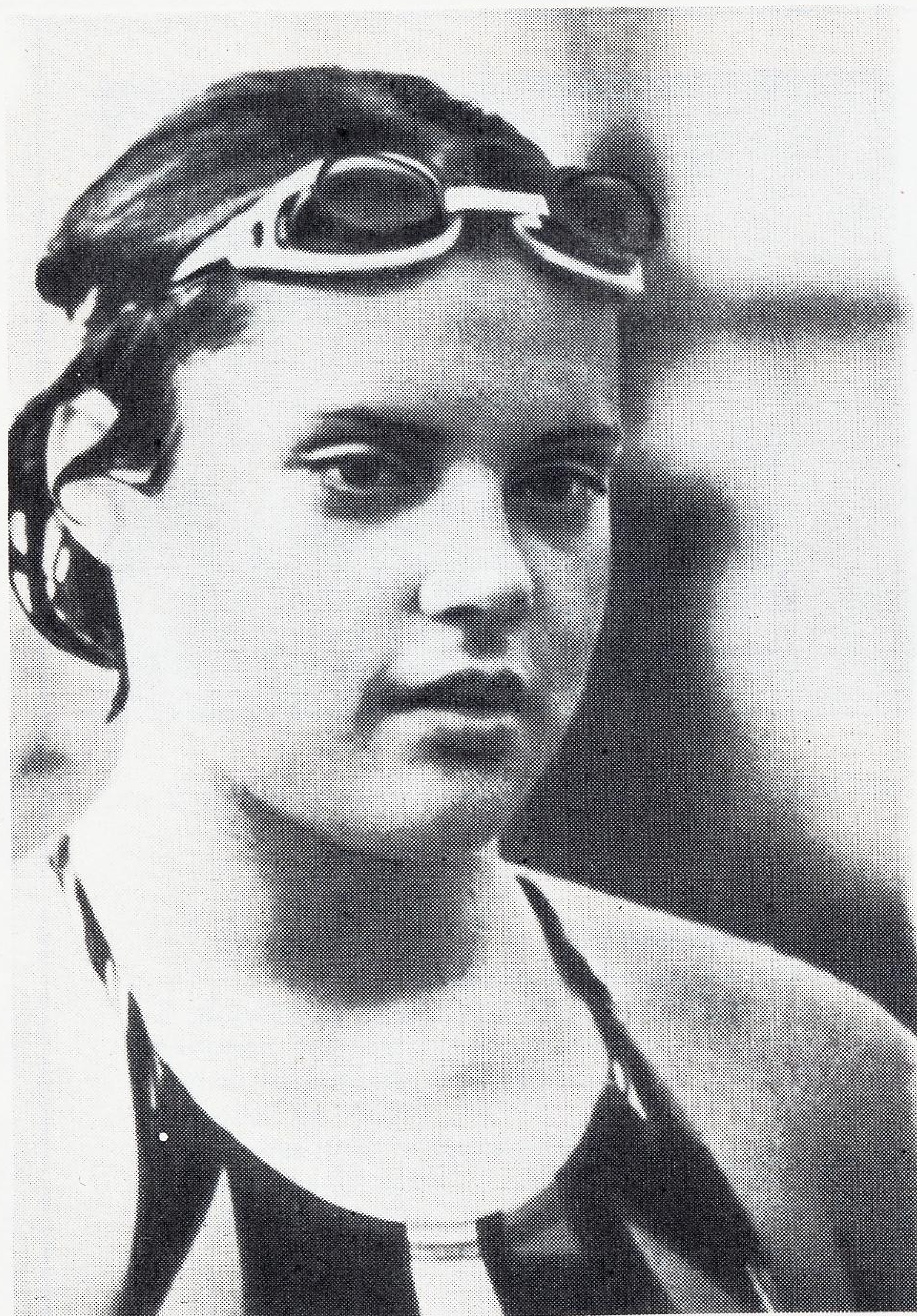
Я подошел и посмотрел. И правда, в чемодане сидела мартышка и ела арбузную корку.

Так мы познакомились!

СТО МЕТРОВ БРАССОМ

С. ШАЧИН

Фотографии Ю. МОРГУЛИСА

22 августа 1978 года. Олимпийский бассейн в Западном Берлине. Сейчас будет дан старт финальному заплыву на сто метров брассом.

Накануне все западноберлинские газеты прочили победу на этой дистанции американской школьнице Трейси Колкинз. Да и сама Колкинз мало сомневалась в успехе. «Моя цель — завоевать на чемпионате семь золотых медалей из семи, повторить рекорд знаменитого Марка Спитца»,— самоуверенно заявила Трейси журналистам.

Старт! Трейси сразу же уходит вперед. Какая скорость! До финиша остаются считанные метры. Но что это? Юлия Богданова бурно увеличивает темп, легко обходит Колкинз и первая касается стенки бассейна. На электронном табло загораются цифры: 1 минута 10,31 секунды. Есть новый мировой рекорд!

— Трейси тоже побила старый мировой рекорд,— вспоминает Юля.— Такой был быстрый темп, что я даже не поняла, кто первый пришел, я или Трейси.

Юлю в бассейн привела... болезнь. Когда Юле было восемь лет, врачи сказали, что у нее искривление позвоночника и надо заняться плаванием. Мама отвела Юлю в ленинградский бассейн «Большевик». Спорт оказался отличным доктором — через год от болезни не осталось и следа. Первый тренер Юли, Иван Георгиевич Жуков, сразу заметил способную ученицу. Он-то и перевел ее из оздоровительной в спортивную группу, к тренеру Марии Васильевне Амировой.

Для третьеклассницы Юли начались нелегкие дни. Тренировки каждый день. Вставать приходилось в семь утра. К восьми в школу. С десяти — первая тренировка в бассейне. Потом уроки, а вечером снова бассейн. Плюс к этому соревнования.

Юлины родители стали беспокоиться: не помешает ли плавание учебе. Но Юля все успевала.

Вот и сейчас в восьмом классе она учится без троек, да еще за учебный сектор отвечает.

«Спорт закаляет не только мускулы, но и волю, учит быть собранным, решительным, целеустремленным,— об этом не раз говорила Юле Галина Прозуменщикова, которая шефствует над восьмым «А» спортивной школы № 62, где учится Богданова.— Настоящий спортсмен во всех делах должен быть чемпионом».

Юля запомнила эти слова прославленной спортсменки.

— Мне кажется, главные черты в характере

Каждый день Юля проплывает до семи километров. Устает, конечно, страшно. Но никогда не жалуется.

Юли — это скромность, обязательность и стремление быть первой, — говорит тренер чемпионки Мария Васильевна Амирова. — Я не помню случая, чтобы Юля опоздала на тренировку. Каждый день она проплывает до семи километров. Устает, конечно, страшно. Но никогда и никому не жалуется на усталость...

А вот что говорит сама Юля:

— Иногда устаю, конечно. Но заставляю себя забыть об усталости, ведь без тренировок не добьешься победы. Порой хочется забыть о режиме и жить, как все: гулять до позднего вечера, лакомиться, скажем, жареной картошкой, хотя всем известно, что для пловца это слишком тяжелая пища. Но это настроение быстро проходит.

Весной 1977 года Юля победила в международном турнире на приз газеты «Комсомольская правда». С тех пор она не знала поражений. Юля стала чемпионкой Европы на двух дистанциях. И вот теперь Юлия Богданова — сильнейшая брассистка мира.

— Юля, а что изменилось в твоей жизни с тех пор, как ты стала чемпионкой?

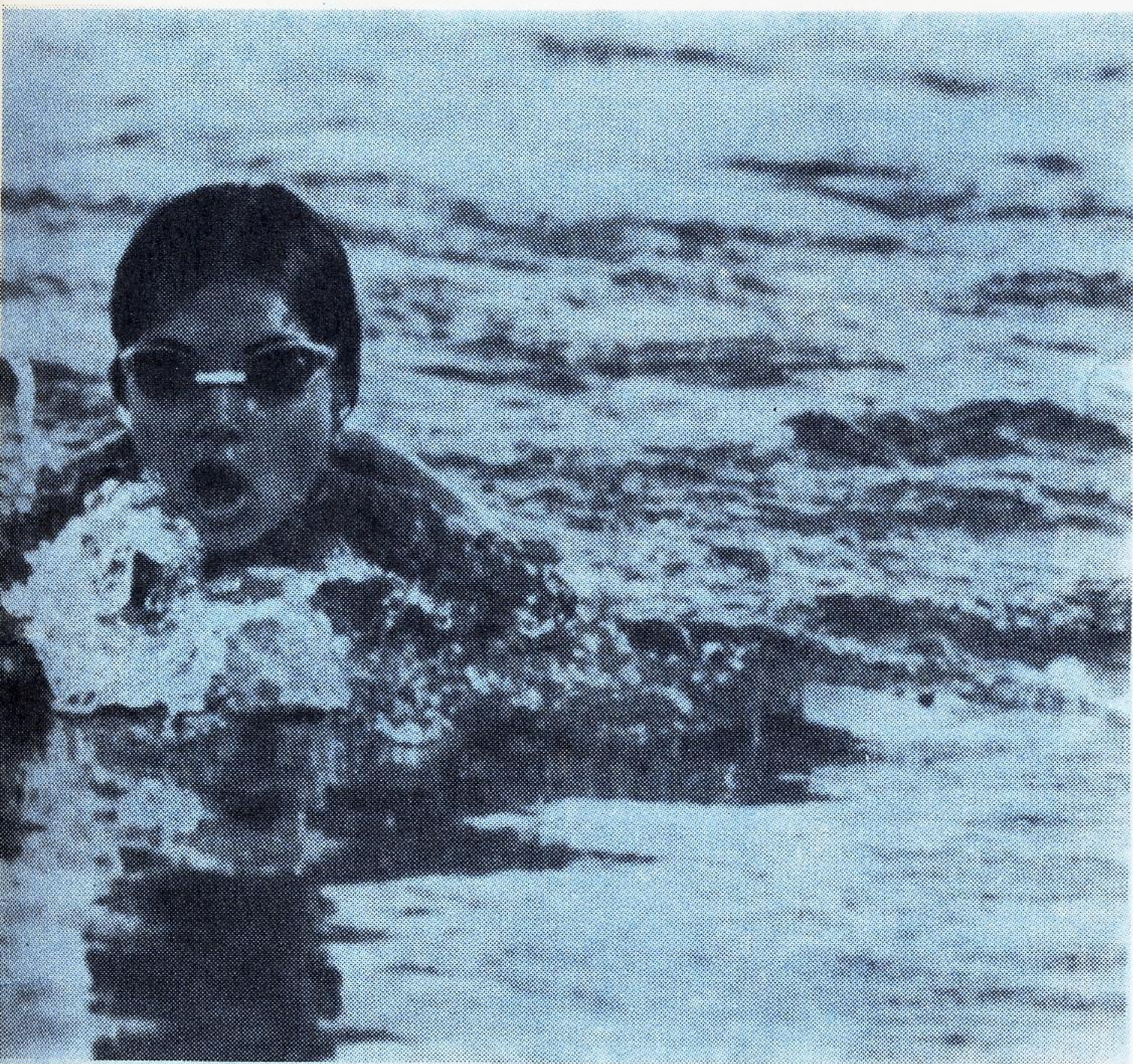
— Ничего, разве что тренироваться стала больше.

— А что бы ты посоветовала ребятам, которые мечтают стать олимпийскими чемпионами?

— Пусть они начинают с ГТО. Это самый простой и надежный путь для спортсмена. И еще: надо учиться ни за что не отступать от цели, воспитывать в себе упорство, волю. И обязательно хорошо учиться. Сейчас спорт требует не только крепких мускулов, но и самых разносторонних знаний. Я это знаю по себе.

...Сегодня Юля, как всегда, встанет в семь часов утра. И, как всегда, отправится в бассейн. Новые тренировки, новые старты. Впереди — московская Олимпиада-80.

Желаем тебе успеха, Юля!

Что нам читать?

Про страну детства

Писатель **М. Ефетов** приезжал к подножию горы Аю-Даг в разные времена года, но книга об Артеке вся пронизана летним солнцем. На ее страницах поют птицы, шумит море, перекликаются горны и ребячьи голоса. И где-то среди мшистых камней движется необыкновенная черепаха-почтальон с неразгаданными буквами на панцире. Она-то и дала название книге — **«Письмо на панцире»**.

В книжке много приключений, но они существуют не только для того, чтобы развлечь читателя, хотя, конечно, увлекательный сюжет — дело важное в любом произведении.

Юные следопыты в повести ищут бывших артековцев, перед ними оживают легенды о героях Великой Отечественной войны. Незримо присутствует в лагере неизвестный матрос, памятник которому высится на скале над морем. Когда писалась эта книга, возле памятника был установлен пионерский пост № 1.

Недалеко от Пушкинского грота высечены на граните имена девяти артековцев. Легендарный матрос и эти артековцы — герои повествования. Рассказ об их судьбах переплетается с рассказом о жизни мальчишек и девчонок, сегодняшних хозяев Артека.

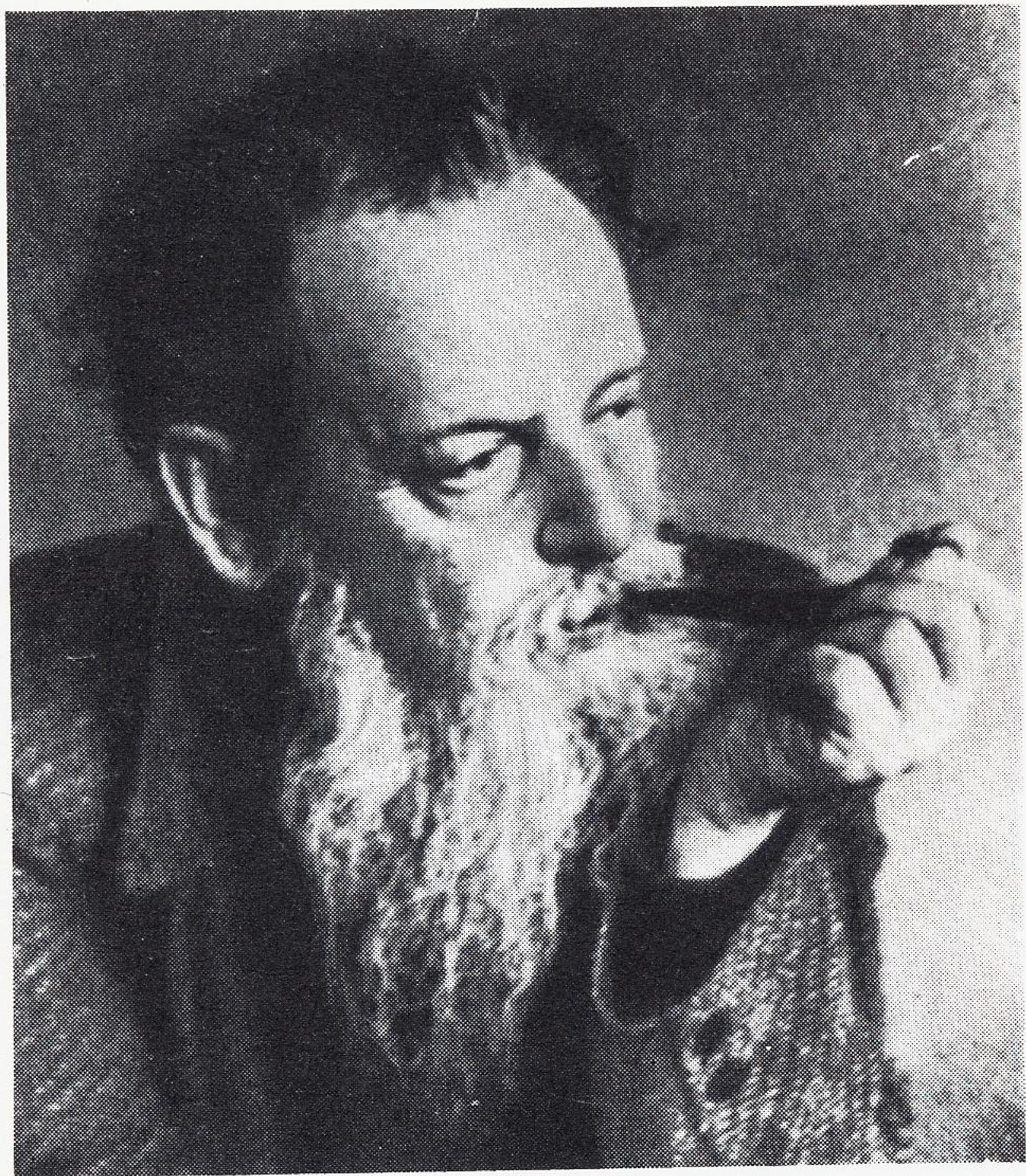
Закрываешь книгу, а перед глазами стоит замечательная страна детства, где все живут по законам бескорыстного братства. И невольно повторяешь вслед за героями книжки:

— Кто сдружился в Артеке,

Тот сдружился навеки...

М. Ефетов написал много хороших книг для ребят. Повести «Девочка из Сталинграда», «Валдайские колокольцы», «Звери на улице», «Игорь-якорь», «Граната в ушанке» знают и любят юные читатели, и, может быть, повесть «Письмо на панцире» станет для кого-нибудь из них самой любимой, дорогой книгой.

М. БАРАНОВА

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П. П. БАЖОВА

Волшебник Уральских гор

Л. СОРОКИН,
председатель Правления
Свердловской областной писательской организации

Раскрой «Малахитовую шкатулку» мудрого сказителя Павла Петровича Бажова, и перед тобой засверкают несметные подземные сокровища-самоцветы, зелеными застывшими волнами обернется уральский малахит и заговорят с тобой неповторимым бажовским языком Хозяйка Медной горы, Великий Полоз, Огневушка-Поскакушка, голубая змейка, лебеди, помогавшие Ермаку, и уральские умельцы, смелые да удалые: рудобои, старатели-золотоискатели, камнерезы, углежоги, охотники. И дети этих умельцев, кто помладше тебя, кто постарше, а кто и твой ровесник. Жили все они лет за сто до тебя, жили трудно, и голодная их жизнь зависела от произвола барина да заводчика...

Герои бажовских сказок живут в реальной жизни рабочего Урала, и очень много можно узнать из его книг о той далекой жизни, скрытой ушедшими годами.

Сказы Бажова—это сокровищница народного языка. Писатель донес до нас сочную, образную речь уральских умельцев.

Сказы Бажова — это сокровищница народной мудрости. Все хранители несметных богатств в сказах терпеть не могут нечестных жадюг, которые стараются все взять себе, и богатеев, испорченных своим богатством. А помогают они людям бедным да честным, понимающим красоту, душу отдающим делу своему рабочему.

В сказе «Приказчиковы подошвы» Хозяйка Медной горы превращает в малахитовую глыбу лютого приказчика Северьяна Кондратьевича, забившего до смерти многих людей. А в сказе «Змейкин след» наказывает одного из выросших ребятишек, Левонтия, за жадность, за то, что он предал своего родного брата.

Людям простым да удалым, людям чистых помыслов, поборникам справедливости помогали всесильные хранители уральских сокровищ.

Помните, в сказе «Ключ земли» одаривают они Васенушку за простоту, терпеливость, за удалость да счастливый его глаз. А ключ земли должен тому достаться, кто верной дорогой народ поведет.

Достался этот ключ твоим дедам и отцам, которые после Октября пошли верной дорогой за Лениным. И все богатства Урала им открылись, и месторождения нефти да газа за Уралом. Вся Сибирь теперь богатый клад. И тебе, мой юный друг, придется еще его открывать.

Павел Петрович Бажов родился 28 января

Иллюстрации художника О. Коровина к сказам Бажова «Ермаковы лебеди»

и «Голубая змейка».

1879 года в Сысерском заводе в семье рабочего. Мальчишкой слушал он дедушку Слышко — Василия Алексеевича Хмелина, неутомимого рассказчика, знатока народных преданий. Павка Бажов был единственным ребенком, учился в духовной школе, где плата за обучение была ниже, чем в гимназии, где не требовалось форменной одежды и можно было жить в дешевом «общежитии». Потом он окончил Пермскую духовную семинарию, но пошел не в духовную академию, а стал преподавателем русского языка, много ездил по Уралу — собирал фольклор.

С семинарских лет он был близок к революционному движению. В 1918 году стал членом Коммунистической партии, добровольцем пошел в Красную Армию. Белые схватили Павла Петровича, заточили в тюрьму, но Павел Петрович бежал из тюрьмы. Не пробившись к своим — они в это время отступали,—он пробирается в Сибирь. Здесь он чудом спасается от колчаковцев — добрые люди помогли — и связывается с партизанами.

Партизанский отряд был разгромлен, и Бажов под фамилией Бахеев переходит на подпольную работу.

Только в 1921 году вернулся П. П. Бажов на Урал. Здесь он жил до конца своей жизни. Здесь он написал свои замечательные книги, здесь стал лауреатом Государственной премии СССР и был награжден орденом Ленина.

В январе этого года наш народ отмечает столетие со дня рождения мудрого уральского волшебника Павла Петровича Бажова. Он живет в своих книгах и помогает жить нам.

Шахматная королева рассказывает

Вы уже знаете, что новой «шахматной королевой» стала недавняя школьница, член ЦК комсомола Грузии Майя Чибурданидзе. Она победила Нону Гаприндашвили, шестнадцать лет владевшую «шахматной короной».

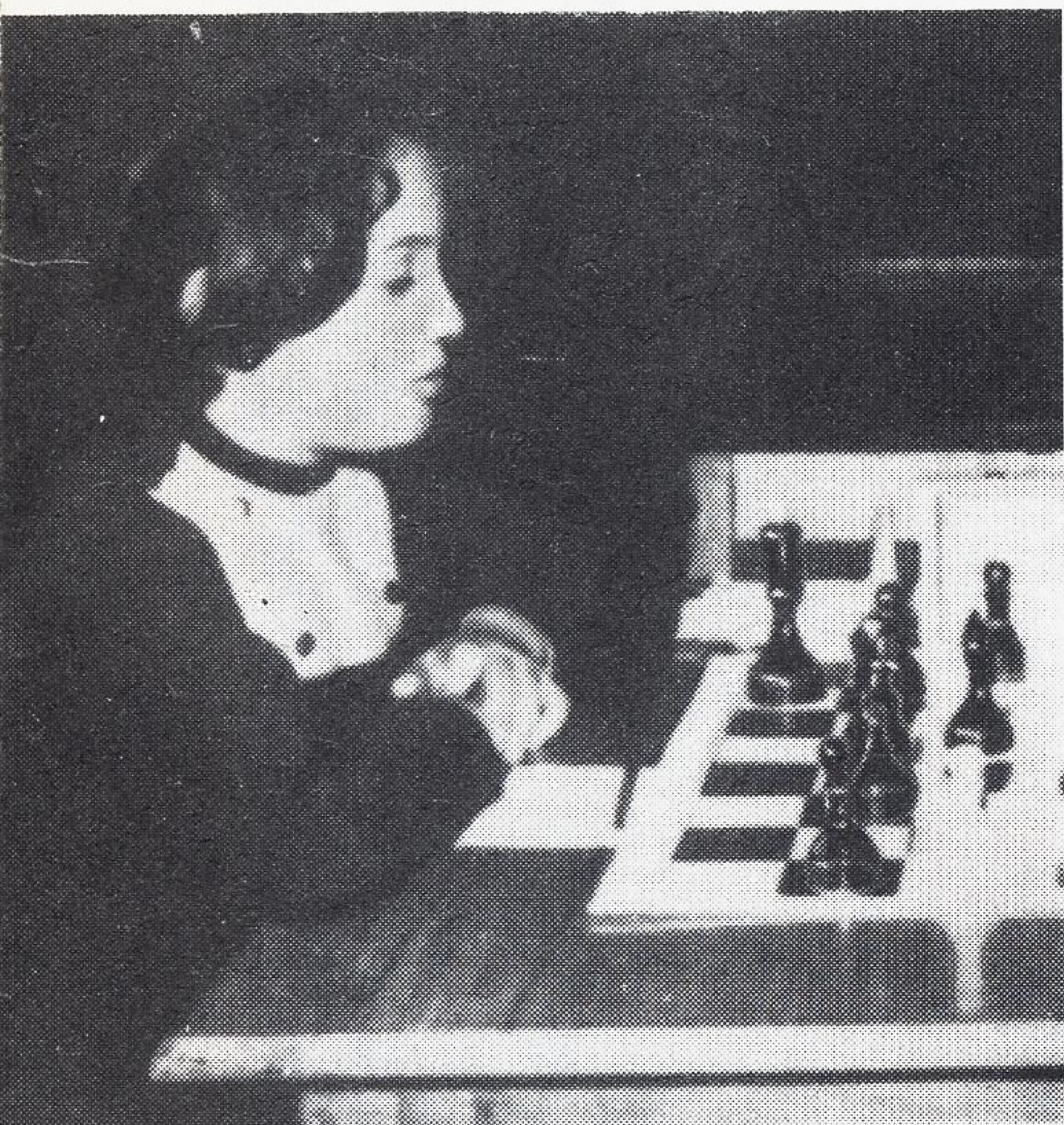
Майя Чибурданидзе добилась замечательного успеха. За всю историю шахматных состязаний не было случая, чтобы девочка в тринадцать лет стала международным мастером, в шестнадцать — международным гроссмейстером. И никто еще не завоевывал «шахматную корону» в семнадцать лет.

Друзья Пешкина попросили его поздравить чемпионку мира с новой победой и задать ей несколько вопросов. Пешкин с радостью выполнил это поручение.

— **Как вы познакомились с шахматами, с чего начинали?** — спросил он Майю Чибурданидзе.

— С правилами игры я познакомилась в шесть лет дома, — сказала чемпионка мира. — Игра мне понравилась. В школьные годы я много занималась шахматами, читала шахматные книги, разбирала партии мастеров. И участвовала в соревнованиях.

Когда училась в четвертом классе, я впервые сражалась в турнире — на первенстве Грузии среди школьниц и

Первый турнир будущей чемпионки мира.

разделила тогда первое и второе места.

— **И часто ли вам приходилось сражаться?**

Майя. Я играла много, ведь участие в соревнованиях — лучшая проверка своих сил. Я как-то подсчитала, что в различных турнирах и матчах сыграла около 500 партий. Надо только не бояться проигрывать, хотя это и неприятно. Из проигрыша можно и нужно извлекать полезные уроки.

— **А как вы совмещали занятия в школе с шахматами?**

Майя. Шахматы не мешают учебе, если правильно организовать свое время. Училась я нормально и в прошлом году окончила школу № 1 в Тбилиси. Теперь я студентка медицинского института. Мечтаю стать врачом.

Пешкин привез письмо от Майи читателям журнала «Пионер»:

«Дорогие ребята! От всей души желаю вам отличных успехов в учебе и в шахматах. Участвуйте в турнирах «Белая ладья» и в конкурсах «Пионера», привлекайте своих товарищей.

Надеюсь, что девочки добьются в этих соревнованиях хороших результатов.

М. Чибурданидзе».

НОВЫЙ КОНКУРС ПЕШКИНА

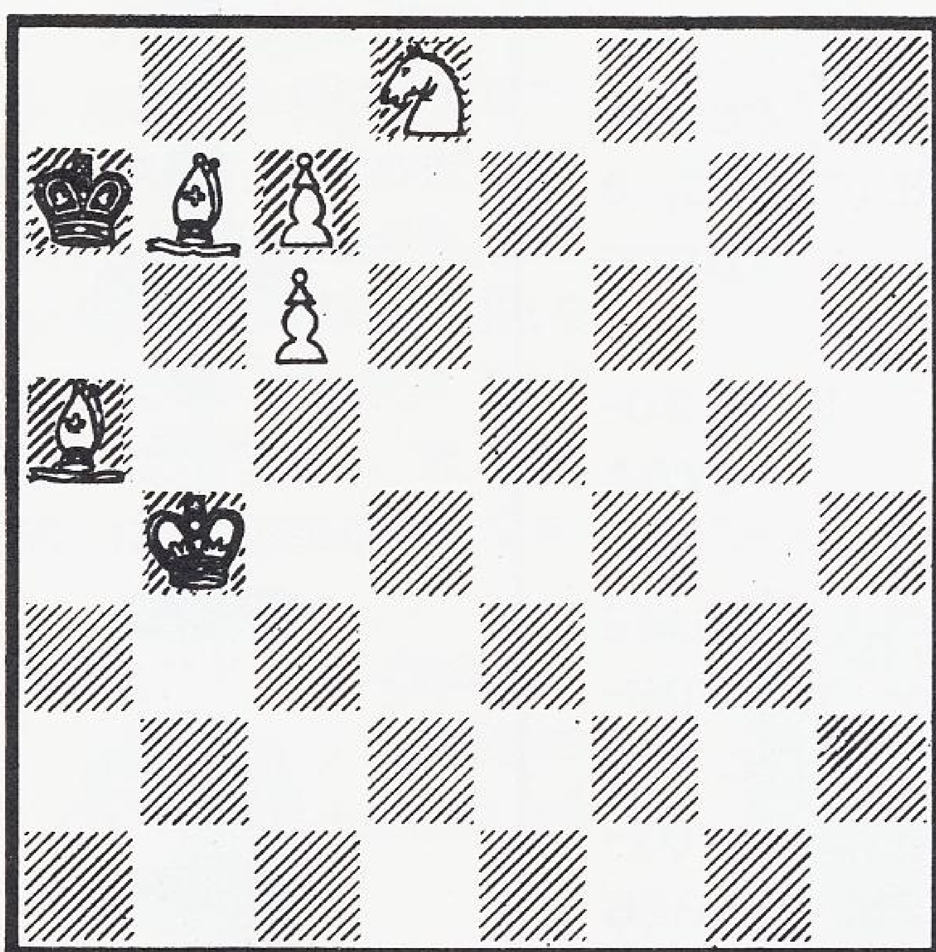
Пешкин предлагает вам десять заданий. Ребята, решившие не менее пяти из них, получат четвертый спортивный разряд, решившие больше шести — третий разряд, а те, кто добьется самых лучших результатов, — второй разряд.

Решения присылайте не позднее, чем через месяц после получения очередного номера журнала. В письмах обязательно указывайте свой адрес и школу, в которой вы учитесь.

Пешкин просит всех своих друзей писать ему о том, как проходят турниры «Белой ладьи» в школе, где они учатся.

ОЧЕВИДНОЕ — НЕВЕРОЯТНОЕ...

С этой задачей вы, наверное, легко справитесь. В положении, приведенном на

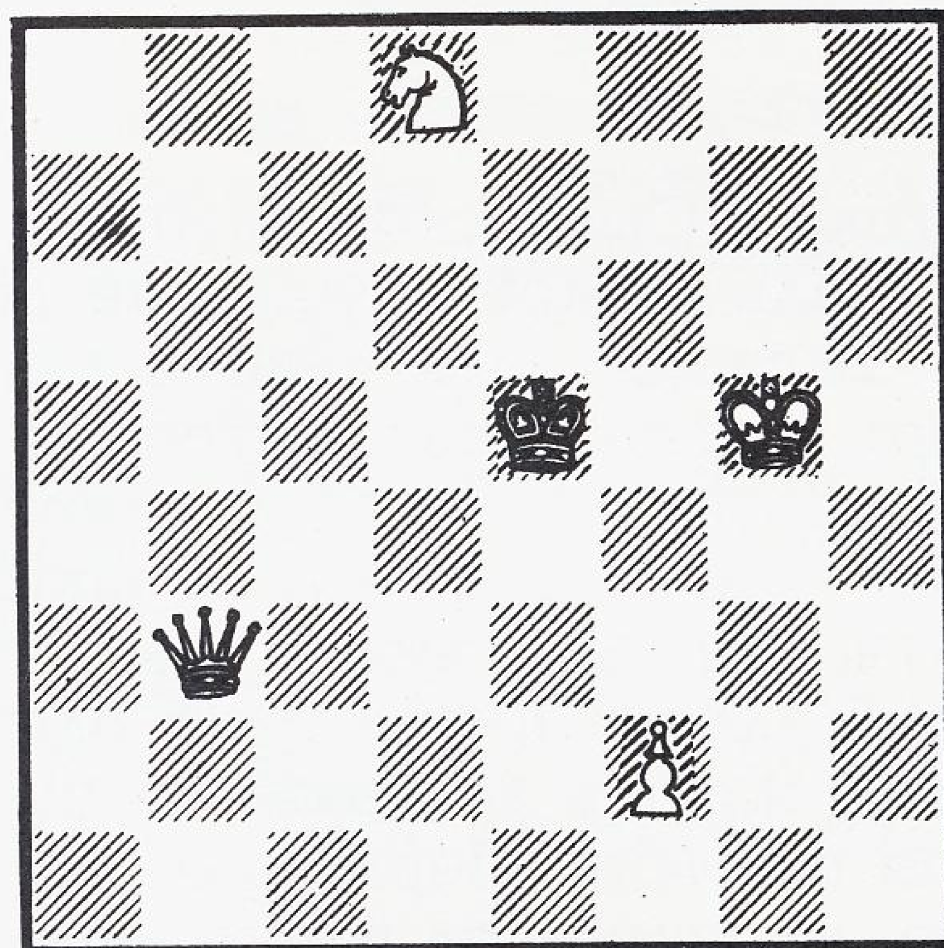
диаграмме, белые, начиная игру, дают мат в два хода.

Решив задачу, снимите с доски пешку c6. Задание не изменится, но путь к цели станет другим.

Снимите с доски, кроме пешки c6, еще и слона b7. И снова белые, начиная игру, дают мат в два хода. Наконец, уберите с доски обоих слонов и пешку c6. И снова черный король получает мат в два хода.

Не правда ли, удивительная задача?

Начиная игру, белые дают мат в три хода.

А теперь попробуйте переставить коня на f5. Начиная игру, белые опять могут дать мат в три хода.

При коне на f5 поставьте ферзя на d8. Снова оказывается возможным мат в три хода.

Различных вариантов положения ферзя и коня, при которых дается мат в три хода, может быть сорок. Пешкин предлагает вам разобраться лишь в трех.

СООБЩАЕТ СУДЕЙСКАЯ КОЛЛЕГИЯ

Подведены итоги конкурса и викторины, которые Пешкин проводил в прошлом году. Справки о спортивных разрядах и премии победителям рассылаются.

Тебе интересно знать, как живут ребята в других городах и селах? Чем они увлекаются? О чем думают? Как дружат?

А другим ребятам хотелось бы узнать, как живешь ты, твой пионерский отряд, твои друзья. Вот и расскажите об этом друг другу. Поделитесь своими радостями, печалями, самыми интересными событиями.

«Пионер» ждет твоих писем. Не забудь на конверте, кроме адреса, написать: «Сами о себе».

ПРОСТО ЗЛЫЕ

Я раньше учился в другой школе. Там мы все привыкли друг к другу, и меня никто не дразнил.

У меня волосы рыжего цвета. Ну и что? Меня мама в детстве Рыжиком звала, так я совсем не обижался. А в этом году мы переехали. В новой школе меня сразу стали звать «рыжим-бесстыжим», а когда увидели, что я не обращаю внимания, то еще «оранжевым зазнайцем». Я не жалуюсь, просто это несправедливо. Девочку, у которой больное сердце, дразнят «тумбой» и «жиртрестом», а когда она плачет, смеются. В лагере у нас в отряде был один Косой, один Ушастый и три Очкарика. Те, кто дразнит, сами не рыжие, не толстые, не очкастые, и думают, что они поэтому лучше. Но, по-моему, они просто злые. Только это не сразу видно, это же не очки и не цвет волос!

Рыжий,
г. Азов.

РЕШАТЬ ДОЛЖНЫ САМИ

Когда мы выбирали председателя совета отряда, то классная руководительница сказала, чтобы мы выбрали того, кто хорошо учится. Но решают это сами пионеры! А то получается, если ты хорошо учишься и тебя учителя хвалят, ты можешь быть вожаком отряда. А может, ты учишься хорошо, но трус и подлиза, и ребята тебя не любят. Ведь друга мы выбираем не за отметки, а за то, что он смелый, добрый, веселый. Ну и пусть мой друг плохо учится, я лучше ему в учебе помогу. А отличника, если он зубрила и подлиза, я никогда в друзья не возьму, даже если он будет давать мне списывать! И председателя совета отряда такого нам не надо.

Андрей Васкеев,
г. Мытищи.

ХОРОШО ЛИ ДРАТЬСЯ?

Некоторые считают, что драка развивает храбрость. Когда дерешься, говорят они, закаляешься для жизни. А тех, кто избегает острых моментов и не дерется, часто называют трусами и маменькими сынками.

Я занимаюсь боксом, но никогда ни на кого не нападал. Но иногда приходится драться! Когда вижу, что здоровенный парень обижает маленького или какой-нибудь нахал бьет девочку (!). Тут уж смелый человек не будет задумываться, хорошо драться или плохо, сильнее ты или слабее. Именно в такие моменты, мне кажется, закладывается характер, становишься непримиримым к недостойным поступкам.

Сережа К.,
г. Нукус.

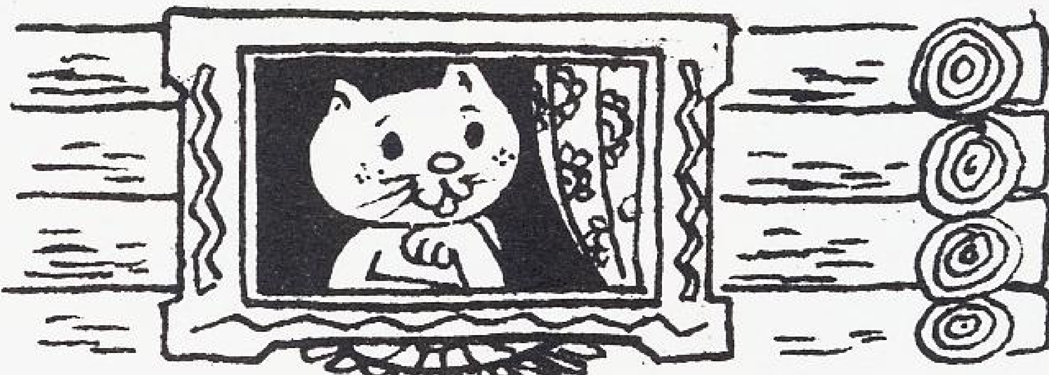
«ТИГРЕНОК» ВАСЬКА

У меня есть котенок Васька. Он похож на маленького тигра: у него спина в полоску, и он очень шустрый. Раньше он жил со мной в городе. Гулять ходил через окно, потому что боялся двери (она у нас скрипучая). Выпрыгнуть из окна ему было легко. А вот как обратно забраться? На два метра вверх он прыгал, но дальше начинался железный желоб, и Васькины лапы по нему соскальзывали. Тогда я приклеил к желобу кусок поролона, и Васька стал забираться свободно. А однажды вот что вышло. Шел дождь, и было очень темно. Васька в темноте перепутал окна и прыгнул на подоконник соседа. Сосед испугался, а Васька уже спрыгнул на пол и побежал домой...

Однажды мы подобрали на улице трех котят, принесли домой, накормили. Они обсохли, отогрелись и затеяли возню. А тут явился Васька. Котята прекратили игру, уставились на него: они, наверное, подумали, что это их отец. Они побежали к нему. Васька испугался, кинулся в сторону и взобрался вверх по занавеске. Там он просидел весь вечер, пока не проголодался.

Сейчас мой кот живет в деревне. Я без него в городе очень скучаю, хотя понимаю, что в деревне ему лучше.

Дима Гришин,
г. Курск.

УМА ПАЛАТА

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Три шайбы в ворота!

Недавно я судил матч между командами «Тигр» и «Пантера». Игроки команды «Пантера» забросили в ворота «Тигра» три шайбы. Игра была напряженная, приходилось очень внимательно следить за ней. Интересно, смог бы ты быть моим помощником в судействе? Сейчас проверим! Хватит ли у тебя внимания и настойчивости, чтобы решить такой пример:

$$\begin{array}{r} \text{шайба} \\ +\ \text{шайба} \\ \text{шайба} \\ \hline \text{победа} \end{array}$$

Замени все одинаковые буквы одинаковыми цифрами. Желаю успеха!

Капитан Перо.

Из Кашмира до Мадраса

Я сегодня размечтался,
Захотелось очень мне
Из Кашмира до Мадраса
Прокатиться на слоне!
Вам дается пять минут:
Уточните мой маршрут!

Живживка.

Битва при Вальми

20 сентября 1792 года в битве при Вальми войска молодой Французской республики одержали победу над прусской армией. В честь этого события во Франции выпущена марка. Сейчас один из французских художников работает над блоком марок на эту же тему. Перед вами пять марок, все они взяты из одного горизонтального ряда блока. Присмотритесь к ним и напишите, в каком порядке они стоят.

Пинцет.

Игры Лупы и Пинцета

РА-ПИ-РА

Игры деда Буквоеда

Мы очень редкие слова,
Но ты найти нас должен все же,
У нас и хвост и голова
Друг с другом абсолютно схожи!

--НО--
--РИ--
--ОР--

--АТ--
--ТУШ--
--Х--
--ЛЕЧ--

ККТРЦЗААААООО

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 12

Уточните адреса
Мелитополь, Петрозаводск, Новочеркасск, Магнитогорск, Стерлитамак.

Капитан Перо ищет помощника
Правильный рисунок № 3.

Колючая задача
Льву 10 лет, дикобразу 4 года.

Маркобусы
Должны получиться названия таких стран: Лаос, Венгрия, Италия.

— **АУ! АУ! АУ!**

Слушайте наши позывные.

По поручению Красной тетрадки ЛЕСНОЕ СПРАВОЧНОЕ БЮРО «АУ!» сообщает, что на страницах «Пионера» открывается выставка

«Не дадим в обиду!»

Операция «Подснежник», которую проводила Красная тетрадка, подняла на защиту весенних первоцветов тысячи ребят. Конкурс «Наши меньшие братья» показал, что не только в сказке Корнея Чуковского на помощь животным спешит добрый доктор Айболит. В нашей стране множество ребят-айболитов, которые не позволяют мучить птиц и зверей, перевязывают им покалеченные лапы.

Вот мы и решили открыть постоянную выставку «Не дадим в обиду!». На ней могут быть представлены любые животные и растения, которым ребята оказали помощь — растили, защищали, сберегли.

Присылайте и свои рисунки, фотографии, плакаты, рассказы о животных и растениях, которые охраняются законом в вашем краю.

Выставка будет работать в течение всего 1979 года.

Всем! Всем! Всем! Приглашаем стать участниками выставки.

СОДЕРЖАНИЕ

●

Адрес для писем: **101459, ГСП-4, Москва, А-15. Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 25.10.78.
Подписано к печати 28.11.78. А 01481. Формат 84×60 1/8.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7.46. Учетно-изд. л. 9.
Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 2. Заказ № 3018.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ПЕРЕМЕНКА

«Переменка» поздравляет всех своих постоянных и непостоянных читателей с Новым годом и просит их никогда не забывать «Закон сохранения хорошего настроения», а он, как известно, гласит: «Чем больше улыбок даришь людям, тем чаще улыбаешься сам!» Проверить закон на практике проще простого — улыбнитесь тому, кто рядом. «Переменка» тоже приступает к выполнению этого мудрого закона.

Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

Учительница. Какую роль выполняет вода в природе?

Ученица. Вода каждый день уходит на работу...

Ира Мулина,
г. Нижний Тагил

Учитель. Из чего делают искусственный мед?

Ученик. Из бумажных цветов.

Инара Екст,
г. Пярну, Эст. ССР

НА УРОКЕ ИСТОРИИ

Учительница. Кто такие пираты?

Ученик. Это те, кто не слушается бабушек.

Вита Попова,
г. Ворошиловград

НА УРОКЕ БОТАНИКИ

Учитель. От каких растений произошли культурные растения?

Ученик. От первобытных.

Оля Бричкина,
г. Тюмень

НА УРОКЕ ЗООЛОГИИ

Учитель. Расскажи об особенностях лесных птиц.

Ученик. У рябчиков, например, ноги покрыты мхом.

Люда Медова,
Саратовская область

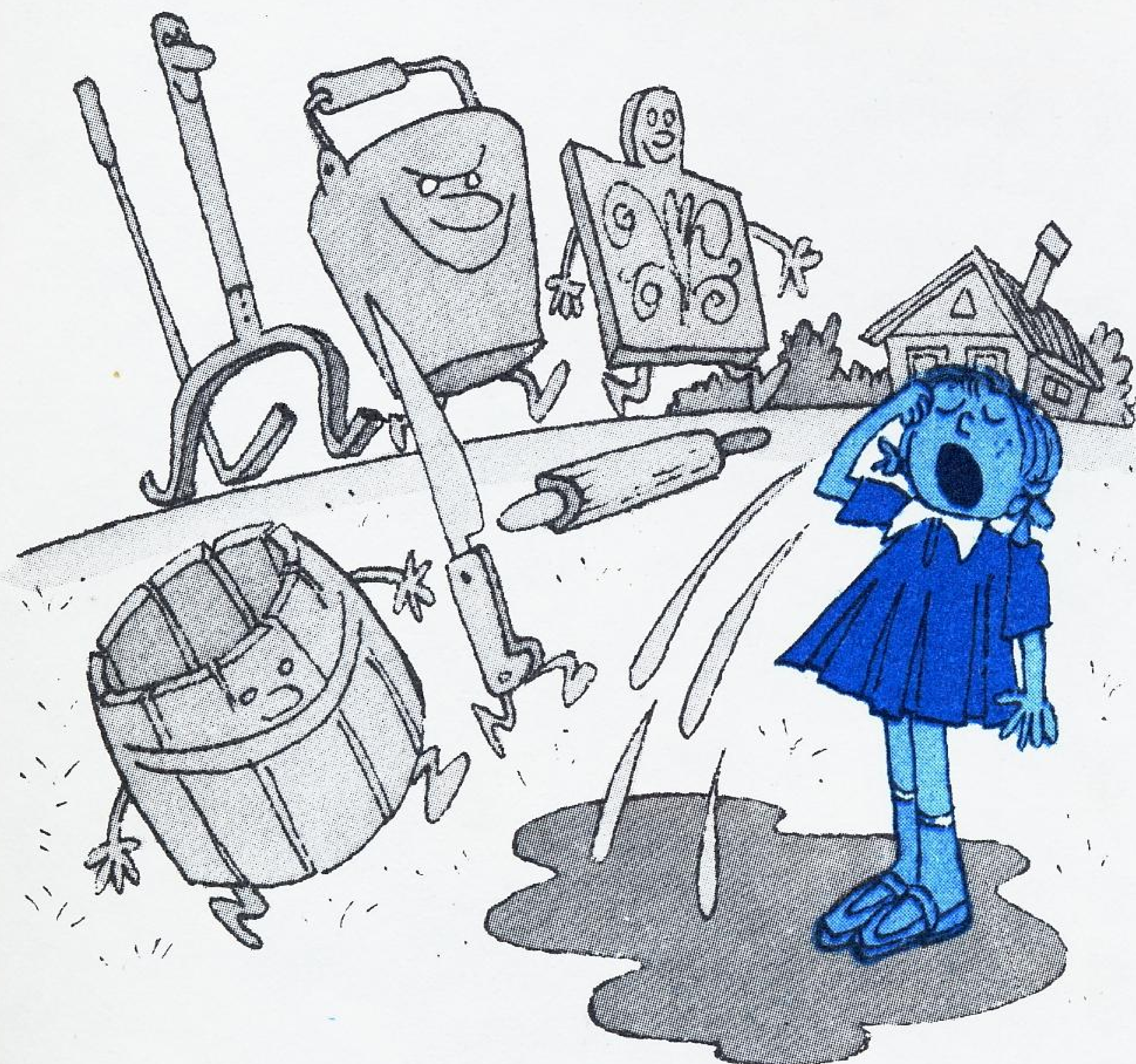
НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учитель. Расскажи о реках Северной Америки.

Ученик. Реки в Северной Америке замерзают с конца...

Валя Петрова,
пос. Березово,
Тюменская область

Из школьных сочинений

«На улицах рос бурьян и покосившиеся заборы».

«По двору спокойно разгуливает всякая домашняя утварь».

«Девочка плакала, и слезы капали прямо в лужу».

«Пришла весна, и все люди засветились».

За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «Переменке» отвечает Н. РОСТОВЦЕВА.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

1979 ГОД —
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ГОД
РЕБЕНКА

«Чтобы солнышко светило!»

Музыка Н. ПЕСКОВА

Слова С. СЛАВИНА

Чтобы солнышко светило,
Чтоб на всех его хватило,
Чтоб цвели в лугах цветы,
Чтоб дружили я и ты. *(2 раза).*

ПРИПЕВ:
За руки возьмемся,
Встанем в круг.
Каждый человек
Человеку — друг!
За руки возьмемся,
Пусть пойдет
По земле
Огромный хоровод! *(2 раза).*

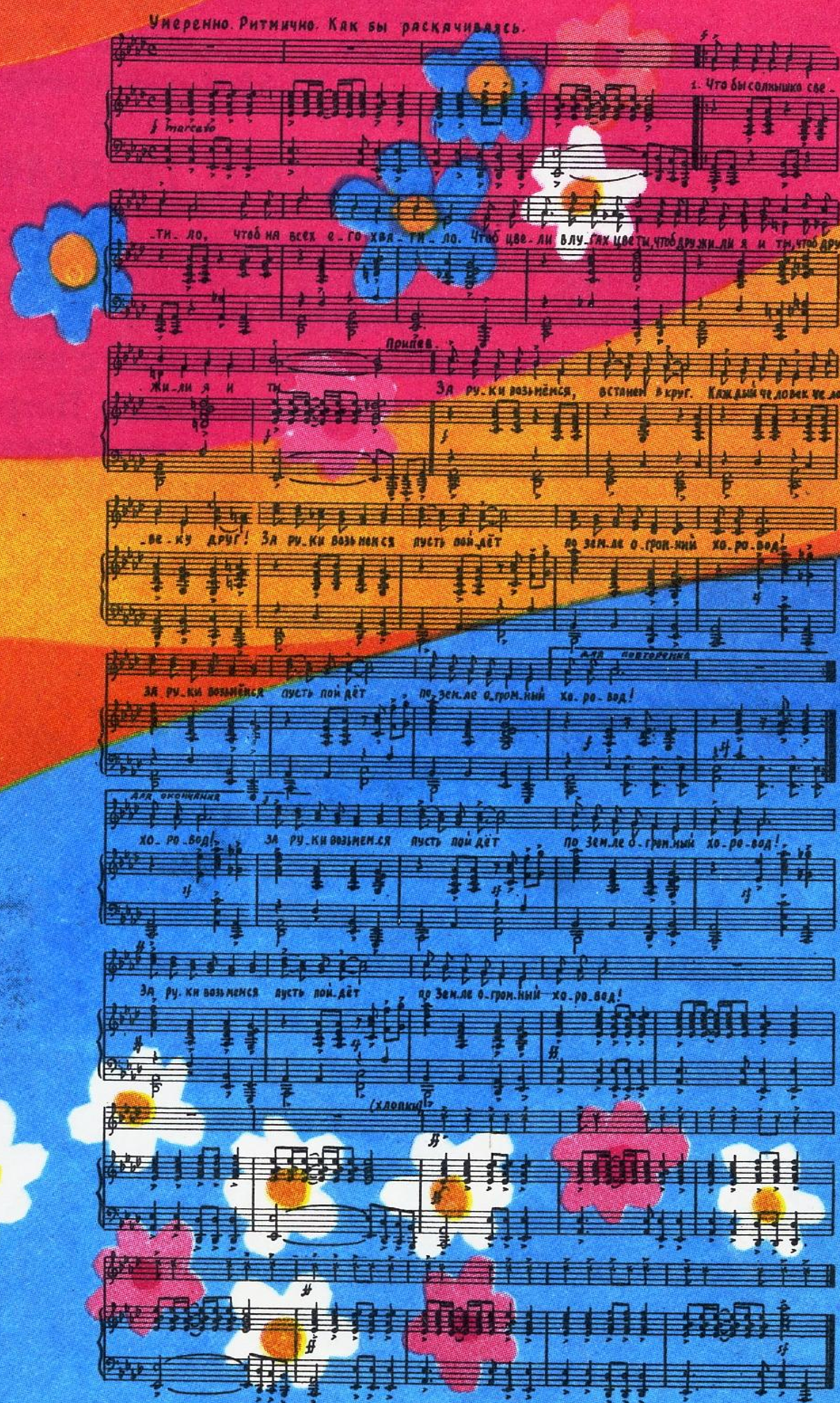
Чтобы солнышко светило,
Чтоб на всех его хватило,
Чтобы пели утром птицы,
Чтоб сияли счастьем лица. *(2 раза).*

ПРИПЕВ.

Чтобы солнышко светило,
Чтоб на всех его хватило,
Чтобы не было грозы,
Чтобы не было беды,
Чтобы не было войны!

ПРИПЕВ.

Чтобы солнышко светило,
Чтоб на всех его хватило,
Чтоб на целом белом свете
Спать могли спокойно дети. *(2 раза).*

Цена 25 коп. Индекс 70694.